

Екатерина

Уильямс

Со всей дури!

Annotation

После пережитой трагедии и горького разочарования Лада Гудилина начинает новую жизнь. И встречает новую любовь, внезапную, счастливую, СО ВСЕЙ ДУРИ!

Но мало-помалу вокруг нее сгущается ненависть, словно расплата за счастье.

Так что же победит: ненависть или любовь?

- [Екатерина Вильмонт](#)

-
-
- [Часть первая](#)
- [Часть вторая](#)
- [Часть третья](#)
- [Часть четвертая](#)
- [Часть пятая](#)
- [Часть шестая](#)
- [Часть седьмая](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Екатерина Вильмонт

Со всей дури!

© Вильмонт Е. Н., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Настоящему индейцу
Завсегда везде ништяк!*

Из песни группы «Ноль»^[1]

Часть первая

Одни руины

– Я больше не могу, у меня сил уже не осталось. Зачем все это? Девять дней, сорок дней... Все кончается банальной пьянкой, никто уже не помнит, зачем собрались... Мама, я...

– Лада, деточка, послезавтра все это закончится.

– Но это же еще надо пережить.

– Переживешь, моя девочка. Если уж смерть Андрюшину пережила...

– Мамочка, мы с ним неверующие были. Он бы этого всего не хотел.

– Но его мать хочет. Она потеряла сына, единственного. И с этим нельзя не считаться. Ты еще молодая, тридцать два всего, еще найдешь свою любовь и замуж выйдешь, а матери что остается? Ты же умная, хорошая девочка. Ну, так принято. Потерпи.

– Потерплю, – вздохнула я. – Потерплю. Но потом начну искать работу.

– Конечно, только, прежде чем начать поиски, уезжай куда-нибудь из Москвы.

– Зачем это? – страшно удивилась я.

– А чтобы морщинки эти скорбные разгладились.

– Мама!

– Поверь, так лучше будет. Тут в соседнем доме твоя свекровь живет, и уж она непременно подметит любую улыбку.

– Мамочка, если бы ты знала, как у меня все внутри болит... Я так любила Андрея... И он меня. Я считала, что вытацила в жизни счастливый билет... Так при чем тут морщинки?

– Деточка, горе штука тяжелая. И оно никуда не денется, пока не притупится боль. Но траур носить уже не нужно. И ты уже думаешь о работе, о новой жизни, а начинать новую жизнь надо с улыбкой. Вот и поезжай куда-нибудь, где тебя никто не знает, и научись снова улыбаться. И еще – подумай о том, чтобы поменять квартиру.

– Квартиру? – ужаснулась я. – Нет, я была здесь так счастлива... – Я заплакала. – Нет, ни за что!

– Ну, как знаешь. Если надумаешь, Пашка тебе во всем поможет.

Пашка – мой племянник, сын моей старшей сестры. Мы с ним друзья.

– Да, и вот еще что... Не нужно ничего готовить.

– Как? – ахнула я.

– Я заказала пироги в «Штолле», капустные и мясные. Закуски Ксюша купит, у них рядом потрясающая кулинария, добавишь свежий огурчик в оливье, и дело с концом. А какой там студень, совершенно домашний. А ты только запечешь телятину для отвода глаз, – слегка улыбнулась мама. – Мария Афанасьевна будет довольна. И мы ей скажем, что это мы с Ксеньей готовили.

Эта мысль сперва показалась мне чуть ли не кощунственной, но мама ведь просто хотела облегчить мне столь нестерпимое для меня мероприятие.

– Мамочка, а как мне... – только начала я.

– Я знаю, что ты хочешь спросить. Как тебе избежать коллективного выезда на кладбище, да?

– Да! – Вот что значит мама...

– Позвони Марии Афанасьевне и скажи, что поедешь на кладбище рано утром, одна.

– Она обидится.

– Я поеду с ней.

– Мама!

– Я завтра сама ей позвоню и сама все скажу.

– Господи, мамочка, что бы я без тебя делала.

– Пользуйся, пока я жива.

– Мама!

– Ну прости, прости!

Едва я вошла в свою квартиру, как позвонил Пашка.

– Тетка, привет! Ты как?

– Что ты спрашиваешь? Ясно же.

– Мать сказала, что они с бабушкой берут это мероприятие на себя.

– Да, спасибо им.

– А от меня что-нибудь требуется?

– Да нет, наверное...

– А тяжести таскать?

– Какие тяжести?

– Воду, водку и т. д.

– Ой, Пашенька... Конечно.

– Напиши список, чего и сколько, я через полчаса заеду.

– Хорошо. Заезжай.

Через сорок минут он заехал. Красивый и, главное, удивительно добрый и хороший парень. В его чудных серых глазах читалось искреннее

сочувствие.

– Список составила?

– Вот!

– Ого! Таскать не перетаскать. Тетка, а кофейку сделаешь?

– Ты голодный?

– Ну, что-нибудь бы съел...

Я открыла холодильник. Там было практически пусто.

– Да, в твоём холодильнике не одна мышь повесилась, а целое мышинное семейство. Вот что, тетка, поедешь со мной, без разговоров. Тебя необходимо покормить.

– Паш...

– Ничего не Паш! Подчиняйся, женщина. А то применю грубую физическую силу. Ты же знаешь, я могу. Сгребу тебя в охапку, не вырвешься, и отволоку в машину. А Мария Афанасьевна сослепу решит, что тебя уже на руках носит чужой мужчина. Тебе это надо?

Я поневоле улыбнулась. И есть вдруг захотелось.

– Ладно, поехали. А тебе не запахло с такой чувырлой появляться?

– Тетка, ты дура!

– Да, наверное...

Он привез меня в большой торговый центр и повел в симпатичное кафе, где вкусно пахло свежей выпечкой.

– Только не думай, что отделаешься каким-то жалким пирожным. Ты у меня съешь нормальный обед. Здесь порции не очень большие, но все вполне вкусно. А потом мы вместе пойдем и все закупим. Скажи, тетка, ты не думаешь вернуться на работу?

– Думаю. Еще как думаю. Но...

– Знаешь, у меня есть идея!

– Господи, Пашка, какая счастливая будет твоя жена.

– Ну, я пока не спешу с этим делом. Еще погулять охота. А тебе неинтересно, какая у меня идея?

– Почему, интересно.

– Так вот, фирма, в которой я сейчас подвизаюсь, явно нуждается в твоих услугах. И я уже начал подготовительную работу.

– Боже мой!

– Да, я исподволь внушаю нашему гендиректору мысль о том, что фирме нужен такой специалист, как ты.

– Ничего себе! А гендиректор что? Слушается?

– Он созревает.

- А что там с фирмой-то?
- Понимаешь, он мужик неглупый, креативный, но из провинции... Нувориш. В людях неважно разбирается. Не умеет с людьми.
- Да, пожалуй, это мой клиент. Правда, я два года не работала...
- Да ладно! Справишься! Ты пока приходи в себя. А там он, глядишь, и созреет.
- Твоя бабушка советует мне после сороковин куда-нибудь уехать...
- Бабуля самая мудрая женщина на свете! И вообще, ты хоть высококлассный специалист, но на данном этапе явно нуждаешься в руководстве. Вон, поела и уже похожа на человека, а не на бледную тень. И я тоже считаю, ты должна куда-нибудь слинять. В какой-нибудь совсем незнакомый город. У тебя бабки-то есть?
- Да, бабки есть.
- Вот, поезжай в какой-нибудь большой незнакомый город, гуляй там, прошвырнись по магазинам, пошатайся по кафешкам и забудь хоть на время, что ты вдова. Ты интересная молодая женщина...
- Перестань! – поморщилась я.
- Ну, хочешь быть вдовой, будь, но помни – жизнь продолжается!
- Ишь ты, мудрец!
- Нет, я не мудрец, я, считай, еще младенец, устами которого глаголет истина.
- Я невольно рассмеялась, впервые за долгое время.
- Знаешь, Пашка, мне и вправду стало чуть-чуть легче.
- Почему?
- Потому что ты не смотришь на меня со скорбным видом, не вздыхаешь сочувственно... С тобой я вспоминаю, что я еще живая...
- Ох, тетка! Ну что, мне продолжать окучивать шефа?
- Да, продолжай! – решительно заявила я.
- Молодчина!
- Ну спасибо тебе, друг! Пошли скупляться, как говорила одна моя знакомая.
- А народу много будет, судя по списку алкогольной продукции?
- Человек сорок, наверное...
- Ого! Вроде на девятинах меньше было?
- Да, но тогда с Андрюшиной работы почти никого не было, у них был корпоративный выезд в Турцию.
- А, понял. Ну, ты держись!
- Постараюсь.
- Я раненько заеду, помогу со столами и стульями...

- А я с самого утра поеду на кладбище.
- А твоя свекровь?
- Бабушка обещала поехать с ней.
- Молодец, бабуля. Как же я люблю всех баб нашей семьи. И поэтому, наверное, никогда не женюсь. Где теперь таких сыскать!

С самого утра меня точила тревога. Это началось еще на кладбище. Мне даже почудилось, что за мной кто-то следит. Но сколько я ни озиралась, никого не заметила. Нервы, наверное, гуляют. И немудрено... В такси все время пыталась обнаружить за собой «хвост», но никакого «хвоста», разумеется, не было. Господи, до чего я не люблю все эти обязательные ритуалы. Знала, что днем будет прорва народу, и не смогла спокойно посидеть на могиле.

– Прости, Андрюша, – сказала я и ушла. Могла и не ездить. Завтра поеду.

Какие-то незнакомые женщины с работы Андрея помогали накрывать столы.

– Лада Владимировна, – обратилась ко мне одна из них, – боюсь, приборов не хватит...

– Да? Хорошо, я поднимусь к соседке, возьму у нее.

Соседка Дина сразу спросила:

– Чего-то не хватает, Ладочка?

– Да, приборов почему-то не хватает.

– Очень много народу?

– Ну да! С его работы понабежали какие-то тетки. Я их и не знаю. Ты-то придешь?

– А как же! Так жалко Андрея... Золотой мужик был. Сколько тебе приборов?

– Десяток наберется?

– Обижаешь! И два десятка, если надо, есть.

– Давай дюжину!

– Только ножи и вилки?

– Да вроде... Хотя нет, и столовые ложки тоже. Свекровь сварила бульон...

– Ладка, ты чего такая? Я все понимаю, но ты что, транквилизаторами накачалась?

– Да нет, почему?

– Какая-то ты заторможенная. Хотя чему удивляться? Знаешь что,

я сейчас сделаю тебе чашку крепкого кофе, выпьешь, оживешь. Тебе силы сегодня понадобятся.

– Да некогда мне...

– Это пять минут. Сядь. Ты сегодня что-нибудь вообще ела?

– Кажется, нет.

– Понятно! Сейчас поправим положение.

Она быстро сварила мне кофе и сделала бутерброд с докторской колбасой.

– Вкусно.

– Еще сделать бутер?

– Давай!

После кофе и двух бутербродов у меня и впрямь появились какие-то силы.

– Я пойду с тобой, тоже помогу, чем смогу.

– Да не надо, мама все готовое купила. И салаты, и пироги... Да свекровь еще что-то наготовила... А баб на кухне – не протолкнуться. Ты просто приходи к трем.

– Ну, как знаешь. Но если понадобится, звони.

Я не стала вызывать лифт, пошла пешком. На лестничной площадке между этажами курили две женщины. До меня донеслась фраза:

– Все-таки ты сволочь, Дашка. Зачем ты-то сюда приперлась?

У меня вдруг занялось дыхание. Я замерла.

– Разве непонятно?

– Мне – нет. По-моему, это просто подло!

– Да почему? Я любила его, и он меня любил. Имею я право проститься с ним?

– И для этого обязательно приходиться в его семью и жрать за столом с его обманутой женой?

Боже, о чем они говорят? Кто обманутая жена? Я?

– А она, между прочим, ничего, стильненькая... И фигура хорошая. Но любил-то он меня!

– Ну, вряд ли сильно любил. Трахать он тебя любил...

– И это тоже.

– Если б любил, ушел бы от жены, детей у них нет. Но не ушел ведь.

– Просто не успел. Мы уж с ним говорили про это. Собирались квартиру покупать. В новых районах в новостройках совсем недорого можно двушку купить.

Я стояла ни жива ни мертва.

– То есть он собирался сперва обустроить гнездышко, а уж потом жену

бросить?

– Именно!

– Знаешь, о покойниках нельзя плохо говорить, но я удивляюсь...

– Чему ты так удивляешься?

– Неужели Андрей был такой скотиной?

– Да нет, просто, как говорится, пестик нашел свою тычинку.

Меня затошнило. Голова закружилась и я едва не выронила приборы. Больше я ничего не слышала. Я быстро спустилась к ним, глянула на эту тварь. Она побледнела.

– Вон отсюда! Чтобы я больше никогда о тебе не слышала! Вон пошла!

Я говорила очень тихо, и от этого, наверно, мои слова прозвучали угрожающе.

– Лада Владимировна! – испуганно воскликнула собеседница этой курвы. – Она сейчас уйдет!

– Да уж, будьте так любезны проследить...

– Прослежу, не сомневайтесь!

Я вошла в квартиру и сразу наткнулась на сестру.

– Ладка, ты куда запропастилась? Ой, что с тобой?

– Ничего. Нервы!

Я взяла себя в руки. Огорчать сестру сделанным только что открытием я ни за что не хотела. Я сказала себе: надо пережить этот день. А там посмотрим...

Вдруг откуда ни возьмись появился Пашка.

– Тетка, надо поговорить. Пошли на балкон!

– Ну, пошли! Что у тебя стряслось?

– Сейчас скажу... Только помнишь, что ты мне сказала в детстве, когда я ногу кипятком обварил? И от боли на стенку лез?

– Ну, помню.

– Так вот, с тех пор это у меня девиз: «Настоящему индейцу завсегда везде ништяк»!

– Ты это к чему, Пашенька?

– Тетка, я, по ходу, слышал тот же разговор, что и ты. Только ты была выше на пролет, а я ниже... И я проследил, чтобы этой лярвы духу здесь не было.

– Но ее отсутствие ничего не отменяет, Пашка.

– Чего не отменяет? – не понял он.

– Ее присутствия в жизни Андрея. А это так мерзко... и так больно...

– Ты поплачь.

– Слез почему-то нет... Комок в горле стоит... а плакать

не получается... И ведь надо еще выдержать эти поминки...

– Настоящему индейцу... сама знаешь!

– Но я-то не индеец, Пашенька!

– Ты не индеец? Да ты самый индейский индеец из всех, кого я знаю!

– Понимаешь, тут ведь все будут говорить, какой он был замечательный, без страха и упрека... И я тоже в это верила...

– Просто потому, что хотела верить, – тихо проговорил он.

– Пашка, ты еще что-то о нем знаешь?

– Да нет... что ты... – как-то вяло и совершенно неубедительно пробормотал он.

– Пашка, лучше скажи!

– Да нечего мне говорить. Все, хватит нам тут шушукаться, а то злые бабы еще подумают, что у нас в семье инцест.

– Совсем сдурел?

– Нет, просто уже маленько знаю баб...

Но тут на балкон вышла сестра.

– Пашка, ты чего тут Ладе голову дуришь?

– Ничего я не дурю! Просто объясняю кое-что.

– Небось насчет индейцев? – улыбнулась Ксюша.

– Именно!

– И как, помогает?

– Кажется, да, помогает... – сказала я. И пошла к гостям, как на Голгофу.

...Я пережила это день, наверное, просто потому, что я живучая. И сработал инстинкт самосохранения. Я просто застыла. Похоже, никто этому особенно не удивлялся, только мама поглядывала на меня с тревогой, да Пашка, сидевший напротив, глазами подбадривал меня. До чего же золотой парень...

Наконец, гости ушли, правда, перебив всю посуду. Остались только мама и Ксюша. Они решили, что переночуют у меня.

Когда мы привели все в порядок, мама сказала:

– Девчонки, я умираю с голоду. Мне на поминках всегда кусок в горло не лезет. И тебе, Ладоска, надо что-то съесть, а то еще хлопнешься в обморок. Ксюня, достань там что-нибудь из холодильника.

Сестра быстро накрыла стол на кухне.

– Ладоска, говори, что стряслось! – потребовала мама. – Ты даже на девятинах была совсем другая.

– Мам, – вмешалась Ксюха, – ты же понимаешь – сорок дней – это все-таки этап...

– Да ладно, я что, свою дочь не знаю? Скажи, ты узнала об Андрее что-то плохое? Да?

– Мама! – всплеснула руками Ксюша.

– Да что мама! Я знаю, что говорю!

– Мама, но откуда... – прошептала я.

– Да он же был тот еще кобель, твой любимый Андрюшенька.

– Ты знала?

– Кое-что знала, кое о чем догадывалась... Я просто надеялась, что он перебесится...

– Господи помилуй! – осенила себя крестом сестра.

– Мама, но почему же ты молчала?

– Ладоска, деточка моя, ты же так его любила! Не могла я... И не хотела вносить разлад... Хуже нет лезть между мужем и женой. Тебе сегодня кто-то что-то сказал?

– Не мне, но я услышала... Эта девка посмела явиться сюда...

– А ты?

– А я ее выгнала.

– Боже, что за люди теперь... Ни стыда, ни совести... И ведь ее наверняка привела сюда не любовь, а любопытство.

– Это уж точно, – кивнула сестра.

– Мама, Ксюха, умоляю вас, давайте прекратим этот разговор. Я не хочу... Не могу... Я должна сама со всем этим разобраться...

– Господи, ты собираешься с ней разбираться? – испугалась сестра.

– Еще чего! Много чести! Я должна разобраться с собой, со своими чувствами. И, главное, найти работу.

– Я вообще не очень поняла, почему ты работу бросила? – спросила сестра.

– Андрей настаивал. Я бы не поддалась, но фирма накрылась, и я не стала искать новую работу. А сейчас мне Пашка предлагает попробовать у них на фирме... Говорит, их начальнику позарез нужна моя помощь.

– Ладка, знаешь, я иногда даже ревную Пашку к тебе... – призналась сестра. – Он так тебя обожает! И, насколько я понимаю, с тобой он делится своими секретами, а со мной никогда.

– Ты ему, наверное, нотации читаешь, девчонок отбраковываешь...

– Ну ты скажешь... – покачала головой сестра. – Но я же мать... И я не могу допустить...

– Вот-вот! – улыбнулась мама. – Ты вспомни, я вас вполне демократично воспитывала, и вы у меня обе вполне задались. Ксения в отца, занудничать любит. А ты, Ладоска, и впрямь иди на работу. Только сначала

надо привести себя в порядок. А то в таком виде тебя никто не возьмет. Кому может помочь депрессивный психолог? Да и кто такому поверит?

– Но Пашка говорит, надо спешить...

– Тогда я знаю, что делать! – загорелась мама. – Завтра ты еще приходи в себя, а я займусь организацией...

– Какой организацией?

– Организацией реанимации депрессивного психолога. И вот еще что... Перебирайся пока ко мне.

– Зачем?

– Подальше от глаз твоей свекрови. Она же будет ревниво следить за тем, как ты одета, как ты выглядишь и все такое...

– Правда, Ладка, перебирайся к маме пока. Это правильно.

– Мамочка, Ксюха, вы что, и вправду думаете, что я через два дня уже буду в состоянии...

– Будешь! Должна! Надо жить дальше. Да, ты потеряла мужа. Это прискорбно, но, между прочим, лучше так, чем если бы он тебя бросил ради молодой сучонки! – горячо воскликнула сестра.

– Нет! Пусть бы он жил. Так вообще нельзя рассуждать, это грех... – рассердилась мама. – И потом, Ладка, то, что ты узнала сегодня... вероятно, может каким-то образом примирить тебя...

– Короче, вы обе хотите мне сказать, что настоящему индейцу завсегда везде ништяк?

– Вот именно!

Ночью я глаз сомкнуть не могла. Восемь лет счастливого брака вмиг превратились в труху. Я пыталась внушить себе, что несмотря ни на что Андрей любил меня. Меня, а не своих девок. Но, значит, не очень-то и любил, раз девки водились? А я никогда ничего не замечала... Или не хотела замечать? Вот мама, кажется, замечала. А я – нет. Но если он меня не любил, то зачем же жил со мной? Или он был из породы мужиков, которые органически не в состоянии хранить верность? Но он был здорово ревнив. И холодности с его стороны я никогда не чувствовала. А может, это потому, что у меня не может быть детей? Но он всегда внушал мне, что в наше такое трудное время заводить детей страшно. А эта девчонка красивая... Такая экзотическая внешность... Да, она может свести с ума мужика... Запросто! Но ведь и я не на помойке нашлась. Я всегда нравилась мужчинам. А Андрей просто ушел из дома и не вернулся... Попал в аварию, и я ездила опознавать его труп. Как я не рехнулась тогда? Я прислушалась к себе. Интересно, боль от потери стала меньше после

того, что я узнала вчера? Нет. Нет!!! Она удвоилась. Я потеряла его второй раз! Но, как ни странно, я чувствовала, что с этой, второй, болью я уже смогу жить без него. Что это? Горькая обида? Или уязвленное самолюбие? Известно, эта боль самая больная. А мое самолюбие уязвлено. Еще как! И боль почти нестерпимая. Но жить все-таки стоит! Мало ли... Вдруг удастся когда-нибудь утереть нос этой наглой экзотке? Да, теперь она для меня всегда будет наглой экзоткой! А я – настоящим индейцем! Я не выйду на тропу войны, но и трубку мира раскуривать не стану. Я просто постараюсь забыть! И о ней, и о... нем! Так будет лучше.

...Утром я собрала сумку и отнесла ключи Дине.

– Куда это ты собралась? – спросила она.

– К маме. Поживу пока у нее.

– Вот это правильно. А цветы я буду поливать. Не беспокойся. Знаешь, я вчера слышала...

– Понравилось?

– Ладка, зачем ты так? Просто я подумала, может, это и к лучшему...

Я и раньше видела тут эту девку, он приводил ее сюда, когда ты в Чехии была.

Я похолодела.

– Дин, ты уверена?

– Уверена. Она очень приметная.

– Почему не сказала?

– Я не доносица. И меня это, собственно говоря, не касается. Просто противно стало. Я сама с мужем развелась из-за того, что он свою бабу домой водил. А ты не упивайся горем. Ищи работу. Живи своей жизнью.

– Я постараюсь.

Нет, в эту квартиру я больше не вернусь. Поживу пока у мамы, а через полгода продам ее к чертовой бабушке. Как подумаю, что он спал с ней в нашей постели, что она мылась в нашей ванной... К горлу подступает тошнота. И к сердцу... От нашей с Андреем жизни не осталось ничего... Машина вдребезги... Квартира опоганена... И память о нем тоже опоганена...

– Мама, я к тебе!

– Вот и чудесно! Живи, сколько хочешь.

– Мамочка, я ту квартиру продам.

– Правильно!

– Но это потребует времени. Полгода.

– Не думаю! Квартира-то по документам твоя. Это не совместно

нажитое имущество, а подарок твоего отца к вашей свадьбе. Так что хоть завтра продавай! И надо подыскать тебе новую квартиру поближе ко мне.

– Мамуля, а может, съедемся, а?

– Ни в коем случае!

– Почему?

– Тебе нужна отдельная квартира. Ты еще и романы крутить будешь, и замуж выйдешь...

– О нет, благодарю покорно!

– Там видно будет, – грустно улыбнулась мама. – Идем на кухню, я сделала твой любимый протертый суп. И ватрушку испекла.

– Мамочка!

Как ни странно, поела я с аппетитом. Когда мы уже пили кофе с ватрушкой, я вдруг спросила:

– Мама, скажи... А папа... он тебе изменял?

Мама рассмеялась.

– А как же!

– И ты прощала ему?

– Да, прощала. Но он делал это очень, я бы сказала, изящно. И я точно знала, что любил-то он меня, а девки... это было так, для поддержания тонуса. И я тоже ему изменяла, и тоже для тонуса. А в результате у нас был вполне гармоничный брак. Мы вырастили двух чудесных дочек. И когда он умер, никакая грязь не всплыла... Он был прелестным человеком, твой отец.

– И у вас даже речи о разводе не заходило?

– Да нет же!

– Мама, а ты... ты изменяла папе... без любви?

– Нет, была у меня любовь. И я бы ушла... Но...

– Тот человек не хотел на тебе жениться?

– Хотел. Очень хотел. Только он был испанец. Его мать привезли в Союз еще совсем крохой, она была из тех испанских детей... И он собрался вернуться в Испанию. Звал меня с собой, но у меня уже была Ксюха. И я бы лишила ее не только отца, но и родины. Для нашего поколения это был не пустой звук. И он уехал, а твой отец... он что-то почувствовал. Он ужасно боялся меня потерять.

– А тот человек? Ты с ним еще виделась?

– Нет. Он уехал и сгинул. Он очень обиделся тогда. И потом для него началась совсем новая жизнь, а это всегда непросто. И ему, видно, было не до меня. А я через полтора года тебя родила. И уже никуда не стремилась. И папа успокоился. Он вас обожал. И мы прекрасно жили.

Тем более что после перестройки он смог реализовать себя, его идеи понадобились. Он консультировал многих крупных бизнесменов, ему за это прекрасно платили. Работал с утра до ночи, и не до гулянок ему стало. Знаешь, в советское время мужики зачастую спивались и пускались во все тяжкие из-за невозможности себя реализовать...

– Да, я об этом слышала.

– Ничего, Ладوشка, и у тебя еще все будет хорошо. А завтра мы поедem в салон красоты и по магазинам. Не будем откладывать начало новой жизни.

– Да, мама, правильно, тем более что позади одни руины...

Часть вторая

С чистого листа

Через несколько дней после переезда к маме я была практически готова к трудовым подвигам. С утра до ночи занималась аутотренингом и приведением себя в надлежащее состояние. Об Андрее я почти не вспоминала, удалось заблокировать память. Все в прошлом. Я начинаю с чистого листа...

Пашка заехал за мной.

– Ну, тетка, поехали! Выглядишь отпадно. Не будь ты моей теткой, я бы на тебя запал...

– Боже, какой ты пустомеля!

– Ничего не пустомеля! Просто ты объективно классно смотришься. Я тобой горжусь!

– Гордиться будешь потом, если у меня...

– Не если, а когда у тебя все получится!

Мы подъехали к внушительному зданию, где помещалась фирма, в которой работал он и предстояло работать мне. Я вдруг оробела.

– Ништяк! – сказал Пашка. – Вперед и с песней.

Мы поднялись на лифте на тринадцатый этаж. И я вдруг успокоилась. Тринадцать – мое любимое число.

Юная красотка секретарша доложила о нашем приходе.

– Заходите!

Кабинет шефа был огромен. Сам он терялся где-то вдали.

– Помни – ты настоящий индеец! – шепнул Пашка.

Шеф, еще молодой мужчина, не встал. Видимо, просто не знал, что надо. Ничего, я тебя вышколю, задорно подумала я.

– Присаживайтесь, пожалуйста. А ты, Павел, свободен.

Пашка едва заметно пожал плечами и удалился.

Шеф с интересом меня рассматривал. Молчание затягивалось. Пора брать быка за рога.

– Итак, вам понадобились мои услуги.

– Совершенно верно. Вас как звать-то?

– Лада Владимировна. А вас?

– Юрий.

– А отчество?

– Юрий Александрович. Только зачем нам отчества?

– А это избавляет от ненужной фамильярности. Помогает держать необходимую дистанцию. Не говоря уж о том, что мы русские, живем в России, где принято обращаться к малознакомым людям по имени-отчеству.

– Во как! Ну, круто! Ладно, перейдем к делу. Мне нужен корпоративный директор.

– А что это такое, можно спросить?

– Ну, тебе, то есть вам, надо будет для начала заняться моим имиджем и имиджем фирмы. Познакомиться с персоналом. Ну и... следить, чтобы все соответствовало... Фирма крупная, занимается внедрением высоких технологий в разные сферы деятельности. Слушай, а тебя мама случайно Ладочкой не звала?

Я вытаращила глаза.

– Откуда вы знаете?

– Выходит, звала?

– И сейчас зовет. Но...

– Ладка, не узнаешь меня?

– Нет.

– Ох, блин! Мы же с тобой даже целовались... Не припоминаешь?

– Нет.

– Вот безголовая! – уже всю смеялся он. – В Гатчинском парке и в заброшенных помещениях дворца...

– Юрка! Господи, я тебя совсем не узнала! Ты такой босс...

– А ты такая фря! Ну надо же, как интересно! А я гляжу, что-то знакомое. Но вспомнить не мог, а потом ты так бровь подняла, и я сразу вспомнил. А ты шикарная баба. Ну что, пойдешь ко мне работать? А Павлик, значит, сын твоей сестры. Здорово креативный парень, между прочим. Слушай, Ладка, я рад. Здорово рад.

– Я тоже рада. Так неожиданно...

– Я тебя беру.

– Неосмотрительно.

– Почему?

– Ну, ты же ничего обо мне не знаешь еще. А просто по причине старого знакомства...

– По причине старого знакомства я скажу тебе, ты меня явно недооцениваешь. У меня есть на тебя полное досье. Просто я не помню твоей фамилии или вовсе никогда ее не знал. Когда с девчонкой в основном играешь в волейбол и целуешься по кустам, фамилии как-то

не спрашиваешь. Ты ведь тоже моей фамилии не знала?

– Не знала.

– Ну так вот, я тебя беру!

Он позвонил секретарше.

– Юль, принеси два кофе.

– Ну, если ты меня действительно берешь, то я немедленно приступлю к своим обязанностям. Итак, в присутствии любого твоего сотрудника, вплоть до уборщиц, мы обращаемся друг к другу по имени-отчеству.

– Понял. Права.

– Секретарша у тебя толковая?

– Более или менее. Зато красивая.

– Ты с ней спишь?

– А это имеет значение?

– Да.

– Не понял.

– Секретаршу надо бы сменить. А за пределами фирмы делай что хочешь.

– Я все же не понял.

– Серьезные клиенты при виде такой несомненно хорошенькой девушки могут счесть тебя не слишком серьезным руководителем. Кроме того, такие юные прелестные создания, с которыми спят начальники, питательная почва для промышленного шпионажа.

– Здравсьте, приехали!

– Дело, конечно, твое. Я просто излагаю тебе свои соображения.

– А что ж мне, старую грызму в приемной посадить?

– Да. Это будет лучше. Или толкового парня.

– Я подумаю. А еще что?

– Какая у тебя машина?

– У меня несколько...

– На фирму ты на какой приезжаешь?

– На «Майбахе».

– Не годится.

– Почему?

– Провинциальные понты, Юрочка.

– Круто! А на чем же мне ездить?

– «Мерседес», «Ауди», «БМВ». Вполне достаточно.

– А ты знаешь, сколько стоит «Майбах»?

– Примерно.

– Куда ж я его дену?

– Это уже не моя проблема.

– Круто!

– Скажи, сколько человек у тебя в штате?

– Сто двадцать. С тобой будет сто двадцать один. И Юльку я пока увольнять не буду.

– Дело твое. Если ты в ней уверен...

– Уверен. Она у меня уже полтора года работает. Хорошая девка.

– Юра, я только даю рекомендации. Настаивать ни на чем не буду. Скажи, у тебя на фирме что-то не так? Зачем ты пригласил меня?

– Ну, я, как ты заметила, провинциал. И с понтами. Бывает, увлекаюсь какой-то идеей и иду напролом. Потому и добился многого. Но в последнее время напролом уже не всегда правильно. В коллективе кое-где наблюдается разброд и шатание. Он раньше работал как хорошо отлаженный механизм, а в последнее время что-то стало сбивать. Вот я и подумал... А тут Павлик предложил свою родственницу. Слушай, я забыл, у тебя в Гатчине кто-то жил?

– Мамина тетка. Она, к сожалению, в позапрошлом году умерла. А у тебя? Ты ведь тоже не местный был?

– Ага, я из Кинешмы. А в Гатчине жили отцовы родственники. А ты давно там была?

– В позапрошлом году, на похороны ездила. Это теперь такой очаровательный городок... И дворец постепенно приводят в порядок. А знаешь, я когда в парке белок кормила, вспомнила, как мы с тобой там целовались... Кто бы мог подумать, что мы еще встретимся.

– Да уж... Сюрприз! Ладно, время поджимает. Короче, я тебя беру. Оформляйся! И завтра же приступай к работе!

Мы еще обсудили условия, которые меня вполне устроили, и я ушла.

Я прекрасно понимала, что работа предстоит нелегкая, меня непременно будут подсиживать недовольные моими рекомендациями, но это часть профессии. Никуда не денешься. И все-таки я была страшно рада.

Часть третья

В броне

- Слышь, Пашка, это правда, что Гудилина твоя родственница?
- Допустим. И что?
- Да крутая баба!
- И что?
- А сколько ей лет?
- Тебе зачем?
- Да интересно. Она вдовица, говорят.
- Слушай, отвянь, а?
- Она ничего, красивая... С такой можно...
- Можно в рыло схлопотать. Это запросто.
- Пашка, ты чего как неродной?
- Я как раз как родной, только не тебе, козлу.
- За козла ответишь!
- Хоть сейчас!
- Да ладно, охота была связываться.

Это был далеко не первый подобный разговор. Персона Лады Владимировны Гудилиной вызывала интерес и зачастую небеспочвенные опасения. Четыре человека по ее милости уже вылетели с работы. Правда, от этого был явный толк. В отделах, откуда уволили людей, атмосфера определенно изменилась к лучшему. Однако оценить объективно эти перемены далеко не все были в состоянии. Поползли слухи, что она любовница шефа и нашептывает ему в постели свои драконовские рекомендации.

Когда этот слушок достиг ушей Пашки, он скрипнул зубами и набрал номер Лады.

- Тетка, ты можешь сегодня со мной пообедать?
- Что-то случилось?
- Есть одна темка. Но хотелось бы вне стен фирмы.
- Хорошо.
- Тогда я за тобой зайду.
- Заходи.

Они отправились в ресторанчик на соседней улице.

– Что стряслось, Пашенька?

– Как тебе у нас работается?

– Да нормально. Вроде моя работа приносит плоды. А что?

– Скажи, а с Яншиным как?

– Хорошо. Очень правильный мужик. И прислушивается к советам.

– Это ты ему посоветовала сменить «Майбах» на «мерс»?

– Я. Ну, он же меня для того и нанял. И говорит, что доволен.

– А ты знаешь, ходят слухи, будто у вас роман.

– Роман? Да ты что! Нет, Пашка, нет никакого романа. Боюсь, я нескоро еще буду в состоянии завести роман. И уж точно никогда не позволю себе завести роман с руководителем, к тому же женатым руководителем.

– А кто-то слышал, что ты с ним на «ты».

– Значит, это Юля. Единственная рекомендация, к которой Яншин не прислушался.

– Ты советовала ему уволить Юльку? Он же с ней спит! Но при чем здесь она?

– Видишь ли, Пашенька. Выяснилось, что мы с Яншиным в далеком отрочестве дружили, когда я летом жила у маминой тетки в Гатчине. Поэтому и общаемся наедине на «ты». Но только наедине. А девица, выходит, подслушивает...

– Ты скажешь ему про это?

– И не подумаю. Это очень маленький грех. Полагаю, большинство секретарш подслушивают. А особенно секретуток.

– А что, значит, если кто-то скажет про ваш роман, можно смело давать в морду?

– Да ни в коем случае! – рассмеялась Лада. – Еще не хватало!

– А знаешь, мужики тобой интересуются. Сколько уж раз о тебе расспрашивали.

– Ну надо же! А ты что?

– Посылаю.

– Молодец! Слушай, а ты меня только за этим позвал? Проверить сплетню?

– Ну да.

– Дурачок! Думаешь, я не знаю, что у меня за спиной шепчутся? Перемывают мне косточки, обсуждают мои платья? И боятся.

– Боятся, это точно. А скажи, вот если бы ты пришла к выводу, что я, твой любимый племянник, порчу атмосферу в коллективе, что бы ты

сделала? Промолчала?

– Не надейся! Просто я бы тебе посоветовала уйти с фирмы по собственному желанию.

– А я бы, допустим, не ушел?

– Тогда бы я пошла к Ксюхе и мы бы вдвоем тебя дожали.

– А если бы я все равно уперся?

– Ну, тогда бы я все сказала Яншину. Но ты не дергайся. С тобой пока все в порядке. Ты же настоящий индеец. И мы с тобой одной крови. А ты в курсе, что ты высоко котируешься у девушек на фирме?

– А то! Можно сказать, проходу не дают.

– Вон даже как!

– Слушай, тетка, я еще хотел бы... посоветоваться с тобой...

– По поводу?

– По поводу одной девушки... Мне она скорее нравится... Но она во что бы то ни стало хочет в ЗАГС.

– Приезжая?

– Нет. Москвичка.

– А ты в ЗАГС не хочешь?

– Нет. Ни за что.

– А если девушка забеременеет?

– Я очень осторожен.

– Пашка!

– Да нет, я... Понимаешь, она... Она неглупая, красивая, но маниакально хочет замуж. А я не готов.

– Пашка, бросай ее.

– Почему? Она вроде бы меня любит, и мне с ней неплохо.

– Но ты ее не любишь.

– Да вроде даже люблю...

– Вроде... Именно что вроде. Так, как ты о ней рассказываешь, не говорят о девушке, которую любят.

– Думаешь?

– Думаю.

– Слушай, а давай я тебя с ней познакомлю?

– Можно. Только не предупреждай ее. Пусть это будет случайная встреча. Где-нибудь в кафе. Только не в ночном клубе. Я туда не хожу. Ты ей обо мне что-нибудь говорил?

– Ну, говорил, конечно. Но без деталей. И не говорил, что ты у нас работаешь.

– А она чем занимается?

– Заканчивает Иняз.
– О! А чем интересуется?
– Да многим... Нет, она вовсе не бестолочь...
– Книги читает?
– Да. В восторге от Кундеры.
– Тут мы с ней не сойдемся во вкусах, – улыбнулась Лада. – Но это значения не имеет. Вот что, ты придумай, где и когда устроить встречу, и свистни мне. Да, а как ее зовут?

– Яна.
– Все. Приняла к сведению, а сейчас пора на работу.
– Тетка, а ты вечером всегда дома торчишь?
– Да, мне, знаешь ли, никуда не хочется, – тяжело вздохнула Лада.
– Сапожник без сапог? Сама себе поднять дух не можешь?
– Пока нет. Только работа и спасает. Все, Пашка, идем!
У Пашки сжалось сердце. Она показалась ему сейчас такой несчастной, такой одинокой... И его деятельная натура сразу подсказала ему, что делать в этой ситуации. Но спешить не надо, а то всех только насмешишь.

Лада являлась на работу всегда безукоризненно одетая, причесанная волосок к волоску, с легким макияжем и непременно на высоких каблуках. В ее маленьком кабинете всегда стояли цветы. Она сама их покупала. Чтобы люди, приходя к ней, чувствовали себя уютно. Кроме того, на столе стояла вазочка с печеньем и конфетами, а на подоконнике примостилась небольшая кофеварка.

К концу рабочего дня она так выматывалась, что сил уже ни на что не было. Скорее бы добраться до дому. Дома хорошо, там мама... Но в последнее время мама стала заводить разговоры о том, что надо бы Ладосшке познакомиться с кем-то. То одна, то другая мамина подруга предлагала кандидатуру потенциального жениха. Ладу это бесило.

– Мама, скажи им, мне никто не нужен! А если понадобится, я сама найду!

– Да когда тебе искать, Ладосшка? Целыми днями на работе торчишь, а вечером приползаешь уже никакая... Почему машину не покупаешь?

– Да некогда все. И я не решила еще, какую брать. Да и вообще... Как по Москве ездить, где парковаться? И потом, надо сперва с квартирой что-то решить. Может, придется большой ремонт делать на новом месте. А пока все варианты неподходящие...

– Да ладно, живи здесь. Мне веселее. По крайней мере, пока мужика

не найдешь...

– О господи, мама! Да я даже подумать не могу о мужиках.

– Но ты же совсем молодая женщина...

– Мама!

– Ну все, все, молчу!

И подобные разговоры происходили с полной регулярностью.

Но сегодня мать встретила ее словами:

– Ладочка, тебе звонили!

– Кто?

– Какой-то Егор Иваницкий.

– Чего хотел?

– Тебя. Он твоего мобильного не знает. Но я на всякий случай не дала.

Мало ли кто это...

– Это друг детства Андрея. Он несколько лет назад уехал работать в Новую Зеландию. И сгинул. А сейчас вот объявился... Но откуда он знает твой телефон? Это странно.

– А ему твои соседи дали.

– Поняла.

– Он сказал, что еще будет звонить.

– Пусть звонит. Будет выражать соболезнования. Не хочу!

– Так тебя не звать к телефону?

– Нет, мамочка, не зови. Егор остался в прошлой жизни.

– Ну-ну.

И Лада забыла об этом звонке. Прошло три дня. Была суббота. Евгения Петровна ушла с подружкой в кино. Лада занималась уборкой. Зазвонил телефон. Она взяла трубку.

– Ладка? Наконец-то я тебя застал!

– Простите, кто это?

– Не узнала? Это Егор. Помнишь такого?

– Помню, конечно. Привет.

– Ладочка, я узнал про Андрея... Какой ужас!

– Да, – вяло согласилась Лада.

– А где его похоронили?

– На Хованском.

– Может, съездим вместе?

– Нет. А ты поезжай, я скажу, как найти могилу.

– Лада, почему ты не живешь дома?

– Не могу.

– Понимаю. Но я очень хочу тебя повидать.

– Зачем?

– Лада, но мы же были друзьями. И не только с Андреем. Или ты на меня за что-то обижена?

– Нет. Что ты. Просто...

– Я понимаю, но очень, просто очень хочу тебя увидеть. Давай встретимся. Поговорим. Пообедаем...

– А ты в Москве надолго?

– Да навсегда! Знаешь, так вдруг потянуло в родные края.

– Дым отечества?

– Именно. Ладочка, давай, встряхнись, вспомни, как хорошо мы с тобой всегда общались...

Лада вдруг ощутила, что ей хочется куда-то пойти, хочется поговорить с Егором, с которым она и вправду всегда с удовольствием общалась. И, может быть, он что-то знает об этой экзотке? Он был самым близким другом Андрея.

– Хорошо. Давай встретимся.

– Тогда через полтора часа я заеду за тобой. Говори адрес.

Егор волновался. Лада всегда ему нравилась, пожалуй, он даже был слегка влюблен в нее, но никогда не позволил бы себе позариться на жену друга. И как ни странно, он принял решение вернуться в Россию после того, как увидел ее во сне. Но я ей этого не скажу. Не поверит. Решит, что я просто самым пошлым образом к ней клеюсь. А потом, когда я уже купил билет в Москву, из социальных сетей узнал о гибели Андрея. А Лады в соцсетях не было нигде. Зато какая-то девица выложила в сеть свои фотографии с Андреем и писала, что он любил именно ее... Какой же бессовестной тварью надо быть, чтобы сделать такое. И, главное, зачем? Ведь Андрея уже нет. Просто, чтобы досадить Ладе? Своими бы руками придушил гадину. Надо только молчать об этом. Вдруг Ладка этого не читает?

Он подъехал к дому и позвонил.

– Я на месте, Ладочка!

– Иду!

Сперва он даже не узнал ее. Она так похудела, бедная...

– Лада!

Он кинулся к ней и обнял.

– Какой ты стал... Я и забыла, какой ты высокий.

– А помнишь, ты мне говорила: «Егорка, подними меня, чтоб я могла тебя чмокнуть!»?

– Да. Помню!

Он вдруг схватил ее и поднял.

– Чмокай!

Она обняла его за шею и расцеловала. Вдруг страшно обрадовалась ему.

– Егор, я так рада... Ты такой красивый стал... Загорелый...

– Знаешь, я там, в этой Новой Зеландии, чуть с тоски не помер.

– Ты там не женился?

– Да боже сохрани, на ком там жениться? Там таких, как ты, нету.

– Егор, пусти, приземли меня!

– Приземляю! – рассмеялся он. Он обрадовался тому, что она по-прежнему волнует его. Только не гони коней, сказал он сам себе, а то спугнешь ее. Ты столько ждал, подождешь еще...

– Ну, садись, поедем есть шашлыки! Ты по-прежнему обожаешь шашлыки?

– Ты помнишь? Надо же... – растрогалась она.

Он усадил ее в машину, заботливо пристегнул ремень безопасности.

– Егор, – нерешительно проговорила она, когда он тронул с места. – Знаешь, давай только не будем говорить про Андрея. Я не хочу.

Знает, подумал он, и сердце его сжалось.

– Не будем, раз не хочешь. Нам и так есть о чем говорить.

– Спасибо. А куда мы едем?

– Когда ты согласилась со мной встретиться, я полез в Интернет и узнал, где вроде бы готовят лучшие в Москве шашлыки.

– Так уж и лучшие... – улыбнулась она.

– Вот и проверим.

Шашлыки и впрямь оказались выше всяких похвал.

– Боже, как вкусно! – простонала Лада. – Знаешь, я уж забыла, что можно получать такое удовольствие от еды.

– То-то я гляжу, от тебя половина осталась... Ешь, Ладочка, ешь сколько хочешь!

– Спасибо, Егор... Кажется, я возвращаюсь к жизни.

– Скажи, а ты работаешь?

– Да. Корпоративным директором в одной фирме.

– Звучит солидно. И что это за должность?

– Я занимаюсь имиджем хозяина, психологической атмосферой в коллективе, ну и все в таком роде.

– Тебе это интересно?

– Да.

- И платят прилично?
- Да.
- Ты молодчина! Как там твой племянник говорил? Ты настоящий индеец, да?
- Ты и это помнишь?
- Еще бы! А между прочим, это я тебя на эту песенку навел!
- Точно-точно! Надо же... Кстати, именно Паша устроил меня на работу. Такой чудесный парень вырос.
- Не женился еще?
- Да нет. Он тут на днях познакомил меня со своей девушкой.
- И что?
- Она мне ужасно не понравилась.
- Чем?
- Манерная. Недобрая. И чересчур целеустремленная.
- А цель – Пашка?
- Конечно.
- А хоть красивая?
- Очень.
- Может, она его любит?
- То-то и оно, что нет. Понимаешь, она рассматривает Пашку просто как ступень в жизни. Для начала он вполне неплох, а подвернется что-то повыгоднее, не задумываясь бросит. И вообще способна идти по головам.
- А Пашка? Сильно влюблен?
- Ну, был бы сильно влюблен, не звал бы тетку на консультацию.
- А ты ему о своих впечатлениях сказала?
- В очень щадящем варианте.
- Он прислушался к тебе?
- Он задумался.
- Ну, если задумался, это уже хорошо.
- Скажи, Егор, а что ты собираешься делать в Москве?
- Жить и работать.
- Где работать?
- Я буду московским представителем очень крупной китайской фирмы. Ты же помнишь, у меня второй язык китайский.
- Помню, конечно. Знаешь, Егор, спасибо тебе.
- Господи, за что?
- Я как-то опять почувствовала себя... человеком. Она хотела сказать «женщиной», догадался он.
- Вот и чудесно. Значит, я могу рассчитывать, что иногда ты будешь

откликаться на мои приглашения?

– Да, мне с тобой легко.

– Десерт какой-нибудь будешь?

– Кофе... Хотя, пожалуй, возьму еще и паннакоту.

– Отлично! Я тоже.

Он видел, что она хочет что-то сказать или спросить.

– Егор, скажи...

– Да?

– Ты... ты знал, что у Андрея... была другая женщина, а может, и не одна?

– Нет, не знал. А ты что-то знаешь или это только подозрения?

– Если бы... Она явилась к нам в дом на сороковины. Я ее выгнала. Так она выложила в соцсетях фотографии и свои признания... Отомстила.

– Зачем ты это читаешь?

– Я не читаю. Доброжелатели постарались. Она очень красивая, но это ладно... Просто я не могу понять, как Андрей мог связаться с такой... Знаешь, как она сказала об их романе? «Пестик нашел свою тычинку»... Мне кажется, я все могла бы понять и простить, но не это...

– Позволь, а зачем она приперлась на сороковины?

– Я сперва думала, что из простого любопытства. Но потом соседка мне сказала, что в мое отсутствие Андрей приводил ее в дом.

– Какая гадость!

– Да уж...

– Лада, не надо об этом думать. Это уже прошло. Андрея нет больше.

– Я как будто два раза его потеряла.

– Понимаю. Но не надо оглядываться. Надо смотреть вперед. Ты молодая, очень красивая, умная, не растеклась от горя, а пошла работать... Я восхищаюсь тобой. И все у тебя будет хорошо. И мы не станем говорить о прошлом. О, а вот и паннакота!

– Вкусно! Спасибо, Егор, я давно не получала удовольствия от еды, хотя мама старается, готовит все мое любимое... И вообще... Спасибо!

– Всегда к вашим услугам, мадам!

...К Ладе в кабинет постучались.

– Войдите!

На пороге стоял Пашка и какая-то высокая девушка, на голову выше него и, как показалось Ладе, совсем неинтересная.

– Добрый день! – удивленно проговорила Лада. – Заходите.

– Лада Владимировна, – официально начал Пашка, – вот Лидия не решается сама к вам обратиться. У нее проблемы. Поговорите с ней! А я

пошел.

Странно, подумала Лада, я не помню эту девушку. А у меня прекрасная память на лица.

– Садитесь. Лида, да?

– Да.

– Ну что, Лида, хотите кофе?

– Нет, спасибо. У меня на кофе аллергия.

– Тогда, может быть, чаю?

– Зачем это?

– Ну, за чашкой чаю разговаривать легче.

– Мне легче не будет.

– А что у вас случилось?

– Ничего не случилось.

– Да нет, я же вижу, у вас явные проблемы. Только вот какого рода?

– Да я не знаю... Это Павел, он сказал, что я просто обязана к вам пойти... Но я не понимаю.

– Хорошо. Тогда я буду задавать вам вопросы, а вы постарайтесь отвечать максимально честно.

Она как-то криво улыбнулась.

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– Вы замужем?

– Была.

– Дети есть?

– Дочке три годика.

– Муж вас оставил?

– Да.

– У вас в телефоне есть его фотография?

Она замялась и покраснела.

– Да.

– А дочкины фотографии?

– Господи, конечно.

– Муж обижал вас?

Глаза у нее налились слезами.

– Не отвечайте. И так ясно. Покажите мне его фотографию.

Она достала телефон.

– Вот! А зачем?

– Так, ясно. Он говорил вам, что вы жердь, что вы уродина, что он с вами только теряет время, что вы ни на что не годитесь? – жестко

перечисляла Лада.

– Вы тоже так считаете?

– Да боже сохрани! Просто я знаю таких типов! Вы его любили?

– Да.

– Любили, терпели... И началось это после рождения ребенка, так?

– Да.

– И в результате – вы одна, у вас катастрофически заниженная самооценка, а при этом вы красивая женщина, у вас хорошая фигура, прямо-таки модельная, у вас прелестное лицо, только на нем написано – я уродина, никому не могу понравиться и вообще моя жизнь кончена. Я права?

– Ну... да, но я ведь и вправду длинная, тощая. Совсем не интересная.

– Лида, вы кем здесь работаете?

– Я аналитик.

– Вас на работе ценят?

– Как специалиста да, кажется, ценят.

– Вы прилично зарабатываете?

– Ну... да.

– Кто занимается вашим ребенком?

– Бабушка. Моя бабушка. И дочка ходит в садик.

– А ваша мама?

– Моя мама... У нее другая семья. Я росла с бабушкой по отцу.

И с отцом.

– Кто ваш отец?

– Он... генерал. Работает в Министерстве обороны.

– Он женат?

– Нет. После ухода мамы он не хочет...

– Как я понимаю, особых материальных проблем у вас нет?

– Ну, в общем нет.

– Что ж, Лида, мне более или менее все ясно. Случай не очень сложный. В принципе я знаю, как вам помочь. Сейчас я посмотрю свое расписание на завтра... Так, вы завтра можете после работы выкроить часа три?

– Ну да, а что? Зачем? – вдруг запаниковала девушка.

– Будем лечиться!

– Как? И после работы... А вы как же?

– Ну, в рабочее время нам никто не позволит заниматься таким лечением.

– Лада Владимировна, я ничего не понимаю.

- Лида, успокойтесь. Будем просто менять имидж.
- Как?
- Так, чтобы все ваши дурацкие комплексы улетучились, чтобы вы поняли, что вы шикарная молодая женщина, ценный специалист в крупной фирме, что вам есть чем гордиться даже помимо работы.
- И вы это сможете?
- Сделаю все от меня зависящее. Но и вы тоже должны мне помогать, а то однажды я сделала все, что могла, а девушка тут же придумала себе новую причину для трагедии. С вами такого не будет, я надеюсь?
- Я не знаю... – И вдруг она широко улыбнулась. – Я постараюсь. Мне что, как в старом фильме, надо говорить себе: «Я самая обаятельная и привлекательная»?
- Не помешает! – улыбнулась Лада.
- К концу рабочего дня к Ладе заглянул Пашка.
- Тетка, хочешь, отвезу домой? Заодно и бабушку забегу повидать.
- Отлично!
- Ну, как тебе Лида?
- Думаю, справлюсь. Кстати, ты завтра после работы сможешь отвезти нас с Лидой в одно место?
- Где это место?
- Улица Вавилова.
- Запросто. А что там?
- Будем менять твоей Лиде имидж. Ты молодец, что привел ее ко мне. Она тебе нравится?
- Очень хорошая девка. И специалист классный. Но без слез не взглянешь. Наши в отделе уговаривали ее обратиться в «Модный приговор», а она ни в какую. Не буду я всей стране про свои проблемы рассказывать.
- Да, это не для нее. Но я пойду, собственно, тем же путем.
- Она от тебя вернулась слегка растерянная, но, кажется, обнадеженная.
- Вот и славно.
- А ты, тетка, тоже как будто получше?
- Ну, я же индеец...

Смена имиджа превзошла все ожидания не только Лиды, но и Лады. Лида стала просто красавицей. Высокая, тоненькая, изящно одетая, волосы из серых стали светло-русыми, вместо убогого хвостика пышные кудри. Она вся светилась. В отделе ее просто не узнали. Дома бабушка

прослезилась, дочка просто визжала, а отец только руками развел.

– Красавица моя! – воскликнул он. – Ты почему прятала от всех такое чудо?

– Ой, папочка, я так боялась, что ты рассердишься, – всхлипнула Лида.

– Я что, идиот? Я враг своей дочушке? Вот хотел бы я посмотреть на рожу твоего козла вонючего...

– Нет, папа, не надо нам его рожи! Он теперь недостоин даже смотреть в мою сторону!

– Вон как ты заговорила! И кто же это с тобой такое сотворил?

– Лада Владимировна! Наш корпоративный директор.

– Молодец женщина!

– Но отвел меня к ней Паша Изотов. Она его тетка родная.

– Слушай, а как бы нам поблагодарить эту женщину? Она мне такой подарок сделала! Может, позовешь ее к нам в гости? Бабушка «Наполеон» испечет, а?

– Нет, папа, это как-то неудобно. Лучше я подарю ей цветы.

– Цветы, говоришь? Тогда лучше я это сделаю.

– Да, папочка, это лучше! – обрадовалась Лида.

– Хорошо. Она завтра будет на работе?

– Думаю, да!

– Тогда закажи мне пропуск на одиннадцать тридцать.

В дверь постучали.

– Войдите! – сказала Лада.

В комнату вошел мужчина в военной форме. Лада ахнула. Он был невероятно красив. Высокий, совершенно седой, с яркими голубыми глазами за стеклами модных очков. В руках он держал букет красных роз.

– Извините, мне нужна госпожа Гудилина.

– Это я, – крайне удивилась Лада.

– Лада Владимировна, позвольте представиться, генерал-майор Столетов. Вот, примите, пожалуйста, в знак благодарности...

– За что? Ах, вы, вероятно, отец Лиды Зверевой?

– Верно. Вы просто чудо сотворили. Знаете, что мне дочка сказала сегодня утром? «Папа, я не хочу больше быть Зверевой, я опять буду Столетовой! И Анютке фамилию переменю!»

– Круто!

– Это ваша победа, Лада Владимировна.

– Спасибо вам большое, господин генерал.

– Для вас просто Иван Тимофеевич.

– Садитесь, Иван Тимофеевич.

– Извините, не могу, время поджимает. Еще раз спасибо вам.

– Ну что ж, не смею задерживать.

Она протянула ему руку. Он крепко пожал ее.

– Вы очень, очень интересная женщина. Рад был познакомиться.

И ушел.

Надо же, до чего хорош! Я думала, генералы все пузатые, потные, с бегающими глазками... По крайней мере, по телевизору в основном таких показывают, а в жизни мне они как-то не встречались. Ой, надо же поставить цветы! Кажется, он положил на меня глаз. А мне это надо? Она прислушалась к себе. Нет. Не надо.

Генерал-майор Столетов был в смятении. Он представлял себе совершенно другую женщину. Полную, уютную, лет под пятьдесят, совсем неинтересную, а тут такая фифа! Да не фифа она, выходит, а очень дельный специалист, вон что с Лидкой моей сотворила... Но хороша, черт ее побери! Вот мне бы такую, с тоской подумал генерал. Да нет, зачем... Все они одним мирром мазаны. После вероломства жены Иван Тимофеевич твердо решил не доверять больше женщинам и уж точно не жениться. У него случались скоротечные романы, женщины ему проходу не давали, но, заведя очередной роман, он с таким подозрением относился к женщине, что вскоре обнаруживал в ней массу недостатков, несовместимых с его взглядами. Он был завидным женихом, но мало-помалу за ним закрепилась репутация закоренелого холостяка. В закрытых военных городках на полигонах всегда было в достатке одиноких женщин, вдов, разведенков и брошенок, и внимание, пусть даже мимолетное, красавца военного не оставалось безответным. Так и жил. Даже мама уже потеряла надежду женить сына. В последний раз она заговорила с ним об этом, когда Лида родила дочку.

– Ванюша, Лидочка наша уже сама мамочка, никакая мачеха ей не страшна. Женился бы ты на хорошей женщине, я была бы спокойна. А то таскаешься по бабам, куда это годится. Ты ж большой человек, генерал, и возраст уже солидный. К полтиннику дело идет.

Он тогда только посмеялся.

– Да нет, мама, чую я, что этот Лидкин поганец житья ей не даст, нельзя мне расслабляться.

Дочь была самым дорогим существом на всем свете. А теперь еще и внучка появилась...

Меньше пяти минут он общался с Ладой Гудилиной, но ее лицо стояло у него перед глазами весь день.

– Иван Тимофеевич, что это с тобой? – полюбопытствовал старый друг и сослуживец Михаил Борисович Устюжанин. – Нешто в облаках витаешь?

– Да нет, просто нога ноет.

– Ладно врать своим ребятам, а то я не знаю, как ты выглядишь, когда у тебя нога болит. Нет, тут явно замешана прекрасная дама.

Михаил Борисович был давно и прочно женат, однако обожал поговорить «про баб-с». Но совершенно не похабно, как многие вояки, а как-то нежно и мечтательно.

– А хочешь, покажу тебе одну прекрасную даму?

– Хочу! – загорелся Михаил Борисович.

– На вот, глянь! – и Столетов протянул другу телефон с фотографией преображенной Лиды.

– Ух ты, хороша! Но я вроде бы ее знаю... Кто такая, Вань?

– Думай, вспоминай!

– Мать честная! Лида?

– Лида!

– И что это за фея к ней прикоснулась?

– На работе у нее психолог с ней поработала.

– Ну ни фига себе! Хороший, видать, психолог. Здорово! Вот бы этот паскудник на нее посмотрел!

– А она мне заявила, что он недостойн даже смотреть в ее сторону!

– Слушай, а давай мы Лидку с капитаном Звягиным познакомим. Хороший парень, порядочный, морда славная.

– Это можно! – обрадовался Столетов.

Однако через час выяснилось, что ему завтра с утра нужно лететь на Дальний Восток. И все мысли о прекрасных дамах вылетели из головы.

...Пашка частенько подвозил Ладку после работы. Вот и сегодня.

– Э, тетка, откуда такие розы? – воскликнул он.

– Генерал принес.

– Столетов?

– Он!

– За дочку благодарил?

– Да. И, между прочим, сказал, что я очень-очень интересная женщина.

– Губа у генерала не дура! А как он тебе?

– Объективно – красавец мужчина. Я думала, такие генералы только в кино бывают.

– Значит, вы друг дружке понравились?

Лада внимательно посмотрела на веселое лицо племянника.

– Пашка, колись!

– Чего?

– Ты все подстроил?

– Что подстроил?

– Ты специально привел ко мне Лиду, понимая, что я с ней справлюсь и ее папочка-генерал будет в восторге, придет ко мне, оценит мою несравненную красоту, а я его... Так?

– Ну, что-то в этом роде... – хмыкнул Пашка. – А что, разве я не гениальный стратег? Мне Яншин всегда говорит, что у меня превосходно развито стратегическое мышление. И потом, кому от этого плохо? Лида просто летает, бабы обзавидовались, ее папа рад-радехонек... И тебе тоже приятно. Скажешь, нет?

– Не скажу. Слушай, а он каких войск генерал? Я в формах не разбираюсь.

– Генерал-майор авиации. Он был когда-то очень крутым испытателем. Элита, можно сказать. Он клевый мужик, этот генерал! Его одно время гнобили, он старался своих офицеров не давать в обиду, его даже в какой-то момент хотели разжаловать, что ли, но когда министра обороны сменили, он опять в гору пошел.

– А ты откуда это знаешь?

– Так я с Лидкой в институте учился. Она очень клевая девка, если бы не рост, я бы с ней закрутил, особенно теперь. Но рост, сама понимаешь...

– Ничего, сейчас, я думаю, у нее найдутся женихи.

– «Он был титулярный советник, она – генеральская дочь»?

– Перестань! Она прелестная девушка. И должна теперь в тебя влюбиться, ты же ее практически спас.

– Не было печали! Мы просто старые друзья. И на фирму тоже я ее привел. У нее голова круто варит. А ты генерала-то не отшивай! Он тебе свиданку не назначил?

– И не думал. Подарил цветы, сказал комплимент и ушел. Первым делом самолеты!

– Тетка, а как ты догадалась, что это я все рассчитал?

– По глазам!

– Да ладно!

– Ей-богу!

– Ладонка, какие розы! – воскликнула мама. – Откуда?

– От благодарной клиентки.

Ладе не хотелось говорить про генерала. Просто чтобы зря не обнадеживать маму. Да и не придавала она никакого значения этой встрече. Как, впрочем, и встрече с Егором. Не хочу я думать ни о каких мужиках и уж тем более обсуждать их с мамой.

– Мамочка, ты чем-то расстроена? – пригляделась она к матери.

– Да не то чтобы расстроена... просто как-то странно...

– Что, мама?

– Да Ленка...

– Что? С ней что-то случилось?

– Случилось. Сдурела совсем. А вроде еще не возраст для маразма.

– А что такое?

– Ладошка, вот объясни мне... Всю жизнь мы дружили, со школы еще. И вдруг ее как подменили. Не терпит вообще никаких возражений, просто на стенку лезет. И тон у нее какой-то менторский появился. Как будто все время читает лекцию несмышленьшам. Просто и не знаю, о чем с ней говорить.

– И давно это с ней?

– А как на пенсию вышла. У меня вообще в последнее время ощущение, что она меня просто терпеть не может. Неприятно, знаешь ли... Я как-то по старой памяти рассказала ей про тебя, про Андрея... Она ж тебя с рождения знает и вроде бы любит...

– Мне всегда так казалось.

– А она меня выслушала так, как будто я ей про какую-то совершенно чужую тетку рассказываю, и потом прочла лекцию о том, как вредно любить мужчин, что их, мол, надо просто использовать. Меня чуть не стошнило. Что это такое? Ты ж ее всю жизнь знаешь...

– Не бери в голову, мамочка. Не огорчайся. Это, может, и пройдет...

– Да пока только все усугубляется. Иной раз так хочется послать ее куда подальше. Но ведь столько лет дружбы...

– А ты не думаешь, что это элементарная зависть?

– Зависть? А чему, собственно, завидовать?

– Ну, мама, у тебя есть семья, а у нее нет.

– Ну, у меня семья появилась не сейчас, я практически всю жизнь семейная...

– Да, но раньше она достаточно весело жила, насколько я понимаю, а теперь вышла на пенсию, осталась одна, ты по-прежнему в семье...

– Не думаю, она никогда не была завистливой.

– Мамуля, тебя это угнетает? Я дам совет. Ты молчи, не реагируй,

ей в конце концов надоест, ну и встречайся пореже.

– А мы и так куда реже встречаемся, чем раньше. Просто, знаешь ли, больно. Я думала, она мне близкий человек, а она... Как будто чужая. И потом, вроде бы она душой не была, а сейчас иной раз такое несет... И этим тоном еще... Ладно, Бог с ней, зачем я тебя этим грузю?

– Мама, но кого же тебе этим грузить, если не родную дочь?

– Тоже верно, – грустно улыбнулась мама.

Утром Ладу вызвал к себе Яншин.

– Скажи мне, пожалуйста, у нас тут что, модный салон или серьезная фирма? – вдруг напустился он на нее.

– Юрий Александрович, я не понимаю, о чем вы!

– Да на фирме все бабы рехнулись! Никто не работает, все обсуждают преобразование Лиды Зверевой!

Лада решила смолчать. Пусть выговорится.

– Зверева была прекрасным аналитиком, очень ценным кадром, а теперь что? Хорошенькая вертихвостка? Ну, чего молчишь?

– Юрий Александрович, поверьте, закомплексованные женщины с заниженной самооценкой чаще болеют...

– Ты мне мозги не пудри! На работе надо заниматься работой, а не тряпками и косметикой!

– Тряпками и косметикой мы со Зверевой занимались в нерабочее время.

– Ну, допустим! А что к тебе мужики с цветами на работу шастают, это как?

Лада засмеялась.

– Что я сказал смешного?

– Юрий Александрович, сведения о мужиках с цветами поступили от вашего секретаря?

– А при чем тут это?

– Понятно. Так вот, вношу ясность. Мужик с цветами был только один.

И это был генерал-майор авиации Столетов.

– Это еще кто?

– Вы не в курсе? Это отец Лиды Зверевой. Принес цветы в знак благодарности за дочь. Его визит занял ровно... – Лада что-то искала в своем айфоне, – ровно три минуты сорок пять секунд. Это повод для серьезных претензий?

– Черт, в самом деле чепуха какая-то...

– Я могу быть свободна, Юрий Александрович?

– Погоди... А ты чего мне все «вы» говоришь?

– Ну, вы же начальник. А коллектив уже после нашего первого разговора был в курсе, что мы общаемся на «ты», и это породило массу ненужных домыслов.

Он хмуро взглянул на нее и что-то черкнул на листке стикера, протянул Ладе. «Юлька?»

Она молча кивнула, посмеиваясь про себя.

– Я вас понял, Лада Владимировна, – нарочито громко проговорил он. – Но в принципе я доволен вашей работой. Моральный климат в коллектив стал значительно лучше.

И Яншин заговорщицки ей подмигнул.

Чудны дела твои, Господи. Но этой девчонке нейдет. Она во что бы то ни стало хочет выжить меня с фирмы. И это неспроста. Она меня боится. С чего бы? Неужто и вправду шпионит тут? Ну посмотрим, кто кого...

Ладе позвонила старшая сестра.

– Скажи мне, что там за история с Пашкиной девушкой?

– С какой девушкой?

– Это правда, что он тебе показал свою девушку и ты ее забракковала?

– Правда. Никуда не годная девушка. А в чем, собственно, дело?

– А в том, что эта девушка дочка моего знакомого.

– И что дальше?

– Чем, интересно, она тебе не угодила?

– Ксюха, что за наезды?

– Какое право ты имеешь вмешиваться?

– Здравсьте, приехали! А тебе что, так важно, чтобы Пашка женился на этой девице?

– Это не мне важно, а Пашке! Ты знаешь, кто у нее отец?

– А это так существенно?

– О да! В наше время это очень существенно! И к тому же девочка красавица!

– Бесспорно. Но подумай сама, если Пашка попросил меня с ней пообщаться, значит...

– Да ничего это не значит! Просто на родителей он внимания не обращает, а тебе почему-то доверяет. Он расстался с Яночкой!

– Значит, не любил!

– Много ли толку от этой вашей любви! Ты вон замуж по любви выскочила, и много толку от этого?

– Ксюха, ты хочешь со мной поссориться?

– Да я знать тебя не хочу!

– Вона как! Ну что ж...

Что ж такое происходит? Чтобы родная сестра... Хотя понятно, она попросту ревнует сына ко мне. Как это он посмел советоваться с теткой, когда мамочка ему рекомендовала такую чудную девочку? Да, все именно так, но тем не менее ужасно противно. Нет, надо срочно продавать квартиру, покупать новую и съезжать, а то Ксюха вовлечет маму в эту распрю, а зачем это? Кто-то говорил, что знает надежного риелтора. А, кажется, Егор. Он что-то пропал. Надо позвонить ему.

– Лада, ты? – обрадовался Егор.

– Ты где?

– Я в Шанхае! А что, ты по мне соскучилась?

– И это тоже! Но я вспомнила, ты что-то говорил про риелтора.

– Надумала продавать квартиру? Я скину тебе все координаты, а сейчас прости, надо бежать. Недельки через две буду в Москве, сразу позвоню. Целую!

И в самом деле, вскоре пришла эсэмэска с телефонами. Лада не стала откладывать дело в долгий ящик и уже на другой день встретилась с риелтором.

– Значит, вашу трешку на «Динамо» мы продаем, а покупаем двушку?

– Да.

– И какой район предпочтительнее?

– Лучше поближе к центру.

– Это недешево.

– Я понимаю. И еще, мне нужна квартира, не требующая ремонта. Или только косметического.

– Понятно. Знаете, в новых районах...

– Нет, новые районы мне не подходят. Я работаю в районе Красной Пресни.

– Поняла. Буду искать.

Простившись с риелтором, Лада вышла на улицу. В воздухе уже пахло весной. Настроение было поганое. Ссора со старшей сестрой. Как странно, раньше я бы жутко расстроилась, да что там, я бы кинулась к ней, попыталась бы помириться, а сейчас даже боли не чувствую. То есть мне неприятно, и все. И все! Я как будто в бронежилете. Мне больно от выстрела, но это не смертельно. Жизненно важные органы не задеты. Да, я теперь покрыта броней. Нет, не я, а моя душа. Я действую, я даже

мыслю и, следовательно, существую. Но не живу. Я стала как Снежная королева, нет, как Кай, мне в сердце попала льдинка... Я не реагирую на мужчин. Егор явно ко мне равнодушен, и генералу я явно глянулась... Оба бесспорно хороши, но мне их не надо. Мне никого не надо. Я хочу жить одна. И ни с кем не разговаривать. Я столько говорю на работе... Лечу чужую боль, а кто меня вылечит? Да у меня и боли нет. Была бы боль, я бы с ней, скорее всего, справилась. А как избавиться от брони? И в какой момент она образовалась? Ну, это ясно. Когда я услышала эту гнусную фразу, насчет пестика и тычинки... И, похоже, я настоящий индеец, мне теперь все ништяк! К счастью, мама уехала в Мариански Лазни лечиться, и она, конечно же, не знает о нашей ссоре с Ксюхой. Слава богу!

В кабинет к ней заглянул Пашка.

– Ты свободна?

Она глянула на часы.

– У меня три минуты.

– Я вечером тебя отвезу, надо поболтать.

– Хорошо.

Он ушел. Знает уже. Сестрица небось просветила. И ему ужасно неловко. Бедолага.

...У Лады сидел один из сотрудников фирмы, мужчина в возрасте, которому требовалась психологическая помощь.

– Савелий Геннадьевич, на самом деле ваша проблема лишь в том, что вы с недоверием относитесь к молодым сотрудникам, которых в вашем отделе большинство, я права?

– Правы, Лада Владимировна, правы, голубушка.

– Они вас как-то задевают, посмеиваются над вами?

– Нет. Ничего такого, но... просто я не понимаю их юмора, каких-то словечек... И потом, они в большинстве своем чудовищно невежественны.

– Но в своих профессиональных делах они разбираются?

– О да! Они все отличные специалисты. Но, если вы знаете, Козьма Прутков утверждал...

– Что специалист подобен флюсу?

Савелий Геннадьевич просиял.

– Вы это знаете! А они – нет. Они даже не знают, кто такой Козьма Прутков. Просто не слышали. Меня это ужасает. По-моему, им всем кажется, что до них вообще ничего и никого не было. Знаете, я бы ушел с этой работы, но мне здесь хорошо платят, я могу претворять в жизнь какие-то свои наработки. Но мне тут...

– Вам тут некомфортно?

– Именно! А вы можете мне что-то посоветовать?

– Попробую. Я навела справки и узнала, что ваши сотрудники чрезвычайно, подчеркиваю, чрезвычайно уважают вас как ученого, как креативно мыслящего человека.

– Вот как? – заинтересовался Савелий Геннадьевич.

– Да, и скажу вам по секрету, они даже прозвали вас Блондином.

– Почему Блондином? – крайне удивился он.

– Потому что у вас светлая голова!

– Довольно тупое прозвище, надо заметить.

– Но более чем почтительное, согласитесь?

– Можно и так посмотреть, – усмехнулся он.

– Так что дело не в этих молодых людях, дело в вашем преубеждении.

Посмотрите на них другими глазами.

– И рад бы, голубушка, но когда я слышу, что «Казаков» написал Шолохов, мне делается дурно. И ведь им ничуть не стыдно за свое невежество. В моем поколении людям всегда было стыдно чего-то не знать, не читать...

– Савелий Геннадьевич, дорогой, своим, простите, брюзжанием вы новое поколение не исправите, увы. Но вы не хотели бы уходить из фирмы, значит, смотрите на эту молодежь просто как на коллег, чьи профессиональные качества вас устраивают. И только. А их общее развитие пусть останется на совести их родителей. К тому же среди молодых тоже попадаются вполне продвинутые, как нынче говорят, люди. Но ничего, схлынет это помешательство на Интернете, и все как-то придет в норму. Уверяю вас. А пока перестаньте мучить себя сожалениями по поводу их невежества. Вы же не старый человек, интересный мужчина, люди вашего поколения еще не перевелись, вот и общайтесь со своими сверстниками. Сейчас другое время. Сейчас на работе лучше работать, а не вести интеллектуальные беседы, как в советские времена.

– А что, это интересная мысль, голубушка Лада Владимировна. Да, не зря мне вас нахваливали. Честно говоря, я пришел к вам не столько за помощью, сколько из любопытства. А вы мне, кажется, реально помогли. Кто бы мог подумать! Спасибо! Всегда приятно иметь дело с умной женщиной.

Лада посмотрела на часы. Хотелось есть. Можно, конечно, выпить кофе в кабинете, сгрызть несколько сушек, но мамы нет, обеда дома тоже нет, а что-то горячее съесть надо. Она взяла сумку, но тут дверь распахнулась и вошла молодая женщина, довольно красивая, но явно воинственно настроенная. Что-то ее лицо мне совсем не знакомо.

Новенькая, что ли?

– Вы ко мне?

– К вам!

– Проходите, присаживайтесь. Хотите кофе?

– Ничего не хочу!

– Что вас привело ко мне?

– А интересно!

– Что именно вас заинтересовало?

– Какую еще шлюху мой дурак взял на работу.

– Так. Значит, предстоит разборка, – усмехнулась Лада, вмиг смекнувшая, что это жена Яншина.

– Да уж, я с вами разберусь, мало не покажется.

Лада смотрела на нее молча, холодно, но с легкой насмешкой.

Эта ее реакция явно сбивала посетительницу с толку.

– Ну, чего ты на меня вытаращилась, мочалка ученая? Ты отсюда вылетишь в два счета!

Лада по-прежнему молчала.

Яншина меж тем наливалась яростью.

– Слышь, сучка, ты на мое место не мылься! Не выйдет!

– Зачем мне ваше место? Мне и на моем неплохо.

– Ишь чего придумала, «Майбах» – это типа неприлично! Это ж додуматься надо, а мой идиот слушается!

– Да, между прочим, с утра увешиваться бриллиантами тоже неприлично, тем более с кожаным костюмом! Это так, совет по ходу дела.

– Ну, ясный блин! От зависти лопаешься. Ишь, прохиндейка! Завтра же отсюда вылетишь.

Лада молча пожала плечами. Странно, я даже не злюсь, как злилась бы раньше. Просто смотрю со стороны...

Яншина продолжала что-то орать и в запале не заметила, что Лада благополучно записала все на телефон и отправила запись Яншину.

Буквально через пять минут он влетел в кабинет.

– Это что здесь происходит? – зарычал он на жену. – Совсем ополоумела? Вон отсюда! Здесь люди работают, а ты от безделья совсем рехнулась! Вон!

– А чего она... Говорит, брюлики носить неприлично, – всхлипнула скандалистка.

– Это, во-первых, неприлично, а во-вторых, просто опасно, – хладнокровно заметила Лада.

Меж тем Яншин буквально взял жену за шиворот и вытащил

из кабинета.

Господи, у этих людей богатство мозги отшибает напрочь. Как он мог на такой жениться? Он же умный, продвинутый... Или когда строишь крупный бизнес, тут уж не до выбора, берешь, что подвернулось? Тем более, с экстерьером у этой особы все в порядке.

Через две минуты вернулся Яншин, весь красный от гнева, и рухнул на стул.

– Прости меня. Я вообще не понимаю, что ей в башку взбрело...

– Она в претензии ко мне по поводу «Майбаха». Ты, вероятно, ей сказал, что я тебе рекомендовала пересесть на более скромную машину.

– Да я ей вообще о тебе ни слова не сказал. Ни слова! Я вообще с ней ничего не обсуждаю. Знаю, что безмозглая.

– Значит, ее просветили.

– Кто?

– Вероятно, тот, кто заказал ей пропуск.

Яншин озадаченно уставился на Ладу.

– Так... Я сейчас разберусь!

– Или твоя жена может входить сюда без пропуска?

– Да она сроду тут не была! Что ей тут делать? Ничего, я сейчас все выясню!

– погоди, Юра! Ты хочешь спросить на вахте, кто заказал пропуск?

– Именно!

– Нет, давай это сделаю я, а то будут лишние эмоции и, как следствие, лишние разговоры.

– Ты права, конечно, но разговоры, скорее всего, уже идут. Все видели, как я за шкирку выволок ее отсюда.

– Это скверно. Знаешь, что сейчас будут говорить? Что ты спишь со мной, а твоя благоверная узнала и пришла скандалить, а ты ее взащей выгнал.

– Ох, черт! Как с вами, бабами, все сложно... Ладно, я окольными путями выясню.

– Да я и так знаю.

– Откуда?

– Юра, это элементарно!

– Опять скажешь, Юлька?

– Скажу! А кому еще нужно...

– А ей-то зачем?

– Ну, тут может быть несколько мотивов. Во-первых, она меня терпеть не может. Во-вторых, есть слабая надежда, что ты вдруг возьмешь

и выгонишь жену, а она займет ее место, ну, и, наконец, желание отвести от себя всякие подозрения...

– Тьфу ты! Да, а с чего ты взяла, что Юлька тебя не любит?

– Да это ясно как божий день. Она уже доносила тебе на меня, а теперь вот жене твоей наступала. Чувствует, что я ее насквозь вижу. И боится.

– Чего?

– Пока не знаю, но, видно, есть чего бояться.

– Знаешь что... Ты есть хочешь?

– Хочу. Как раз собиралась пойти, а тут твоя благоверная явилась.

– Тогда так. Я тоже подышаю с голоду. Я сейчас выйду, а ты через пять минут выйди и зайди за угол, сядешь ко мне в машину и поедем куда-нибудь пообедаем и поговорим как люди.

Лада рассмеялась.

– Я сказал что-то смешное? – вскинулся Яншин.

– О да! Поверь, если мы с тобой выйдем вместе, это привлечет куда меньше внимания, чем если кто-то засечет наши манипуляции... Мало ли куда могут вместе ехать начальник и корпоративный директор?

– Права. Умная женщина – это хорошо.

– Да, а скажи, твоя жена носит твою фамилию?

– Нет. А что?

– Ну, тогда все куда проще. Мало ли кого мог вышвырнуть начальник...

– Да ну, все догадались небось... Ну и шут с ними. Пошли!

– Ну пошли! – пожала плечами Лада. – А как фамилия твоей жены?

– Бурунова.

– И почему она твою фамилию не взяла? Что-то с имуществом, с налогами?

– Зришь в корень. Черт, вот поговорил с умной бабой, как-то полегчало...

Они сели в его черный «Мерседес».

– А ты на «Майбахе» ездила когда-нибудь?

– Да нет, не привелось.

– А хочешь, как-нибудь прокачу?

– Юра, я глубоко равнодушна к маркам автомобилей. По мне, лишь бы ездили.

– Скажи, а к чему ты равнодушна?

– Не знаю...

– А мужик-то у тебя сейчас есть?

– Нет. Слава Богу, нет.

- Это неправильно.
- Наверное. Но мне не надо.
- Потому что овдовела?
- Да не знаю я... Мне надо учиться жить по-новому.
- Как это по-новому?
- С чистого листа. С нуля. А там поглядим. Я вот продаю квартиру, покупаю новую, поменьше...
- И будешь жить одна?
- Ну, может, кошку заведу...
- Ну вот. Лучше попугая.
- Почему? Потому что он может разговаривать?
- Конечно.
- Нет, кошка лучше. Теплее.
- Это прозвучало так грустно, что Яншин содрогнулся.
- Ладка...
- Извини. Все у меня хорошо.
- Ты, небось, думаешь, как он мог жениться на такой?
- Да нет, все, в общем, понятно. Красивые дуры всегда пользуются спросом. Выходят за богатых, думают, невесть какое счастье привалило, а ты, тем более, молодой, и внешность недурная. Так это вааще! А потом начинают сходить со своих жалких крох ума, беситься от денег и безделья.
- Все в точности, только раньше она была доброй и вроде бы милой.
- Она пьет?
- Попивает.
- Детей, как я понимаю, у вас нет?
- У нее была дочка, но умерла еще до меня.
- Ты, выходит, ее пожалел?
- Было дело. Но она как-то очень быстро утешилась, а ее мать уверяла, что она сама виновата, упустила момент, не обратилась вовремя к врачу...
- Ладно, Юра, мне незачем вникать в эти детали, твоя жена – это твое дело. Твое личное дело.
- Все. Понял. А ты крутая.
- Жизнь вынуждает.

Вечером к Ладе заглянул Пашка.

- Домой отвезти?
- Отвези. Если мама не заругает.
- Ты чего? – позеленел Пашка.
- Знаешь, какой скандал мне Ксюха закатила? За всю жизнь такого

не упомяну.

– По какому поводу?

– А то ты не знаешь!

– Из-за Янки, что ли?

– Именно! Ты зачем матери сказал, что я твою Яну забракковала?

– Да она пристала, как... Ну, я и ляпнул, что Ладе она не понравилась.

Но мать мне ничего не сказала.

– Все, Пашка, впредь сам разбирайся со своими девчонками. Что ж ты мне не сказал, что мать спит и видит женить тебя на этой Яне?

– А я хотел услышать твое совсем непредвзятое мнение.

– Знаешь, я дам тебе совет.

– Я весь внимание.

– Впредь живи своим умом. И своими чувствами. У тебя неплохая интуиция, вот и прислушивайся к ней, а что там думают по поводу твоих девчонок мама, тетка, бабушка, папа, неважно.

– Кстати, папа меня понимает. Ему тоже Янка не нравится. Зато мама заходится от восторга.

– Ну, и ты поведешься?

– Да ни за что! Мне еще моя свобода дорога. Да, а ты не скажешь, что там у тебя сегодня было?

– У меня?

– Ну да. Говорят, Яншин за шиворот выволок от тебя какую-то бабу и практически спустил с лестницы.

– Да ворвалась какая-то ненормальная, а Яншин заглянул ко мне, ну и пресек...

– А чего он сам? Почему охрану не вызвал?

– Ну, видимо, вспомнил, что он все-таки мужчина, вот и вышвырнул скандалистку.

– Говорят, он был в ярости!

– Да ну, брешут.

– Лад, а что слышно от бабушки?

– Лечится. Очень довольна.

– А она в курсе вашей ссоры с мамой?

– Нет, конечно! Зачем ее огорчать? А ты бы сам связался с бабушкой.

Она будет рада.

– Да, конечно... Ты прости, тетка, я дурака свалял...

– Прощаю.

Генерал Столетов возвращался домой в странном настроении. Вроде

командировка прошла неплохо, высшее руководство осталось довольно, но на душе было как-то тревожно. Он все время вспоминал ту женщину, такую еще молодую, но с грустными глазами. Он знал, что она недавно овдовела. Хотелось ее утешить, но не так, как он обычно утешал вдовушек и разведенков. Он чувствовал, с ней это не пройдет, она вообще была вне круга его обычных представлений о женщинах. Привыкший четко все формулировать, он сказал себе: она птица другого полета. Но и я ведь умею высоко летать... Вон, до генерал-майора долетался. Но я настолько старше, я уже не летаю, разве что как пассажир. А иногда так тянет в небо... И тогда наваливается тоска... А эта женщина, вероятно, могла бы развеять любую тоску. Вон что она с Лидушкой сотворила! Девчонка ходит просто пьяная от счастья, говорит, правда, не мне, а бабке, что даже не подозревала, что может быть такой красивой... А ведь это мы с мамой виноваты, что она такой закомплексованной выросла. Я был всегда занят, а мама воспитывала ее по старинке. То нельзя, это нельзя, ничего страшнее косметики и быть не может, шаг влево, шаг вправо... Коленки чтоб всегда прикрыты, волосы завивать – смертный грех... А сейчас сама радуется, что внучку так преобразили. Хорошо еще, Лидка незлобивая девочка, ни в чем нас не винит, а просто ликует. Он вез в подарок дочке чудесную меховую жакетку из меха лиры, он и не слышал про такого зверька. Жакетку купила в Японии одна старая знакомая по его просьбе специально для Лиды. Я лично такого меха сроду не видал. Красиво, Лидка обрадуется, таких шубок ни у кого больше нет... А еще он вез кое-что для Лады Владимировны. Литровую банку сахалинской красной икры. Дома у него никто красную икру не ел. Может, Лада Владимировна не такая привереда?

Идти к ней на фирму он не хотел. Дождусь после работы, когда она выйдет, и предложу подвезти. И не надо этой генеральской формы, зачем привлекать к себе внимание?

Лада вышла на улицу и решительно направилась к метро. Дома ничего нет, надо что-нибудь купить. Нет, в магазин неохота, зайду в кафешку возле дома. Потом посмотрю какой-нибудь фильм и завалюсь спать.

– Лада Владимировна! – окликнул ее мужской голос.

Она оглянулась. Никого из знакомых не увидела.

– Здравствуйте! – Из «Тойоты», стоящей рядом с ней, выглядывал... генерал Столетов. В штатском.

– Иван Тимофеевич? – удивилась Лада. – За дочкой приехали?

– Нет. За вами.

– За мной? С какой стати?

– Это элементарно! Вы мне понравились. Очень. А я человек военный и привык четко действовать.

Он вылез из машины.

– Лада Владимировна, поверьте, я не кусаюсь, я не маньяк. Садитесь, я вас отвезу куда скажете. И только. Если хотите, сядьте сзади.

– Да нет уж, меня на заднем сиденье всегда укачивает.

Он улыбнулся.

До чего хорош, подумала Лада. Хотя в форме был еще лучше.

Она села рядом с ним.

– Лада Владимировна, для начала я хочу еще раз поблагодарить вас за дочку, она буквально летает теперь. Вот, в знак благодарности я привез с Сахалина...

Он взял с заднего сиденья пакет.

– Что это?

– Настоящая красная икра. Свежайшая. Вы любите красную икру?

– Обожаю! Спасибо. Но как-то неожиданно...

– Лада Владимировна, а может, поужинаем где-нибудь, поговорим?

– Вы поставили меня в неловкое положение, Иван Тимофеевич.

Я сдуру согласилась взять икру...

– Нет. Если вы не хотите, я ни на чем не настаиваю. Итак, куда вас отвезти?

Она посмотрела в его голубые глаза.

– Ресторан выбирайте сами.

Он просиял.

– Вот это женщина! Я в восторге.

– А икра не протухнет?

– Нет. В машине достаточно холодно.

– Иван Тимофеевич, вы что, ко мне клеитесь?

– Нет. Я за вами ухаживаю. И меня несколько не смутит, если эти ухаживания будут долгими.

– А если они будут напрасными?

– Э, да вы кокетка! Но если они окажутся напрасными, виноват буду я.

– Потому что долгие ухаживания не ваш конек? Я права?

– Правы. Но я вдруг понял, что упустил в жизни что-то важное...

Когда увидел вас.

– Но вы видели меня меньше пяти минут.

– И что? Иной раз этого более чем достаточно. И я сразу понял – таких женщин в моей жизни не было.

- Каких таких?
- Красивые и даже очень красивые были. А вот таких значительных, что ли... увы... Я сразу понял, что вы особенная. Ну и красивая, конечно. Но это для меня не главное.
- Теперь не главное? – лукаво улыбнулась Лада.
- Ох, вы и язва! Хотите сказать, что я для вас стар?
- Да нет, вы еще вполне... Красавец, можно сказать. Особенно в форме. Просто неотразимы.
- А разве нынешние молодые женщины еще ценят мужчин в военной форме? Мне казалось, это уже анахронизм.
- Да нет, Иван Тимофеевич. Это на уровне инстинкта. Другое дело, что совсем сопливые девчонки больше всего ценят деньги.
- Сопливые девчонки – это неинтересно.
- Значит, вы еще действительно молоды. Известно же, чем старше мужчина, тем более молодые особи его привлекают.
- Да, это если у мужика мозгов нет.
- Не скажите. Даже вполне мозговитые нередко женятся на соплюшках. Правда, зачастую это для них плохо кончается.
- Ох, вы и штучка! Как ловко сменили тему...
- Знаете, излишний пафос в машине как-то неуместен, что ли...
- Он засмеялся. Ох, какая баба... Нельзя ее упустить. Вся моя жизнь может пойти по-новому. И как этого хочется – чтобы по-новому. Он привез ее в свой любимый ресторанчик.
- О, товарищ генерал! – приветствовал его администратор. – Вы нынче с дамой! Прошу, прошу.
- Лада отметила про себя, что у генерала прекрасные манеры. Офицер!
- Вы здесь редко бываете с дамами?
- Да. Все больше один или с другом.
- А, поняла. Все ваши дамы на полигонах? В военных городках?
- Он вдруг покраснел. Она даже умилилась. Надо же!
- Вы на редкость проникательны, Лада Владимировна.
- Мне по штату положено.
- Лада Владимировна, выпьете что-нибудь?
- Одна? Нет, благодарю. Вы же за рулем.
- Жаль. Ничего, в следующий раз приеду на такси. Очень хочется выпить с вами.
- А что тут надо есть? Посоветуйте.
- Вы солянку любите?
- Солянку? Да, люблю, и сто лет ее не ела. Хотя, боюсь, многие меня

осудили бы. Солянку, вечером, ужасно! – засмеялась она.

– А после солянки бефстроганов, пойдет?

– Гулять так гулять!

– А вы в принципе под солянку и бефстроганов что пили бы?

– Однозначно водку!

– Значит, выпьем водки.

– За рулем?

– Полагаете, что сто грамм водки помешают мне доставить вас домой в целости и сохранности?

– Я полагаю, что даже двести грамм водки не помешают вам это сделать.

– Боже, какая женщина!

Ладе вдруг стало весело. И хорошо. Восхищенный взгляд этого красивого мужчины, его безупречные манеры, вкусная еда... Ей вдруг показалось, что в броне появилась легкая трещинка.

– Иван Тимофеевич, расскажите о себе.

– Что именно вас интересует?

– Да все, я же ничего о вас не знаю.

– Ох, не очень я это умею – рассказывать о себе. Если что-то вас интересует, можно посмотреть в Интернете.

– Фу, Иван Тимофеевич, не разочаровывайте меня. Вы ж еще не из компьютерного поколения, вот и представьте себе, что встретили женщину, которая вам понравилась, допустим, в поезде, и никакого Интернета еще нет и в помине, и вы хотите понравиться этой женщине... Вы ведь хотите мне понравиться?

Мама дорогая, что она со мной делает? Я просто с ума схожу.

– А вы опасная особа, доложу я вам!

– Ага, очень опасная! Ну, так что же?

– А эта женщина в поезде тоже хочет понравиться попутчику?

– Так она ему уже понравилась, насколько я понимаю? Ладно, буду задавать вам вопросы, авось вы разговоритесь. Итак, вы коренной москвич?

– Нет. Я из Читы, отец был военным, скитались. Кончил лётку в Оренбурге, служил.

– Летали?

– Конечно. Я перестал летать только два года назад.

– По здоровью?

– Да. По зрению.

– Тоскуете?

– Есть такое дело. Я был летчиком-испытателем. В какой-то момент все практически сошло на нет... Нечего было испытывать. Но я стал учить молодых...

– А сейчас есть что испытывать?

– Поверьте, есть. Больше ничего сказать не могу.

– А кто ваши родители?

– Я потомственный военный, в пятом поколении. Правда, летчиков до меня не было. Все морские офицеры, только вот батя был сухопутный. Совершенно не выносил качку. Ну и до генерала тоже я первый дослужился. Выше полковника никто не прыгал.

– Ваш отец жив?

– Нет. Мама жива.

– Мама в Москве?

– Да. Со мной.

– И сына, как я понимаю, чтобы продолжить династию, у вас нет?

– Увы, нет. Но мне еще не поздно.

И он многозначительно посмотрел на нее.

– О! Это не ко мне. У меня не может быть детей.

– Но сейчас ведь есть столько способов... я слышал.

– Иван Тимофеевич, вам не кажется этот разговор как минимум преждевременным?

– Кажется. Но вы сами спросили про сына.

– Просто не предполагала, что мой не слишком тактичный вопрос так далеко нас заведет. Черт знает что!

– А давайте выпьем за то, чтобы...

– За то, чтобы у вас родился внук! Вы говорили, Лада хочет вернуть себе девичью фамилию... это прекрасно, и пусть родит вам внука... Ваню Столетова. Вот и выпьем за Ваню Столетова-младшего.

Что я несую? – ужаснулась Лада. Кажется, я пьяная.

– Что ж, давайте за Ваню!

– А я люблю военных, красивых, здоровенных! – вдруг неожиданно даже для себя пропела Лада.

– Лада! – фыркнул генерал.

– Я, знаете ли, окосела малёха!

– Боже мой! Но, должен заметить, вам это страшно идет. Знаете, я однажды был на киносъемках у одного своего приятеля... Что-то из старинной жизни... И все артистки там были затянуты в корсеты, а после съемок сняли их, расслабились и вздохнули свободно...

– По-вашему, я обычно затянута в корсет?

- По крайней мере мне так показалось. А сейчас вздохнули свободно.
- Есть такой момент. А вы проницательный, товарищ генерал.

Не ожидала.

- А вы думали, все военные дуболомы?

– Да нет. Все военные душки, – пьяным смехом залилась Лада. – Знаете, Иван Тимофеевич, вы мне страшно нравитесь, вы такой... словом, такой, как надо, но... я, скорее всего, не смогу в вас влюбиться.

- Это почему, интересно знать?

– Понимаете, я всю жизнь, если влюбляюсь, то, как говорится, сразу, с первого взгляда, мой папа это называл «со всей дури»...

- Так это же прекрасно, Лада!

- Почему?

- Много счастья вам принесли эти ваши влюбленности со всей дури?

- Как выяснилось, ни фиги!

- А вы выходите за меня замуж со всей дури!

- Что?

- Замуж! Со всей дури? А?

- Замуж?

- Ну да...

- Зачем?

– Чтобы не быть одной, и сами говорите, я вам нравлюсь. А я-то как раз влюбился в вас со всей дури!

- Иван Тимофеевич, вы что, серьезно?

- Более чем!

- Надо же... А как к этому отнесется ваша мама?

– Мама? Она будет счастлива. К тому же после того, что вы сотворили с Лидой, она на вас молиться готова. А уж Лидка точно с ума сойдет от счастья! Решайтесь, Лада, надо иногда в жизни сделать такой сумасшедший шаг... Вы прыгали с парашютом?

- Нет, что вы, я боюсь высоты!

- Но замуж-то не так страшно, правда? Зато со всей дури!

Его голубые глаза вовсе не смеялись, а смотрели серьезно и... нежно. У Лады вдруг заныло сердце. А может, и вправду?

- Ну что? Согласна?

- Я... я не знаю...

- Не знаешь? Значит, согласна. Тогда поехали!

- Куда?

- Ко мне. С мамой знакомиться!

- Да ни за что! Я же пьяная!

– Это единственная причина?
– Ну да... кажется.
– Все равно поехали. На дачу!
– На дачу?
– Или к тебе?
– А мы разве пили на брудершафт?
– Здрате! Замуж – и на «вы»? Не пойдет! Выпить мы уже выпили, осталось только поцеловаться.

И он властно притянул ее к себе и поцеловал в губы, невзирая на присутствие других посетителей. И Лада вдруг обмякла, прижалась к нему, обняла за шею. Он был такой надежный, сильный, каменная стена... Но я же не люблю его, мелькнуло в ее затуманенном мозгу. Он сжал ее изо всех сил. Ничего, стерпится – слюбится... Со всей дури!

Лада проснулась и в первый момент ничего не поняла. Бревенчатые стены, красно-коричневая печка-голландка. И тут она все вспомнила. Обнаружила, что под одеялом на ней ничего нет, а рядом с диваном стоят какие-то шлепанцы. Ничего себе... Мы вчера дали жару! А генерал хорош! Мон женераль. Я вчера сказала, что буду звать его «мон женераль»... И тут он вошел в комнату. Казалось, он помолодел на десять лет.

– Проснулась, генеральша? Какая ты красивая, генеральша!

Ой, как страшно, подумала она. Во что я влипла... Он ведь теперь меня не отпустит. А я разве хочу от него убежать? Мне же с ним хорошо.

– Ты чего так на меня смотришь? Думаешь, небось, ой, что я наделала со всей дури?

– Нет! Я думаю, а тут есть душ?

– Конечно! Дом вполне цивилизованный.

Он подошел, схватил ее на руки и понес куда-то.

– Это ты меня на руках носишь?

– Ношу. Потому что люблю.

– Вот так прямо и любишь?

– Вот так прямо и люблю. Умеешь с газовой колонкой обращаться?

– Нет.

– Не беда, научишься, а сейчас я сам все сделаю.

Он поставил ее в ванну, включил колонку. Та громко загудела.

– Через минуту будет горячая вода. Ну вот! Мойся, полотенце вот тут, халат я принесу. Я пошел готовить завтрак!

Ну надо же... На руках носит. Да о таком можно только мечтать. Она намылилась и с наслаждением включила душ. Генеральша... С ума

сойти! Вот Пашка обрадуется, вспомнила она. Это же он все придумал. А что скажет мама? И вообще все? Многие наверняка вспомнят «Гамлета»: «Нет месяца, и целы башмаки, в которых гроб отца сопровождала...» Ну, во-первых, прошло уже четыре месяца, а во-вторых, насчет экзотических любовниц папаши Гамлета у Шекспира нет ни слова. И к тому же плевать я хотела на чужое мнение. И пока что мне нравится звание генеральши. А там посмотрим. Только не нужно никаких штампов в паспорте. По крайней мере пока. А то мало ли... Она вылезла из ванны, вытерлась, надела махровый халат генерала, пахнувший отличным парфюмом. А тапок не было. Ну да, меня же сюда доставили на руках, засмеялась Лада.

– Эй, генерал!

Он появился тут же.

– Что прикажет моя генеральша?

– Тапки хорошо бы...

– Зачем?

Он опять подхватил ее на руки. Она поцеловала его в идеально выбритую щеку.

– Ладка!

Он принес ее в кухню, усадил на стул и пошел за тапками.

– Ой, Ваня, а икра? Она там стухла!

– Обижает! Уже давно в холодильнике, и я успел смотаться за свежим хлебом.

– А масло у тебя есть?

– Да. И я сам сделаю тебе бутерброды.

– Мечта! Кофе, свежий хлеб с маслом и с икрой!

– Как приятно, что ты не сказала, что не ешь ни хлеба, ни масла.

– Ну, еще не хватало! И потом, мы столько калорий за ночь сожгли!

Его лицо вдруг стало серьезным.

– Тебе было хорошо со мной?

– А ты сам не понял? Очень. Просто очень.

– И ты будешь моей женой?

– Буду, если мы не станем затевать никаких свадеб.

– Ты не хочешь свадьбу?

– Не хочу! Давай пока так проживем. Мы же это... со всей дури...

А вдруг не получится?

– Согласен. Это разумно. Хоть у меня и снесло крышу. Но как ты скажешь... Да, я позвонил маме и сказал, что привезу свою невесту познакомиться с ней. Лида тоже будет.

– И на какой час назначено мероприятие?

- На три часа. Мама нас ждет к обеду.
- А что мама?
- Страшно всполошилась.
- Ты сказал, кто я такая?
- Сказал, чтобы предубеждения не было. Мама обрадовалась...

А Лидка пришла в восторг.

- Да, мон женераль, ты круто берешься!
- А когда ты представишь меня своей семье?
- Мама сейчас лечится в Марианских Лазнях. Я пока не буду ей ничего сообщать, а то она там разволнуется. С сестрой я сейчас в ссоре. Ну, а Пашку ты знаешь. Да, и еще, я не хочу, чтобы все это попало в соцсети.

– Ну, я уж точно такой фигней не занимаюсь.

– А Лида?

– Спросит разрешения. Сама не станет. А где ты хочешь жить?

Предлагаю на первых порах жить здесь.

– Ну, а как добираться на работу? Вообще-то у меня есть квартира, но я продаю ее...

– Можем жить у меня. С мамой. Там три комнаты. Мама будет вести хозяйство...

– Нет, давай мы сначала познакомимся. А то вдруг я твоей маме не понравлюсь... – сказала Лада, а про себя подумала: или она мне.

– Главное, что ты уже понравилась мне.

– Нет, мон женераль, жить лучше отдельно. Надо просто поскорее продать и купить квартиру.

– А почему ты ее продаешь?

– Потому что она слишком о многом напоминает. И к тому же в соседнем доме живет моя бывшая свекровь.

– Понял. Послушай, давай все-таки, пока новой квартиры нет, поживем у меня. Ты поладишь с мамой, я уверен. Мама чудная женщина. Ну, не хмурься. Вот увидишь, сегодня познакомишься с ней, и все твои страхи улетучатся. К тому же мама замечательно готовит. И тебе не надо будет стоять у плиты.

– И ты не станешь требовать, чтобы я бросила работу?

– Да с какой стати? Работай на здоровье, тем более что твоя работа приносит людям столько пользы. – Говоря все это, он делал бутерброды – мазал маслом и икрой большие аппетитные ломти белого хлеба, от которого шел невероятно вкусный запах. Потом резал бутерброды на небольшие кусочки и с нежностью вкладывал эти кусочки ей в рот.

– Вкусно?

Она кивнула с полным ртом. Ей было сейчас так хорошо, что хотелось плакать. Неужели этот человек – моя судьба? Неужели он и вправду меня любит?

– Какая дивная икра, сроду такой не ела. Просто песня!

– А я никогда не испытывал такого... И никогда ни одной женщине не говорил, что люблю. Ты первая...

– А жене?

– Нет. Я был молодой, глупый. Очень горячий, но... Может, потому она и ушла от меня, что не говорил. Вам же, девочкам, это нужно.

– Так ты мне это говоришь потому, что понял, что нам, девочкам, это нужно?

– Выключи дуру, любимая! И запомни – я слов на ветер не бросаю.

– Ты вообще крутой мужик, генерал, да?

– Ну, в общем и целом да!

– И на тебя можно положиться?

– Железно!

– Ух ты! Здорово!

– А вот твоя родня может счесть, что я для тебя стар.

– Знаешь, я очень люблю свою родню, но я взрослый, самостоятельный и самодостаточный человек...

– Понял.

У него зазвонил телефон. Он извинился и вышел из кухни.

Черт побери, кажется, я счастлива. И дышу свободно – броня исчезла. Да! Брони больше нет! Ванечка мой!

И когда он вернулся, она потянулась к нему, обняла, поцеловала... Он задохнулся.

– Что, девчуха моя?

– Ванечка! – Она погладила его по щеке. – Знаешь, я последние месяцы жила как будто в какой-то броне и мне в ней было трудно дышать... А вот сейчас ты вышел, и я вдруг осознала, что дышу полной грудью и никакой брони больше нет... Понимаешь?

– Кажется, да.

– Ванечка, давай уже поедem в город?

– А что так? У нас времени еще много.

– Я хочу заехать домой.

– Зачем?

– Переодеться, красоту навести... Чтобы твоя мама не подумала, что ты нашел себе какую-то лахудру.

– О! Это уважительная причина, – засмеялся он. – Желание дамы – закон!

В машине он спросил:

- А когда возвращается твоя мама?
- Через пять дней.
- Самолетом?
- Да. В Шереметьево прилетит.
- Если я смогу, мы ее встретим вместе.
- Здорово было бы! Только ты надень форму!
- Думаешь, без формы не проканаю?
- Нет, но в форме это будет наповал!
- Ну, тебе виднее. И мам наших тоже надо будет познакомить.
- Да. Придется.
- А кто твоя мама?
- Мама? Она педагог по вокалу в Гнесинке.
- Да? А моя мама просто офицерская жена.
- Ну и что?
- Да ничего. А сестра твоя кто?
- Ксюха? Она редактор в издательстве.
- А из-за чего вы поссорились?
- Из-за Пашки. Он познакомил меня со своей девушкой...
- Раньше, чем мать? И она обиделась?
- Все не так! Ксюха жаждет женить его на этой девушке, а Пашка не хочет. Мне она ужасно не понравилась...
- А, понял! Ты поломала задумку сестры, и она на тебя сердится?
- Вот теперь в точку!
- Пашка отличный мальчик!
- Это правда.

Лада хотела было сказать, что это Пашка придумал их встречу и даже роман, но промолчала. Поменьше надо болтать. Целей будешь.

...Войдя в квартиру Ладиной матери, Иван Тимофеевич подумал: а ведь они с моей мамой могут не найти общего языка, что Лада, что ее мать.

Здесь было столько книг, столько нот, старинный кабинетный рояль, по стенам фотографии и картины. Старая московская интеллигенция.

Но тут в комнату вошла Лада, и он обо всем забыл. До чего же хороша, зараза, подумал он. И моя! Самое главное – моя! И гори оно все синим пламенем! На ней было облегающее платье цвета морской волны и какое-то причудливое ожерелье, серо-зеленые глаза блестели. Все как будто бы

скромно, но глаз не оторвать.

- Ну как я тебе? – кокетливо спросила она.
- Я просто ничего не вижу. Ослеп! Поехали?
- Поехали! Только надо, наверное, купить твоей маме цветов.
- Нет, мама срезанные цветы не признает!
- Ну, хотя бы коробку конфет?
- Это можно.

Часть четвертая

Генеральша

Я трушу? С чего бы? Вроде никогда не была трусихой. Но ведь важно, как у меня сложится с семьей моего генерала. Я же понимаю – надо настроить себя на то, что мне все понравится. Дочь его мне уже нравится. И мама должна понравиться. Он явно обожает мать. Я должна войти в квартиру с улыбкой. Да нет, пусть лучше эта женщина увидит, что я волнуюсь... Она должна это понять. Да смешно это всё! Ну не понравлюсь я генеральской мамаше, что, он меня бросит? Чепуха! Но лучше все же понравиться. Для всех лучше и спокойнее. Платье на мне более чем скромное. Я искоса глянула на своего мужчину. Ох, хорош! Я, кажется, уже здорово влюблена... Кто бы мог подумать!

– Что, девчуха, трусишь? – улыбнулся он.

Мне так понравилось это слово – «девчуха»!

– Есть маленько.

– Не бойсь! Я тебя в обиду никому не дам! Знаешь, я когда сегодня проснулся, первая мысль была – я счастлив! Поверь, у меня никогда таких мыслей не было. Никогда! По крайней мере в связи с женщинами. Эта часть жизни у меня прошла как-то бездарно. Но понял я это, только когда увидел тебя. Это было как озарение. А ты что-нибудь тогда почувствовала?

– Да нет. Я поняла, что понравилась тебе. И еще подумала, что сроду не видала таких красавцев генералов. А вот когда ты вчера окликнул меня из машины... Господи, неужели это было только вчера, Ваня?

– Факт. Вчера. А уже роднее и ближе тебя никого нет.

– И мне так кажется.

– Любовь...

– А ты романтик, мон женераль!

– Да, наверное. Только прошу тебя, не надо при маме...

– Называть тебя «мон женераль»?

– Умная девочка!

– Я даже генералом тебя при ней звать не стану. А наедине буду!

– Наедине хоть горшком... Хотя больше всего ночью мне понравилось «Ванька-встанька», – нежно шепнул он мне на ухо. – А вот мы и приехали.

Генерал жил на Юго-Западе, в знаменитых «красных домах» на улице

Строителей.

– Пошли! Не волнуйся!

Мы поднялись на четвертый этаж. Он достал ключи, но тут дверь распахнулась и на площадку выскочила Лида.

– Ой, какие люди!

И она бросилась меня целовать!

– Ладочка Владимировна, я так рада! Папочка, какой ты молодец! Да я о такой жене для тебя и мечтать не могла! Заходите, заходите. Бабушка, иди скорее!

Тут в коридор выскочила маленькая девчушка, пухленькая, хорошенькая, как на рекламной картинке.

– Деда! Деда пришел!

Ваня подхватил ее на руки.

– Привет, Анютка! Только я нынче не деда, а жених! Беги, приведи бабулю!

– Бабуля пироги пекёт!

– Печёт! – поправила Лида.

Генерал снял с меня пальто и на мгновение прижал к себе.

– Ванечка, – раздался женский голос, – веди Ладочку на кухню, я не могу отойти сейчас...

Он взял меня за плечи и повел. Из кухни доносились очень аппетитные запахи.

– Как у вас вкусно пахнет! – вырвалось у меня. – Здравствуйте, Надежда Мартыновна.

– Ох, Ладочка, простите, боюсь от плиты отойти. Здравствуйте, моя дорогая!

Она мне понравилась. В молодости явно была красивой. Сын пошел в нее.

– О, теперь я вижу, в кого пошел Иван Тимофеевич.

– Да в меня он только лицом, а фигура-то отцовская. Взял от родителей самое лучшее, – засмеялась она. – Ой, а вы какая молоденькая, сколько ж вам годков-то?

– Тридцать два.

– А и не скажешь, думала, вообще лет двадцать пять.

– Надежда Мартыновна, может, помощь какая-то нужна?

– Да нет, минут через десять и за стол сядем. Да если б я вчера знала, все уж давно готово было бы...

– А вчера, мама, мы и сами еще ничего не знали, – рассмеялся Иван Тимофеевич. – То есть я-то знал, а вот согласится ли Лада...

– А вы, Ладочка, просто волшебница! Лидушку нашу как... Да и Ваня, я гляжу, лет на десять помолодел. Кабы не седина, так вообще бы молодой парень...

– Надежда Мартыновна, а Ваня... он какой масти был? Блондин?

– Да нет, темно-русый. Девки штабелями падали...

– Надо думать!

– Все, я пошел руки мыть!

Когда он ушел, Надежда Мартыновна шепотом спросила:

– Любишь его?

– Люблю, – без запинки ответила я.

– Люби его. Не пожалеешь. Теперь таких нет.

– Это я уже поняла и оценила.

...В квартире было очень чисто, но до такой степени провинциально и безвкусно, что я только диву давалась. Так в глубоко советские времена обставлялись квартиры в каком-нибудь гарнизоне. Иван в моем представлении совершенно сюда не вписывался. Хотя сам он наверняка ничего в этом не понимал. Просто вырос в такой обстановке. И плевать на это хотел. Но меня такая обстановка, если я тут поселюсь, неизбежно будет раздражать. Ну не смогу я спокойно смотреть на сервиз «Мадонна», выставленный в серванте. Хотя какое-то время можно и потерпеть, тем более что люди уж очень теплые.

– Как у вас все вкусно! – искренне восхищалась я.

– А ты, детка, готовить умеешь?

– Умею.

– И пироги печешь?

– Пеку. Только не из дрожжевого теста. Не получается оно у меня.

Да и муж их не любил.

– А вы что, в разводе?

– Нет, мама, – сказал Иван, – муж Лады погиб, на машине разбился.

– Ой, прости, я не знала... А вы заявление уже подали?

– Нет, мы пока решили так пожить, – ответил Иван.

– Да как же так? Почему?

– Притереться надо. Чтобы потом...

– Нет! Мне это не нравится! Что это такое? Ваню вон часто в Кремль на приемы приглашают. А просто какую-то девушку с ним в Кремль не пустят.

– А в самом деле! – воскликнул Иван.

– Знаете, я как-то меньше всего мечтаю о кремлевских приемах. Ходил Ваня туда один, пусть и дальше ходит. А я такие тусовки не люблю.

– Ишь ты какая, кремлевские тусовки она не любит... Что, и вообще регистрироваться не будете?

– Пока нет. А вот если приживемся...

– А жить где собираетесь?

– Квартиру снимем, – решительно ответил мой генерал. Хотя об этом у нас речи не было.

– Ну, это правильно. На первых порах лучше одним жить. А то я когда замуж вышла, мы с Тимошей в комнате с его родителями жили. Вот маялись! Поцеловаться ночью стеснялись, не то что... Приходилось улучать момент...

– Бабушка! – засмушалась Лида.

– А что, дело житейское. А может, чем снимать, на даче пока поживете? Там хорошо, тепло.

– Пробки, мама!

– А, ну да... А у тебя, Ладочка, своей квартиры-то нет?

– Есть. Но я ее продаю. Хочу другую купить.

– Нет. В женину квартиру генералу въезжать неправильно. Вань, а ты сам-то квартирку купить не думал?

– А я еще ни о чем не думал, кроме того, что нашел свою женщину. И никогда себя таким счастливым не чувствовал, – каким-то неожиданно восторженным тоном произнес генерал.

Мать и дочь изумленно на него взглянули. Я тоже удивилась.

– Что вы так на меня уставились? Не ожидали? – рассмеялся он. – Не слышали от меня таких речей сроду? Я и сам от себя не ожидал, если честно. Но как увидал эту женщину, что-то во мне перевернулось... Давайте-ка за нее выпьем, она принесла счастье уже двум членам нашей не избалованной счастьем семьи.

– Ой, правда, папочка! – восторженно воскликнула Лида. – Какой ты молодец!

– Да, Ладочка, я Ваню таким уж и не помню, спасибо тебе, – растрогалась Надежда Мартыновна.

Боже мой, как хорошо мне было за этим столом, с этими людьми, и я уже по уши была влюблена в своего генерала. И мне жутко хотелось остаться с ним вдвоем, чтобы сказать ему об этом. И все-таки остатками разума я понимала, что такого благорастворения надолго не хватит. Мы ведь не на необитаемом острове находимся. Кто-нибудь начнет нашептывать что-нибудь Лиде, например та же Юлька... Подружки Надежды Мартыновны тоже перемоят мне косточки. Будут говорить, что я прохиндейка, позарилась на генерала, что мне нужен не он сам, а его

положение, и т. д., и т. п. Моей маме генерал понравится, я ее знаю, но вот с Надеждой Мартыновной они вряд ли поймут друг друга, хотя с мамой может и получиться, а вот с Ксюхой... Она такая жуткая снобка. А уж что будет говорить обо мне моя бывшая свекровь, это вообще уму непостижимо. Но тут Ваня шепнул мне на ухо:

– Не робей, воробей!

И тут же вся эта хрень вылетела у меня из головы.

У генерала зазвонил телефон. Он встал и вышел из комнаты. Вернулся через две минуты.

– Простите, меня вызывают, это часа на два. Лада, дождись меня! Это не обсуждается!

И он поспешно ушел. Я осталась в некотором ошалении от слов: «Это не обсуждается!» Я что, его подчиненная?

Надежда Мартыновна положила руку мне на плечо.

– Не расстраивайся, детка. Он вернется. Что делать, военный человек. Кстати, имей в виду, он бывает очень резким. И еще он очень ревнивый.

– А расскажите мне о нем, Надежда Мартыновна!

– Что ж тебе рассказать? Я и не знаю.

– А у вас есть его детские фотографии?

– Как не быть! – обрадовалась она. – Сейчас принесу.

Лида между тем собрала Анечку и поехала домой. На прощание она сказала:

– Завтра на работе увидимся, да, Лада Владимировна?

– Конечно.

– И вы не тревожьтесь, я пока никому ничего говорить не стану. Сами скажете, когда сочтете нужным.

– Спасибо! И даже Пашке не говори пока.

– Договорились.

Надежда Мартыновна принесла два толстых фотоальбома.

– Вот! Сейчас посмотрим, – с удовольствием сказала она. – Знаешь, мне так эти нынешние фотки в машинках не нравятся. Вот Лидушка Анютку все на телефон снимает, а что за радость? А потеряет она завтра телефон? Я уж говорю – сделай нормальные фотки, а ей все некогда. Ну вот, смотри, это Ванюшка совсем малюханький, два месяца... А тут ему уж годик.

Смешной упитанный малыш в матроске. Я умилилась. Фотографий было много. Сама Надежда Мартыновна – красивая женщина, но такая типичная офицерская жена... И ее муж – высокий приятный мужик в военной форме.

– Да, и вправду Ваня взял от родителей все самое лучшее.

– Мы с мужем хорошо жили. Он почти не пил, а знаешь, как мужики в гарнизонах пили? Жутко вспомнить. И меня никогда пальцем не тронул, а баба у нас редкая без синяков ходила. Но по женской части ходок был! Но я терпела. Должен у мужика недостаток какой-нибудь быть. Но он уж к сорока годам выдохся. Надоело, видать, ему. И успокоился. А вот это Ванюшка уже в лётном училище. Вишь, какой красавец!

– А по-моему, он сейчас лучше. Интереснее.

– Думаешь?

– Да. А это кто?

– А это Марина, Лидушкина мать. Будь она неладна. Та еще сучка...

– Ничего, она сейчас небось локти себе кусает. Вон какой он теперь, генерал-майор, она небось от лейтенантика сбежала...

– Знаешь, от лейтенантика или от генерала, неважно это, мало ли чего между мужиком и бабой не так бывает, но что ребенка бросила двухлетнего, вот за это ей прощения нет. Скажи, а ты сколько с мужем-то прожила?

– Восемь лет.

– А детей почему нет?

– У меня не может быть детей.

– А ты лечилась?

– Да, но, говорят, бесполезно.

– Ну, сейчас вроде много способов есть. Я вот кино смотрела, «Женский доктор» называлось... А Ваня-то хочет детей?

– Мы пока не говорили об этом. Рановато пока.

– Да ему-то как бы поздновато не было.

– А вы хотите внуков?

– Да нет, пожалуй, у меня вон Анютка есть. Да и ты вроде как, я смотрю, смирилась?

– Смирилась. Мне так давно этот приговор вынесли, что я и не...

– А мужа-то любила?

– Любила. Но на сорок дней выяснилось, что у него другая была. Я ее из дому выгнала.

– А она что, в дом к тебе приперлась?

– Приперлась. А потом в соцсетях свои с ним фотографии выложила...

– Вот же сука!

– Не стану спорить.

Она вдруг погладила меня по голове.

– Не думай, Ваня не такой! Баб у него, конечно, много было, но все

как-то... несерьезно. А таким, как сегодня, я его вообще не помню. Он, Ладочка, редкий человек. Честный очень. Его с этой его честностью чуть не сожрали, честные – они как белые вороны.

– Это правда.

– Знаешь, он когда тебе цветы-то на работу отнес, пришел, я и спрашиваю: скажи, сынок, какая она? А он помолчал и говорит: «Она, мама, потрясающая! Я таких еще не встречал».

– Надо же...

– А тебе-то он понравился тогда?

– Ну а как такой может не понравиться! Никогда даже не думала, что такие генералы бывают. Но и все...

– А я рада! Ты только береги его. Он ведь два раза был тяжело ранен. Первый раз в Афгане еще. Ох, что со мной было, когда я узнала... Он вообще герой, мой Ванечка! Нет, теперь не мой, теперь наш Ванечка! Хочешь, я тебе его парадный мундир покажу, он его редко надевает...

– Хочу!

– Пошли, покажу!

Она открыла платяной шкаф, достала оттуда вешалку с закрытым на молнию одежным мешком.

– Ты сперва в руки возьми!

– Ой, какая тяжесть! – ахнула я.

Надежда Мартыновна аккуратно достала из мешка и положила на диван роскошный парадный мундир. Я ахнула.

– Ничего себе! А это что? Орденские планки?

– Конечно! Знаешь, сколько у него орденов! Есть и иностранные, и боевые...

– С ума сойти!

– Он, между прочим, и звание «Герой России» имеет! – с невероятной гордостью сказала мать.

– С ума сойти!

– Ну как? Впечатляет?

– Не то слово!

– Видишь, какой мужик тебе достался?

– Да...

– А счастья у него считай и не было.

– Я постараюсь, Надежда Мартыновна. Я даже не думала, что в наше время еще такие мужчины бывают.

– Да, таких, как Ваня, во все времена мало. А знаешь, как его эта гнида бросила?

– Нет. Он не говорил.

– Они тогда под Саратовом в военной части жили. Бедно, конечно, жили, кто он был? И вот однажды Ваня возвращается после учений, а дома никого. Ни жены, ни дочери. А тут соседка является. С Лидушкой на руках. «Вот, – говорит, – Ваня, жена твоя тебе дочку оставила, а сама с подполковником одним вдовым слиняла. Сказала, как устроится, дочку заберет». Он, бедный, совсем обалдел, никак в толк не возьмет. Куда ему одному с двухлетней дочушкой? Ну, очухался, мне позвонил, мы с Тимошей тогда в Смоленске жили. Я кинулась, внучку к себе привезла. Вот и вся его семейная жизнь. Уж сколько пытались его сватать, ни в какую.

– А мать...

– Это ж разве мать? Она про девчонку никогда даже не вспомнила. Мы и не знаем, жива ли она. Подкинула мужику ребенка и слиняла. А бабы за ним табунами бегали, но он плевать на это хотел.

– Наверное, и сейчас еще бегают... – предположила я.

– Да нет, сейчас что-то не видно. Иногда только подружки мои ему невест каких-то присматривают, а он только смеется. И вдруг... Он в тебя с первого взгляда. А ты?

– Я со второго! А ведь тоже на мужиков смотреть не хотела.

– Ну, дай вам Бог счастья. Завтра схожу в храм свечку за вас поставлю. А ты в храм-то ходишь?

– Нет. Неверующая я.

– Нехорошо это, неправильно!

Но тут вернулся генерал. Вид у него был довольно хмурый.

– Что стряслось, Ванюшка? – сразу спросила Надежда Мартыновна.

– Ничего особенного, просто завтра утром мне надо лететь.

– Надолго? – испугалась я.

– Не знаю еще, но постараюсь вернуться как можно скорее. Сегодня мы ночуем на даче, завтра к восьми утра за мной придет машина. Я довезу тебя до работы.

– А может, вам тут остаться? – предложила Надежда Мартыновна.

Я поняла, что этого он категорически не хочет.

– Нет, мама. Поедем на дачу. Это не обсуждается! Мама, налей мне чаю! Ну, чем вы тут занимались? Меня небось обсуждали?

– Ванечка, у тебя неприятности?

– Нет, моя хорошая, просто рабочие моменты. Но расставание с тобой сейчас – это действительно большая неприятность. – Он обласкал меня глазами. – Ты же понимаешь, почему я хочу поехать на дачу?

- Конечно!
- И ты не против?
- А разве это обсуждается? – засмеялась я.
- Прости, любимая, я бываю иногда очень резким и категоричным.
- Я уже поняла.

Чай он пил из тонкого стакана в серебряном подстаканнике. И вдруг встал и вынул из буфета бутылку коньяку. Налил в чай довольно много.

– Вань, ты ж за рулем! – напомнила Надежда Мартыновна.

– Нет. Меня ждет машина. Она отвезет нас, а утром заберет. Свою я поставил на стоянку. Ну как, мамочка, я смотрю, понравилась тебе моя женщина?

– Понравилась, Ваня, понравилась. Дай вам Бог счастья.

– Все, поехали!

Он снял с вешалки мое пальто.

Пока мы ждали лифта, я сказала:

– Знаешь, генерал, я давно хотела остаться с тобой наедине хоть на минутку...

– Через сорок минут мы останемся наедине на всю ночь.

– Там все будет по-другому. А я сейчас хочу сказать тебе: ты когда уехал, я вдруг отчетливо поняла – я тебя люблю. Со всей дури!

Он взял в ладони мое лицо, заглянул в глаза.

– И если я правильно понял, тебе наплевать и на то, что я генерал, и на мой парадный мундир...

– С высокого дерева. Но откуда ты знаешь?

– Про мундир? Я хорошо знаю свою маму. Она жутко им гордится.

– А ты?

– Горжусь, конечно, но не жутко! Больше всего я горжусь тем, что сумел разглядеть в тебе ту женщину, которая мне нужна. Кстати, надевать этот мундир я ненавижу! Это такая тяжесть!

Машина пришла ровно в восемь утра.

Обычно мой рабочий день начинается в десять, но сегодня я появилась на фирме в пять минут десятого.

– Что-то вы рано нынче, Лада Владимировна, – улыбнулся мне охранник.

– Да есть кое-какие дела.

Едва я вставила ключ в замочную скважину, меня окликнули:

- Лада Владимировна!
- Это была Александра Ивановна, наш главный маркетолог.
- С добрым утром, Александра Ивановна.
- Лада Владимировна, как хорошо, что я вас встретила! Можно мне с вами поговорить?
- Ну, разумеется! Заходите. Садитесь. Кофе хотите?
- Да нет, спасибо.
- У вас что-то случилось?
- Мне очень, просто очень нужен ваш совет, вы так здорово помогаете...
- Слушаю вас. Только знаете, я заварю кофе, а то сегодня толком и не попила, а без кофе... Выпьете со мной чашечку?
- Да, пожалуй. Спасибо.
- Итак, что за проблема у вас? Это, видимо, что-то личное?
- Да.
- Что-то с мужем?
- Да. – Она помолчала, сплела пальцы рук. Волнуется, стесняется...
- Лада Владимировна, вот скажите, – решила она, – только честно, я толстая?
- Так! Мне уже многое ясно. Нет, Саша, вы совершенно не толстая. Просто смешно. У вас сорок шестой размер, да?
- Да.
- И давно ваш муж считает вас толстой?
- Ну, раньше он никогда этого не говорил, а теперь... Понимаете, я... Мне тридцать пять. У меня с семнадцати лет один и тот же размер и вес. Я не поправляюсь. Но и не худею. У моей мамы то же самое. Я спокойно влезаю во все свои шмотки еще школьные. Я тут как-то свое выпускное платье достала, решила примерить, а оно сидит как тогда на выпускном вечере. Я, конечно, могу сесть на диету, но толку мало. Я уже пробовала...
- Послушайте, Саша, бросьте эту фигню! Вы в прекрасной форме и не вздумайте морить себя голодом. У вас такая конституция. О такой женщины могут только мечтать, а ваш муж, по-видимому, завел себе кого-то на стороне и таким образом пытается либо испортить с вами отношения, либо откосить от супружеских обязанностей.
- Если честно, я тоже так подумала. Но что же делать?
- Вы любите его?
- Уж и не знаю.
- У вас есть дети?
- Есть. Дочка от первого брака. Ей одиннадцать лет.

– Почему вы расстались с ее отцом?
– Он... умер.
– Простите! А как ваш нынешний муж относится к девочке?
– Как-то спокойно. И она... спокойно.
– Хотите совет?
– Я за этим и пришла.
– Скажите, ваш муж говорит вам, что вы толстая, в каких-то определенных ситуациях?

Она задумалась.

– Да! Надо же... Он обычно говорит это вечером... когда возвращается после работы с большим опозданием.

– Знаете что, если он вам все-таки нужен, попробуйте сделать так... Вы уже понимаете, что он придет позже, соберите в сумку самые необходимые ему вещи, а сумку спрячьте. Если он опять начнет говорить вам, что вы толстая, достаньте сумку и скажите: уходи, не желаю я больше терпеть хамства!

– А если он уйдет?

– Если уйдет, значит, ушел бы в любом случае. И вообще, Саша, нельзя жить с мужчиной, который унижает вас как женщину! Вы интересная, молодая, но у вас потухшие глаза, затравленный взгляд... Из-за чего? Подумайте сами, имейте, наконец, гордость! Я полагаю, материально вы от него не особо зависите?

– Вообще не завишу! Я получаю больше, чем он!

– Вот в этом-то все и дело! Он комплексует по этому поводу и элементарно мстит вам. Завел интрижку на стороне и напропалую вам хамит.

– Но я никогда в жизни ни словом его не попрекнула. Я считаю, неважно, кто сколько зарабатывает, если люди... если у них семья... Господи, Лада Владимировна, неужели все так примитивно и так гадко? Но почему же надо именно говорить, что я толстая? Можно же найти что-то другое...

– Да потому что сейчас все помешались на этой теме, потому что это причиняет вам боль. Он даже не потрудился придумать что-то пооригинальнее. Гоните вы его в шею! Вспомните, что вы интересная женщина с прекрасной фигурой. И вот еще что... Я сейчас дам вам телефон превосходного стилиста.

– Это того, который Лиду Звереву переделал? – восторженно воскликнула женщина.

– Да, только это не он, а она. Одеваетесь вы хорошо, а вот сменить

имидж не помешает.

– Значит, говорите, гнать в шею?

– Гоните! И вот вам телефон стилистки!

– Спасибо! Спасибо вам огромное! У меня как будто завеса с глаз спала! А можно мне еще к вам зайти будет?

– Разумеется, заходите! Это моя работа...

– Знаете, у нас все сперва удивлялись, зачем вас сюда взяли. А на фирме многие показатели вверх пошли. Климат в коллективе улучшился, а это так много значит, особенно в кризис.

Она ушла, но если бы она знала, как приятно мне было слышать ее последние слова! И настроение, упавшее было до нуля после расставания с генералом, наоборот, поднялось. Как это важно – ощущать свою нужность... Но куда важнее ощущать себя любимой!

В обеденный перерыв заглянул Пашка.

– Привет, тетка! Что-то я тебя потерял. Телефон зачем-то отключаешь. Пошли, похаваем за пределами учреждения?

– Пошли! – обрадовалась я.

На улице было чудесно.

– Весна, Пашка! Чуешь, как весной пахнет?

– Чую. Послезавтра бабушка прилетает. Поедем встречать?

– Погоди, а в котором часу?

– Вечером. Поздно.

– Поедем!

– Э, тетка, что с тобой? Чего так улыбаешься?

– Ты умеешь держать язык за зубами?

– Ты же знаешь, что умею!

– Да вот последняя разборка с твоей матерью...

– Перестань! Я уж каялся-каялся. Но мать здорово закусала удила.

Ладно, ты хотела мне что-то сказать?

– Хотела!

Меня буквально распирало от желания с кем-то поделиться.

– Ну, говори!

– Пашка, я влюбилась! Просто смертельно!

– Ух ты! Кайф! И в кого?

– Ты не поверишь!

– Неужто в генерала? – Он вытаращил глаза.

– Представь себе! У нас такая любовь... Он уже сделал мне предложение и вчера познакомил со своей мамой.

– Ни фиги себе темпы! Авиация, одно слово! Но я ж говорил тебе,

он золотой мужик!

– Бриллиантовый!

– Ну и как это у вас?

– Оказывается, он в меня с первого взгляда... Он позавчера встретил меня после работы, повез ужинать, ну и...

– И он тебя уже с мамой познакомил? Она славная тетка... И когда свадьба?

– Никакой свадьбы. Пока так проживем...

– Между прочим, правильно. А Лидка в курсе?

– Да. Но она дала мне слово, что пока не скажет даже тебе. И ты не обсуждай это с ней. Я не хочу!

– Слушай, я так рад! Ну какой же я все-таки умный и ушлый тип! Как все просчитал! Цены мне нет!

– Прав, племянничек! И, главное, сколько людей осчастливил – Лиду, нас с генералом, его маму...

– И себя! Знаешь, как приятно видеть тебя такой, с сияющими глазами... Я великий стратег!

– Теперь это неоспоримо.

– А жить где собираетесь?

– Пока решили на даче. Сперва не хотели, а потом Иван Тимофеевич сказал...

– Это не обсуждается, да?

– Точно! И знаешь, мне так это нравится! Не обсуждается, и все. А там хорошо, на даче...

– Да, по-моему, тебе с ним сейчас везде будет хорошо, хоть на Луне.

– Похоже на то.

– А бабуле скажешь?

– Скажу, конечно. Ну, может, не сразу... Понимаешь, он сегодня улетел на несколько дней. Вот вернется, тогда и представлю его ей.

– Бабуле он понравится. Шикарный мужик, особенно в форме.

– Пашка, а ты видал его парадный мундир?

– Ага! Впечатляет... Надежда Мартыновна так им гордится! Знаешь, из вас клевая пара получится. Боевой генерал и настоящий индеец! Я в тебе не ошибся, тетка! Только настоящий индеец может так... с бухты-барахты...

– Со всей дури, как говорил твой дед.

– Да, круто! Слушай, по-моему, тебе пора уже помириться с мамой, ну что это? Такие дружные были сестры, горой друг за дружку... Бредятина какая-то.

- Да я не против, но первый шаг делать не стану.
- А хочешь, она сегодня же к тебе примчится или уж во всяком случае позвонит?
- Ты хочешь сказать ей про генерала?
- Точно. Верняк подействует.
- Да нет, пока не стоит. Сначала я скажу маме.
- Ну, как хочешь, дело твое. Ух, тетка, ты теперь будешь генеральша? Круто!

Иван Тимофеевич маялся. Долгий перелет с коллегами. Не хотелось сейчас слушать профессиональные разговоры, грубые шуточки, дурацкие анекдоты. Хотелось закрыть глаза и вспоминать, буквально по минутам вспоминать... Боже, какая женщина! Ни капли фальши. Никакого дурацкого жеманничанья. И как она вдруг там, у лифта, сказала: «Я люблю тебя!» И ведь ей на самом деле от меня ничего не нужно... кроме любви... Господи ты боже мой, оказывается, она все-таки бывает, любовь... И я точно знаю, если завтра меня разжалуют и зашлют куда-нибудь в задницу мира, она не задумываясь поедет за мной. Все бросит и поедет. Я проснулся утром, чувствую, она на меня смотрит. И на лице у нее... такая нежность... я чуть не умер от счастья... И не наводила тень на плетень, сразу сказала, что не может иметь детей... Что ж делать, значит, не судьба. И права она, трижды права, у меня есть дочь, есть внучка и могут быть еще внуки, а я буду просто наслаждаться тем, что у меня есть моя Лада. И даже мама ее одобрила, это просто удивительно... да нет, чему удивляться, мама своим материнским сердцем почувствовала, что эта женщина любит ее Ванечку.

– Ваня, ты что? – толкнул его в плечо Устюжанин. – О чем задумался, детина?

Михаил Борисович любил говорить фразами из песен.

- Ох, Миша, голова что-то раскалывается.
- Не надо врать своим ребятам! У тебя на губах играла такая блаженная улыбка, как будто тебе снилась какая-то сладкая телочка.

Генералу Столетову захотелось немедленно придушить старого друга. Какая пакость – сладкая телочка!

Он так свернул глазами, что Михаил Борисович даже крякнул.

- О, кажись, тут большое светлое чувство? Ты ли это, Ваня?
- Умолкни!
- Да ладно, Вань, поделись со старым другом. Кто она? Где взял?
- Не обсуждается!

- Вона как? Так, может, выпьем за твою кралечку?
- Миш, тебя сразу послать?
- Ну ладно, я уж понял. Она была мечтой поэта!
- Да пошел ты...
- Я бы пошел, но куда в самолете пойдешь?

Иван Тимофеевич только рукой махнул и снова закрыл глаза. Лада... Странно, все эти Мишины выражения – сладкая телочка, кралечка... Никогда они меня не задевали, не казались невыносимо пошлыми. А сейчас просто выть от них хочется. Или дать в морду. Как ей все это не подходит... Она такая... горячая, обжечься можно, и нежная... а какая у нее кожа... Я недавно был в гостях, а там как раз завели котенка породы скотиш-фолд. Я взял его на руки и поразился, какая у него тонкая и нежная шкурка... Как кожа у моей Лады... Нет, об этом сейчас нельзя думать... Опасно! А вот мой водитель, Никита Филиппыч, когда мы высадили Ладу у ее работы, вдруг подал голос:

– Поздравляю, товарищ генерал! Высшей пробы женщина.

Я поразился точности определения. Именно что не сладкая телочка, а женщина высшей пробы. Только мне бы еще со своей дурацкой ревностью совладать. Я ее ко всему миру ревную. И особенно к ее покойному мужу. Как подумаю, что она спала с ним, ласкала его, у меня в голове мутится. И я ведь не знаю, были там еще какие-то мужики... Наверняка, она такая... Кажется, ни один не может пройти спокойно мимо. Да ну, глупости! Как я смею даже думать так о ней? А я сам-то хорош! Сколько баб прошло через мою постель... Но теперь все! Мне теперь ни на одну и глядеть не хочется. Вон какие тут стюардессы, конфетки! Но не мои конфетки!

Генерал взглянул на часы. Лететь еще четыре часа, надо бы поработать. Он достал планшет. Но прежде чем погрузиться в дела, воровато оглянулся на Михаила Борисовича. Тот мирно спал. Иван Тимофеевич открыл фотографию Лады. Боже мой... И это моя женщина! Какая улыбка... Он загляделся на нее.

- Вань, это она и есть? – раздался тихий голос старого друга.
- Она. Только молчи.
- Да ты что! Вань, хороша! Одобряю. Вань, а где ты ее взял?
- Какая разница!
- Ну, я вижу, ты по серьезке... Жениться думаешь?
- Конечно.
- А сколько ей годков?
- Тридцать два.

Участливый спокойный тон старого друга вдруг пробудил в генерале острое желание говорить о Ладе. Мысли о работе вылетели из головы.

– Скажи, Мишка, ведь хороша?

– Да. Интересная женщина. Но не простая.

– Так и я не простой. Зачем мне простая?

– Ваня, это что... любовь? – каким-то даже благоговейным шепотом спросил Устюжанин.

– Любовь.

– Она замужем?

– Нет. Вдова.

– А чем занимается?

– Это она мою Лидку преобразила. Я пошел отнести ей цветы, и все.

Пропал.

– С первого, как говорится, взгляда, что ли?

– С первого.

– У вас уже что-то было?

– У нас уже все было. Я вчера познакомил ее с мамой, и они сразу нашли общий язык. И Лидка в восторге. Вот такие дела, друг Миша.

– А у нее папа-мама есть?

– Есть мама. И старшая сестра. Но я пока еще ни с кем не знаком.

Мама должна вернуться в Москву послезавтра.

– А жить где думаете?

– Пока на даче. А там будет видно.

– А мама ее кто?

– Педагог по вокалу в Гнесинке.

– Ну, не велика птица.

– Вот тут ты маху дал, Миша. Видел бы ты ее квартиру! Настоящая старая интеллигенция. И кто знает, не будет ли мама презирать зятя-солдафона и его более чем простую маму.

– Вань, окстись! Ты что, комплексуешь из-за своего происхождения? Это бред, Ванюша! Ты из семьи потомственных офицеров, сам генерал, да еще красавец мужик...

– Да нет, это я так... Просто, когда зашел в ту квартиру... Книг море... – с какой-то даже тоской проговорил он.

– Вань, побойся Бога, ты ж не сиволапый мужик!

– Да вроде нет, а вот там именно что ощутил себя сиволапым, – смущенно улыбнулся Иван Тимофеевич.

– Ты это брось! Девушка твоя тебя сиволапым не считает?

– Нет.

- Слушай, а как ее звать-то, девушку твою?
 - Лада!
 - Хорошее имя. Ладушка... Даже если станешь бабушкой, все равно ты будешь Ладушкой, Лада!
 - А между прочим, выйдя за меня, она автоматически станет бабушкой для Анютки, – рассмеялся генерал.
 - А свадьба когда?
 - Она не хочет свадьбу.
 - Почему это?
 - Ну, во-первых, даже полугодом со дня смерти ее мужа не прошло...
 - А полагается год.
 - И еще она говорит, вдруг у нас не получится...
 - Умная, выходит?
 - Жутко умная, Мишка! И это такой кайф – умная женщина! И с юмором. Знаешь, как она говорит: я выхожу за тебя замуж со всей дури!
 - Кажется, тебе, наконец, повезло, мужик! Я с ней еще не знаком, но она мне уже нравится. Готовить умеет?
 - Говорит, что да. Мне еще не довелось попробовать. Но даже если не умеет, плевать! С голоду не помрем!
 - Работу бросать собирается?
 - Нет. Зачем?
 - А я вот подумал, как ее наши дамы примут?
 - А мне плевать! И ей, я думаю, тоже!
 - Вань, я тут чего сообразил...
 - Ну?
 - Мы ж как раз к Восьмому марта вернемся. Надо бы невесте какой-нибудь подарок.
 - Какой подарок? – испугался Иван Тимофеевич. К Восьмому марта он всегда дарил женщинам, включая мать и дочь, цветы и конфеты, за которыми посылал Никиту Филиппыча.
 - Вань, ну невеста же...
 - И что это должно быть?
 - Вань, ну напряги мозг, в Якутск, между прочим, летишь.
 - И что?
 - Якутские алмазы, слыхал? Купи девушке колечко или сережки...
- На лице генерала было написано смятение.
- Но я же ни хрена в этом не смыслю.
 - Ладушка твоя колечки-сережки носит?

– Вроде да... А вообще-то ты прав, Мишка, колечко – это правильно... Но я размера не знаю.

– Не трагедия, всегда можно переделать. Да ты не дрейфь. Отведу тебя в одно место, так такие спецы сидят, подберут самую модную и красивую цацку. Она точно пропрется.

– Слушай, а это не получится... пошло?

– Пошло? Да почему? – крайне удивился Устюжанин.

– Ну, знаешь, в кино всегда вынимают из кармана коробочку с колечком...

– Да, Вань, по ходу, это большая любовь, начисто мозги отшибло! Да пойми ты, чудак-человек. Если б ты хотел просто переспать с бабой или расплатиться за услуги, это было бы одно, а когда ты от чистого сердца любимой женщине даришь кольцо... Любая нормальная баба воспримет это просто как... как дар любви... Ведь, если я правильно понял, она не просто любимая женщина, а еще и любящая, так?

– Ох, Мишка...

– Вань, я с Маруськой своей уже двадцать пять лет живу душа в душу, как думаешь, почему? Потому что люблю ее, заразу, и знаю, когда на какие кнопки нажимать...

– Ох ты и хитромудрый, Мишка!

– И ты, Ваня, учись.

Но тут принесли обед, и лирический разговор был прерван, а после обеда Михаил Борисович уснул.

К вечеру я так устала, что, едва добравшись до дому, без сил рухнула на диван. Впервые за двое суток я смогла перевести дух. Кому рассказать, не поверят... Я и сама себе не очень-то верила. Но уже пришло сообщение: «Долетел. Люблю». Значит, не приснилось... Я поговорила по скайпу с мамой.

– Ладощка, ты что, здорово устала?

– Да, мамуля, трудный день был. А ты-то как? Лечение помогает?

– Помогает, как всегда. Но уже рвусь домой. Пашка обещал меня встретить.

– Я с ним тебя встречу.

– Я тебе вафель твоих любимых накупила.

– Спасибо, мамочка!

Интересно, понравится маме мой генерал? Господи, Ванечка, как я люблю тебя!

После работы я села в машину к Пашке – ехать встречать маму.

– Слушай, тетка, а поехали на аэроэкспрессе? Боюсь, встанем где-нибудь наглухо.

– Согласна. А у «Белорусской» припаркуешься?

– Попробую. Времени у нас еще вагон. Если приедем в Шереметьево заранее, посидим там в кафешке. Я голодный.

– Годится. А как там Ксюха? Все еще негодует?

– Как ни странно, да.

– Объясни мне, Павел, чем так привлекла мою сестрицу эта Яна? Кто у нее папаша? Олигарх?

– Да нет, какой олигарх... Он этот... как его... Гуру!

– Гуру? В какой области?

– Он какой-то спец по восточным философиям.

– Мать честная!

– У него жуткое количество поклонников, последователей...

– Ну, я в Яне как-то ничего такого не заметила...

– Я тоже. Она вроде бы нормальная девчонка, просто не моя. А мать...

– Она что, тоже занялась восточными философиями?

– Ну да. И они с гуру решили через нас породниться. А я не желаю родниться со всякими...

– Паш, а это часом не секта?

– Да вроде нет.

– А отец как к этому относится?

– Его это бесит. Но он, по-моему, завел себе какую-то бабу. И я его понимаю. В такой ситуации...

– Господи, Пашка, ты почему молчал? Ксюху же надо спасти! У нее явно неадекватное поведение, – искренне встревожилась я.

– Думаешь, так все серьезно?

– Боюсь, что да!

– Ну и что делать?

– Я попробую разобраться. Как, скажи, зовут этого гуру?

– Велемир Вайцеховский. Он вообще-то жутко образованный, продвинутый...

– Нормальный?

– По крайней мере с виду – да.

– И давно он возник в вашей жизни?

– Где-то с полгода, наверное.

– Интересно, бабушка в курсе?

– Нет. Мать от всех это скрывает. Говорит, не хочет, чтобы

непросвещенные люди лезли грязными руками... Лад, думаешь мать свихнулась?

– Не исключено, Пашенька.

– Блин! А я и не подумал... Хотя я ведь живу отдельно. Просто не понимал... или не хотел понимать. А что же делать, тетка?

– Для начала я попробую поговорить с Сергеем. Твой отец весьма разумный человек. А бабушке пока говорить не будем. И еще, я завтра сама попробую пообщаться с Ксюхой.

– Тетка, неужели все так серьезно?

– Пока ничего сказать не могу. Мне надо с ней пообщаться. Слушай, а она часом не влюблена в этого Велемира?

– Откуда я знаю? Мне такое в голову не приходило.

– Это я отчасти виновата.

– Ты? С какой стати?

– Я так была занята своими горестями, а потом и работой...

– Но ты же младшая сестра.

– И что?

– Да нет... ничего. Но твоей вины тут явно нет. Просто я никогда не думал, что такая вот хрень... секта – не секта... и моя мама... Бред! Это просто бред! Но и я тоже хорош! Ничего не понял, был занят своими делами... Мечтал отбояриться от Янки. Хотя не скрою, сначала она мне понравилась. Красивая же...

– Бесспорно.

За этими разговорами мы добрались до Шереметьева. И пошли ужинать, мы оба проголодались.

– Тетка, а что наш генерал?

– Прислал эсэмэску, что любит.

– Кайф!

– Ага!

– А вот интересно, таким военным шишкам можно жить в гражданском браке?

– Понятия не имею. Но он согласился...

– Так, может, он тоже не в курсе? Скажи, а вот если он придет и скажет: мы должны жениться по-настоящему и это не обсуждается! Как поступишь?

– Соглашусь. Как нечего делать.

– А сразу чего не согласилась?

– Еще не понимала. Он мне предложил выйти замуж практически сразу, до всего...

– Ну, тетка, с твоей стороны это не был поступок настоящего индейца...

– Согласна.

– А ты пошли ему эсэмэску.

– Какую?

– Просто одно слово: согласна!

– Да ну... А вдруг он передумал?

– Иван Тимофеевич? Да ни в жисть! Нет, ты пошли, пошли. По крайней мере, сразу поймешь, передумал или нет.

– Пашка, да он наверняка давно спит. Какая у нас разница во времени?

– Ничего, проснется. Ради такого дела... Или, на худой конец, утром прочтет.

– Да, а я до утра с ума сойду! Хотя ты прав. Это классный тест!

И я послала генералу сообщение: «Хочу по-настоящему замуж! И это не обсуждается!»

Ответ пришел через две минуты.

«Согласен! Подаем заявление 9 марта. Это не обсуждается!»

– Пашка, ты мой добрый ангел! – возликовала я.

– Я просто стратег, – скромно потупил озорные глаза племянник.

Мама так устала от перелета, что, к счастью, не заметила моего дурацкого сияния. Даже беспокойным мыслям о сестре не удалось погасить его.

– Ох, как же я рада вернуться! Павлушка, как мама?

– Все путем, бабуля!

Мы с ним решили маме пока ничего не говорить.

Дома мы втроем напились чаю с дивными вафлями, которые по-чешски зовутся облатками, – это тонюсенькие круглые штучки размером с хороший блин, хрустящие, с разными начинками. Впервые я их попробовала в Карловых Варах, когда была там проездом. С тех пор мама, которая каждый год ездит в Мариански Лазни лечить спину, привозит мне штабеля этих вафель.

Когда Пашка ушел, я помогла маме разобрать чемодан.

– Ох, хорошо дома! Как ты тут без меня, Ладоска? Не оголодала?

Мама открыла холодильник.

– Ой, а что это? Красная икра? Откуда в таком количестве?

Я совсем забыла, что Ваня заставил меня взять домой эту икру.

– Мне привезли с Сахалина. Попробуй, мама, мы такой никогда не ели! Хочешь, сделаю бутерброд?

– Пожалуй.
Я сделала бутерброд.
– Ладошка, а ты тут часом не влюбилась? – Мама пристально смотрела на меня.
– Влюбилась, мамочка, как ненормальная!
И с чего я вздумала скрывать это от мамы, дура набитая?
– Это он привез икру?
– Он!
– А икра и впрямь божественная! Он что, с Сахалина?
– Нет, мама. Москвич.
– Давай, рассказывай! Он кто?
– Он? Он, мама, генерал-майор авиации. И Герой России.
– Господи помилуй! Ты где взяла его?
– Мама, я замуж за него выхожу! Я люблю его, просто, можно сказать, умираю от любви!
– Мать Божья! А сколько ж ты с ним знакома?
– В общей сложности два дня и две ночи.
– Так! Опять, значит, со всей дури... А сколько ж ему лет?
– Через месяц будет сорок семь.
– Ладка, – поморщилась мама, – почти пятнадцать лет разницы – это чересчур. Ты ж еще совсем молодая, а он...
– Мамочка, если б ты его видела!
– У тебя есть его фотография?
– Ох, да, конечно!
И я протянула маме айфон.
– Да... Хорош! Красавец мужчина. Хорошее лицо. Не похож на грубого солдафона.
– Что ты, мама! Он такой нежный, такой чуткий... Он когда пришел сюда за мной, мне показалось, что он даже слегка оробел.
– Почему?
– Его, по-моему, смутила твоя квартира. Обилием книг, как я поняла.
– Он женат?
– Нет. Его жена давным-давно бросила с двухлетней дочкой. Дочку вырастила его мама, кстати, хорошая женщина. Добрая, радушная...
– Ох, а как его зовут, твоего героя?
– Ваня. Иван Тимофеевич Столетов.
– «Мама, я летчика люблю», так, что ли?
– Именно!
– Надо мне с ним познакомиться, детка.

– Он сейчас в Якутске. Как вернется, так сразу. Написал, что девятого марта пойдем подавать заявление.

– Ладощка, зачем так спешить?

– Я сперва не хотела и вдруг поняла, что просто жить без него не могу. Совсем не могу!

– Он что же, две ночи с тобой переспал и уже сделал предложение?

– Нет, он мне его сделал, увидев меня второй раз в жизни. Правда, он специально за мной приехал...

И я все рассказала маме. При этом испытывала такое невероятное наслаждение, что сама себе удивлялась.

– Мамочка, ну почему ты на меня с такой жалостью смотришь? Я же счастлива без ума!

– Вот именно что без ума. Ну, пройдет у вас первый угар, о чем вы будете с ним говорить? Об авиации?

– Найдем о чем говорить.

– Я так понимаю, что он ас... Не только в небе, но и в постели?

– Ох, мама...

– Это тоже важно. Но разница в возрасте... Хотя какой смысл говорить об этом, ты же не в себе, моя девочка. Только, знаешь ли, нехорошо выходить замуж, когда и года не прошло. Да и полугода... Тебя осудят.

– Да плевать! Пусть.

– Нет, Ладощка, ты не права. Какие-то правила лучше не нарушать. Впрочем, с тобой говорить бесполезно. Я лучше поговорю с Иваном Тимофеевичем.

– Мамочка, – засмеялась я, – знаешь, какая у него любимая фраза?

– И какая же?

– «Это не обсуждается!»

– И тебе это нравится?

– Ага! Еще как нравится! Это так приятно, когда мужчина умеет принимать решения и брать все на себя.

– Ну да, можно расслабиться и потом сказать – это было твое решение, а я тут ни при чем, да?

– Не знаю. Просто...

– Просто ты влюбилась как мартовская кошка, тем более на дворе март.

– Нет, мама, не влюбилась, наверное, а полюбила.

– Ну, это будет видно, моя девочка. Но, по крайней мере, у тебя совсем другие глаза.

– Я, мама, после смерти Андрея и уж тем более после сороковин жила

как будто в броне...

– А генерал твой оказался еще и бронбойным? – хмыкнула мама.

– Мамуля, я тебя обожаю! Мой бронбойный генерал! Прелесть!

– Хотелось бы с ним поскорее познакомиться.

– Думаю, скоро тебе такая возможность представится. Если девятого мы подаем заявление, думаю, он сочтет необходимым попросить у тебя моей руки. У него, кстати, превосходные манеры.

– А чего у меня руки просить, если ты уже сама предоставила ему и руку, и сердце, и все остальное? Нерационально!

– Все-таки у меня самая лучшая мама на свете!

Утром я собиралась на работу, как вдруг айфон издал звук, оповещающий о приходе сообщения. Я открыла. Там была фотография. Иван в незнакомой мне куртке с меховым капюшоном держит в руках какую-то здоровенную рыбку, на лице неопиcуемый восторг. И подпись: «Тут такие караси! А ты моя золотая рыбка!»

– Мама, смотри!

– Караси? Разве бывают такие караси?

– Ну, вероятно, в Якутии бывают.

– А ты знала, что он рыбак?

– Нет.

– Слушай, а он вообще... пьет?

– Ну, пьет как нормальный мужик. Но на алкаша не похож. И даже на пьяницу.

– Ты почему не ответила на послание, золотая рыбка?

– Сейчас! – Я обняла маму и сделала селфи. Отправила фото Ивану со словами: «Мы недоумеваем: разве бывают такие караси?»

– Ты зачем это?

– Пусть знает, как выглядит его теща.

Тут же пришел ответ: «Евгения Петровна, я люблю Вашу дочь! Будьте к нам снисходительны. А караси, как выяснилось, такие бывают!»

– Смотри, мама!

– Да... А знаешь, он мне нравится. Он обаятельный, улыбка чудесная... Дай вам Бог счастья...

Она обняла и поцеловала меня. Я так поняла, что получила материнское благословение.

Выйдя на улицу, я написала ему: «Когда тебя ждать? А то мне уж замуж невтерпех!»

И тут он позвонил, впервые за все дни.

– Девчуха моя, прости, что не звонил раньше, но только сейчас смог остаться один в нормальное время. Я так дико по тебе скучаю!

– Ванечка, ты эту рыбину из-под льда выловил?

– Да, но...

– Смотри, не простудись, там же кошмарный холод!

– Не волнуйся! Тут по-другому ловят.

– А ты вообще рыбак?

– Да нет. Но иногда люблю... Только не с удочкой. Мне метод – на одном конце червяк, на другом дурак, как-то неинтересен. Боже мой, о чем мы говорим! Деточка моя... Я прилечу седьмого ночью, если будет погода. Но прогнозы не очень утешительные. Могу и задержаться. Если все-таки задержусь, значит, пойдем в ЗАГС не девятого, а десятого. А почему ты вдруг передумала?

– Потому что поняла – не могу без тебя жить. Совершенно не могу. Ты вон рыбу ловишь... А мне что делать?

– А ты пройдишь по магазинам, купи новое платье... Ой, я второпях не спросил, может, тебе деньги нужны?

– Нет, Ванечка, деньги у меня есть. А мысль хорошая насчет нового платья. Здравая.

– Скажи, а твоя мама... Что она сказала про нас? Не говорила, что я для тебя староват?

– Ну, сначала говорила, но потом сказала, что ты ей нравишься, это после твоей просьбы о снисхождении. Ох, генерал, я уверена, вы с ней найдете общий язык.

– Ну и чудно! Все, девчуха, меня уже ждут! Будет возможность, позвоню, а нет, не сердись.

И он отключился.

У меня в животе порхали бабочки и расцветали незабудки! В таком состоянии я спустилась в метро и вошла в вагон. Народу было не очень много, и мне даже удалось сесть. И вдруг я ощутила на себе взгляд. Подняла глаза, и мне стало нехорошо. Напротив меня сидела Мария Афанасьевна, моя бывшая свекровь. Она смотрела на меня с ненавистью! И вдруг вскочила и шагнула ко мне. Я автоматически вскочила тоже, уступая ей место. Она села.

– Ну, здравствуй! Ты, я вижу, цветешь! И как совести хватает! Бесстыжая ты!

Я боялась, что она устроит публичный скандал.

– Мария Афанасьевна!

– Да я-то помню, как меня зовут, а вот ты, шлюха, забыла, кто ты есть.

Веселая вдова!

– Мария Афанасьевна! – Я пристально посмотрела ей в глаза. – Если вам нужно со мной поговорить, извольте. Я сегодня после работы заеду к вам, и мы поговорим с глазу на глаз!

В этот момент поезд подошел к станции, и я выскочила из вагона. Дождалась следующего поезда, мне оставалась еще одна остановка. Во что бы то ни стало после работы заеду к ней и выясню отношения. Скажу ей открытым текстом все, что наболело. И пусть знает, что я... Да, черт возьми! Я веселая и ужасно счастливая вдова очень неверного мужа. Да, это правильно. Так поступают настоящие индейцы!

Едва я в боевом настроении вышла из метро, опять зазвонил телефон. Егор! Господи, я просто забыла о его существовании!

– Ладочка, я вернулся! Очень скучал! Пришлось задержаться... Устал страшно. А как ты?

– Я? Бурно!

– Да? Как интересно! Может, вечером повидаемся?

– Я бы с радостью, но обещала вечером зайти к Марии Афанасьевне.

– Да? А может, я туда за тобой заеду? Она ко мне хорошо относится.

– Она ко мне плохо относится. Поэтому не стоит.

– Что-то случилось? Вы повздорили?

– Ну да.

– Слушай, а если в обеденный перерыв? Часа полтора сможешь выбрать? Я привез тебе подарок из Китая.

– С добрым утром, тетя Хая, вам посылка из Шанхая!

– Ладка, я тебя обожаю! Ну так что?

– Давай! Сможешь подъехать к двум? У нас там рядышком есть недурное заведение.

– А у вас там стоять можно?

– Позвони за десять минут. Я выскочу. А у кафе есть парковка.

– Договорились! До встречи!

Я обрадовалась, разговор с Егором перебил неприятное послевкусие от встречи с бывшей свекровью.

В вестибюле я столкнулась с Лидой. Она обрадовалась.

– Привет! Выглядишь просто супер! И, похоже, у тебя уже кто-то завелся? А?

– Ну... – смутилась она, – еще нет, но... может быть! И все благодаря вам!

– Знаешь, давай на «ты»! Мы же скоро будем одной семьей.

– А папа, он вам... то есть тебе, звонит?

– Сегодня первый раз позвонил. Говорит, возможности не было. А так только сообщения присылал. Вот, взгляни, как он там развлекается! – Я показала ей фотографию с рыбиной.

– Здорово! Как я за него рада! Он вообще-то суровый чел, хотя и добрый. А тут улыбка во весь рот! Надо же... Ой, мне пора, Ладочка!

– Анютка в порядке?

– Да! Она в саду.

И вдруг я подумала: я сапожник без сапог. Надо мне тоже поехать к Элеоноре, моей школьной подружке, потрясающему стилисту и парикмахеру, к которой я не раз уже отправляла своих подопечных и результат всегда был стопроцентным. Надо бы и мне перед встречей с моим бронебойным генералом навести немислимую красоту, но так, чтобы он ничего не понял, просто увидел бы и ахнул. Ничего радикального, просто новая стрижка. А вдруг Ванечке новая стрижка не понравится? Да ерунда! Он ничего не поймет. Сказано – сделано! Я позвонила Эльке.

– Привет, подруга!

– Ох, Лада, спасибо тебе!

– За что?

– За цепную реакцию!

Я решила, что ослышалась.

– За что?

– Ну, ты ко мне всяких мымр присылаешь, я из них делаю конфетки, и все их окружение тоже жаждет ко мне попасть. Я, кстати, одна уже не справляюсь. Пришлось взять еще девочку. А у тебя что? Еще для меня мымра?

– Ну, в известном смысле. Сама хочу отдаться в твои умелые руки.

– Есть повод?

– Да нет... просто...

Мне не хотелось пока всем рассказывать про моего генерала. А еще я позвонила Сергею, Ксюхиному мужу. Считала себя обязанной что-то предпринять.

– Сережа, можешь сейчас говорить?

– Привет, Ладочка! Да, если быстро.

– Сережа, надо встретиться. С глазу на глаз. Хорошо бы завтра. Поговорить надо.

– О чем это?

– Ну, о Пашке... о Ксюхе.

Он молчал. Похоже, ему этот разговор был неприятен.

– Ладочка, знаешь... Я лучше сам попробую со всем разобраться. –

В голосе прозвучало раздражение.

– Дело твое! Извини.

Странно. Он вообще-то прекрасно ко мне относится. Но, видимо, там и вправду завелась какая-то дама... И что я с этим поделаю? Они с Ксюхой живут уже более четверти века. Седина в бороду... Господи, какое счастье, что Ваня мой не женат и я не разрушу ничью семью. Надо просто попробовать поговорить с Ксюхой. Ссора с ней отравляла мне жизнь. Но сейчас пора заняться работой.

Без десяти два позвонил Егор. Я накинула пальто и вышла из здания. Егор стоял возле машины. Высокий, красивый, радостно улыбающийся.

– Привет, Лада!

– Привет!

Едва мы сели за столик, как Егор протянул мне красивый пакет.

– Вот, держи, тетя Хая!

– А что это?

– Это очень красивая вещь, выбирал долго-долго!

Я сунула руку в пакет, там была какая-то тряпочка, прикрытая шелковой тонкой бумагой. Я в нетерпении сорвала бумагу и увидела невероятной красоты шелк. Пестрый, в цветах.

– Как красиво!

– Да ты достань, это что-то вроде кимоно.

– Ой, и вправду. А я думала, просто ткань! Ох, какая расцветка...

– В Шанхае есть магазинчик, где продает свои изделия один художник.

В фасонах он придерживается традиций, а вот ткани у него с современным рисунком, там нет драконов и всей этой рыночной пошлятины. И ткань не атласная... Нравится?

– Не то слово! Спасибо тебе огромное, Егор!

– На здоровье! Подразумевается, что это домашнее платье, но, мне кажется, его можно и на люди надевать.

Я сразу представила себе, как надену эту красоту на голое тело... для моего генерала.

– Ладка, а ты потрясающе выглядишь! Что-то случилось за это время?

– Да. Случилось! – расплылась я в идиотской улыбке.

– И что же? – как-то сухо и настороженно спросил Егор.

– Я влюбилась! И выхожу замуж!

– Да? Поздравляю. И кто же этот счастливец? Вот не думал... Как там у Вильяма нашего Шекспира? Нет месяца, и целы башмаки?

– Представь себе!

А ведь именно этой цитаты я ждала, когда впервые подумала о реакции ближайшего окружения.

– А знаешь, у Вильяма нашего Шекспира ни слова не говорится об экзотических красотках у Гамлетова папаши, которые в соцсетях триндят о своей неземной любви с моим покойным мужем.

– Права! – хлопнул он в ладоши. – Кругом права. Прости! Я привык к стереотипам. И кто же все-таки этот счастливец?

– Сбитый летчик.

– Это как?

– Ты что себе представил, если говорить о стереотипах? Какого-нибудь спившегося художника-неудачника? Да?

– Ну, я еще не успел даже оформить мысль...

– Егор, стереотипы – губительная штука иной раз.

– Так кто же все-таки он?

– Он и вправду был летчиком-испытателем, но уже два года не летает, носит звание генерал-майора и «Героя России».

– Позволь, но почему же он сбитый, твой бывший летчик?

– Потому что я сразила его наповал! Сбила с ног и с толку!

– Господи, Ладка, что с тобой? Ты сроду таких вещей не говорила.

– Понимаю! Просто я все время как пьяная от любви, Егорушка!

У меня крыша едет!

– Да не едет, а уж съехала и ее унесло ураганом...

– Ага!

– Ну ни фиги себе!

– Хочешь, покажу его?

– Покажи!

Я показала ему фотографию с рыбиной.

– Красивый мужик, только старей, сколько ему? Полтинник есть?

– Нет. Ему сорок семь почти.

– Ладка, а ты чего с таким вызовом? Я ж тебе не враг. Я, если хочешь знать, рад видеть тебя такой счастливой. От нашей последней встречи у меня осталось ощущение, будто ты внутренне застыла, а сейчас вся светишься. Тебя из-за этого Мария Афанасьевна гнобит?

– Ну, она меня не гнобит, просто увидела случайно в метро и наехала...

– Так зачем же ты к ней идешь?

– Расставить все точки.

– Как настоящий индеец? – улыбнулся он. Улыбка была грустная.

А я вдруг подумала: я от любви стала такая нечуткая... Он же явно

ко мне равнодушен, Егор, а я с восторгом сообщаю ему о своей любви. Нехорошо, даже жестоко. Но что сделано, то сделано.

– Да, а что риелтор? – счел за благо сменить тему Егор.

– Да пока ничего подходящего не находится. Но она старается, не придерешься, и вообще славная тетка.

Больше к разговору о моем генерале мы не возвращались. Егор рассказывал о своих путешествиях по Китаю.

Уже в машине он спросил:

– На свадьбу пригласишь?

– Никаких свадеб!

– Ну, а с мужем познакомишь?

– Обязательно!

Егор был убит. Как же так? Как быстро это все... Но до чего ж хороша, зараза! Она и раньше была прелестна, а сейчас это сияние, невыносимый блеск глаз... Но мне почему-то не верится, что это будет долгий брак. Они люди из разных песочниц, Лада и генерал. Наиграется она в эту игрушку, да и бросит его. Скучно ей будет в генеральшах. А другие генеральши будут ей завидовать и всячески портить жизнь... Знаю, навидался я таких дам... Или это очередной стереотип? Надо будет постараться сдружиться с генералом. Во-первых, надо, чтобы она привыкла к моему присутствию, полагалась на меня... Черт, что за мерзкая чушь? Что ж мне, втираться в доверие к незнакомому человеку, чтобы при первом удобном случае перехватить у него жену? Куда ты скатываешься, Егор? Стыд и срам. Надо просто постараться как можно скорее выкинуть Ладу из головы и из сердца. Не желаю я быть на вторых ролях! Но легко сказать – выкинуть из сердца... Да и звучит как-то пошло, в духе дешевой мелодрамы девятнадцатого века. Тьфу! Надо просто уехать в Китай на полгода, раскрутить на полную катушку свое дело, а там, глядишь, и встретить другую девушку. А этот генерал, видно, тот еще жеребец, вон как она светится. Небось, только и думает, как бы поскорее залечь с ним в койку. И мой халатик наденет, чтобы генерал поскорее снял его с нее... Тьфу!

Я позвонила в дверь.

– Кто? – раздался голос свекрови.

– Лада.

Дверь распахнулась.

Недобрый взгляд исподлобья.

– Явилась все-таки? Ну, заходи. Туфлиними. Ступай на кухню!
Это надо пережить, сказала я себе и молча пошла на кухню.

– Чай-кофе будешь?

– А можно стаканчик вашего гриба?

– Можно. Вот, пей!

– Спасибо! Вкусно!

– А вот Андрейка терпеть не мог... Ну, говори!

– Что говорить?

– Как живешь, веселая вдова? С чего веселишься-то? Я вон на могиле третьего дня была. Ты там давненько не появлялась. А с квартиры чего съехала? Чтоб я часом не заметила, как ты мужиков водишь?

– Мария Афанасьевна, позвольте, я кое-что вам объясню.

– Ну, попробуй, а я послушаю.

– Мне казалось, что мы с Андреем хорошая пара, что у нас гармоничный брак.

– Да уж, гармоничный, без детишек-то!

– Я никогда не скрывала, что не смогу иметь детей. А Андрей их и не хотел. Никогда.

– Значит, оба вы были уроды.

– Допустим. Но я не о том. Когда Андрей разбился... Не знаю, как я жива осталась. Горе меня буквально сглодало. Но в день сороковин... кое-что выяснилось.

– И что ж такое выяснилось?

– Туда заявила одна девица с его работы, некая Даша. Знаете такую?

– Нет.

– И я совершенно случайно услышала, как другая коллега Андрея выговаривала этой... Она... Короче, она спросила, как Даша посмела явиться в мой дом, а та ответила, что ей интересно... И сказала, что у них с Андреем была любовь, что они собирались покупать квартиру и вообще... А через несколько дней выложила в Интернет фотографии с Андреем и рассказ об их неземной любви.

– Ты... ты правду говоришь?

– О да! А еще она тогда сказала... на лестнице... «Пестик нашел свою тычинку».

Мария Афанасьевна перекрестилась.

– И что ты сделала?

– Выгнала ее к чертям собачьим.

Она сидела молча. И была очень бледна.

– Лада, пожалуйста, достань мои сигареты.

Мария Афанасьевна не курила, а покуривала. И сама от себя прятала сигареты на верхнюю полку кухонного шкафа. Чтобы нельзя было достать, не взгромоздившись на стул.

– Мария Афанасьевна, не надо!

– Пожалуйста, достань.

– Хорошо, как скажете!

Я достала ей пачку сигарет и зажигалку. Руки у нее дрожали.

– Знаешь... Со мной было точно то же самое. Когда Аркадий умер... на поминки явилась баба, с которой он... путался. Я, правда, про это знала... Мне было так тошно... Но я понимаю, тебе было куда хуже... Ты ничего не знала?

– Абсолютно. Я как будто второй раз его потеряла. И уже окончательно.

– Ты прости меня! Я ведь не думала... Теперь я понимаю, почему ты квартиру бросила. Ты где живешь-то?

– У мамы.

– Работать пошла?

– Конечно.

– Это хорошо. Надо же... а я думала, Андрейка тебя без ума любит. Послушай, а может, эта девка просто все врет?

– А зачем? Особенно когда он умер?

– Да кто ж поймет? Противно это все, грязно. Прости ты меня, дуру, ради всего святого!

– Да что вы, Мария Афанасьевна... Я же понимаю.

– Я только прошу, ты могилку-то не оставляй! Все-таки муж...

– Это я вам обещаю.

– Ладно, ты иди, детка. Мне надо одной побыть.

– Знаете, я вам лучше оставлю сигареты. А то еще, не дай Бог, полезете сами, голова закружится...

– Правильно, Ладочка. – Она улыбнулась такой жалкой улыбкой, что у меня сердце сжалось. – Но ты ступай. И позванивай когда-никогда. Хорошо?

– И вы, Мария Афанасьевна, если помощь какая понадобится, звоните.

И с этим я ушла. Что ж, нарушен очередной стереотип. Я готовилась к скандалу и истерике, а вышло вот так.

И я поехала домой.

Мамы дома не было. Я первым делом решила примерить китайскую обновку. Это было волшебно красиво. И необыкновенно приятно на коже. Я долго вертелась перед зеркалом, мечтая, как покажусь в таком виде

своему генералу. За этим занятием меня застала мама.

– Боже, Ладощка, какая красота! Что это? Вечернее платье?

– Нет! Это халат, мамочка!

– С ума сойти! Откуда?

– Из Шанхая!

– Кто-то привез?

– Да. Егор.

Мама фыркнула.

– Ты чего, мамуля?

– Бедняга! Он небось для себя покупал, а вышло – для генерала...

– Покупать для себя у него не было ни малейших оснований.

– Мечтать-то не вредно! Ну, когда уже твой герой приедет?

– Числа восьмого или девятого. На седьмое я записалась к Эльке. Хочу новую стрижку сделать.

Мама пристально на меня посмотрела.

– Знаешь, я, кажется, уже люблю твоего генерала! Да-да, не удивляйся. Он вернул мне мою дочь, красивую и веселую. «Катерина, Катерина, принеси мне самовар, при звездах большого чина я совсем еще не стар!» – процитировала со смехом мама. У нас в семье обожали Козьму Пруткова.

...Седьмого я поехала к Эльке в салон.

– Привет! Ты, я погляжу, веселая вдова-то?

– Элька, я больше не вдова, я теперь невеста!

– Да ты что! Круто! И кто жених?

Я молча протянула ей айфон.

– Ух ты, красивый мужик! Просто супер. Полтинник есть?

– Нет!

– Но близко к тому! И кто он у нас?

– Генерал-майор авиации. Герой России!

– Офигеть! Где таких берут?

– В данном случае у тебя в салоне.

Она вытаращила глаза.

– Что это значит?

– Помнишь, в прошлом месяце я привозила к тебе такую высокую девушку...

– Лизу?

– Лиду!

– И чего?

– А Лидин папа был в таком восторге, что привез мне на работу букет роз.

- Это вот он и есть, Герой России?
- Да!
- И у вас любовь? С первого взгляда?
- Да!
- Это что, так бывает?
- Как видишь!
- Офигеть! И почему бы этому папе не прийти с букетом ко мне в салон? Это ж я его дочку-мымру человеком сделала. Слушай, а она в курсе, что ты с ее папой...
- Конечно!
- А мама там есть?
- Только его мама. И он нас уже познакомил.
- И как мама отнеслась?
- Обрадовалась.
- То есть, Ладка, все супер?
- Ага!
- Значит, и прическа должна быть супер!
- Уж конечно!
- Слушай, а что это за рыба у него?
- Якутский карась!
- Да ладно?
- Ну, он так пишет.
- Он в Якутии, что ли?
- Ага! Должен прилететь не сегодня-завтра.
- А с твоей мамой он знаком?
- Пока нет.
- Слушай, а давай самый чуток осветлим и сделаем такую пушистую головку. Тебе должно пойти и освежить. Весна все-таки!
- Элька, ты же знаешь, я тебе доверяю. А какие тенденции в макияже?
- Чуть по-другому надо тени накладывать, я покажу. Ничего радикального!
- Когда она закончила, я пришла в восторг.
- Элька, ты кудесница!
- Она пристально смотрела на меня в зеркало.
- Пожалуй, помаду надо чуть-чуть поярче. Сейчас попробуем! Да! То, что надо! Твой генерал опупеет!
- Это и входило в нашу задачу – чтобы опупел!
- Вот что, Ладка, за то, что я сделала такими красотками его баб, пусть он мне найдет если не генерала, то хоть полковника!

- Настоящего?
- А то!
- Я ему скажу, не сомневайся.
- Ты сейчас куда?
- Хочу купить платье.
- Свадебное?
- Еще не хватало! Просто красивое платье.
- Знаешь, с этим цветом волос тебе должен пойти лиловый или сливовый.
- Думаешь?
- Думаю. Попробуй.
- Да? Я как-то никогда лилового не носила.
- Попытка не пытка.

Платье я не купила, просто не нашла ничего подходящего. Ну и ладно, мне и так есть что надеть, не голая. Но от бесплодных поисков жутко устала и поймала такси...

– Ладка, куда ты пропала? Ой, какая головка! – восхитилась мама. – Прелесть, как тебе идет! Послушай, детка моя, у вас что, с Ксюхой что-то произошло? Почему ты от меня скрыла?

– Не хотела тебя огорчать, только и всего. А что она тебе сказала?

– Сначала ничего, просто когда я только заикнулась о том, что ты, похоже, выходишь замуж, она вдруг начала кричать, что ей это совершенно неинтересно, что она тебя знать не хочет. Я так удивилась! Вы же всегда были такие дружные... Но она мне ничего не объяснила.

– Мама, это такая чепуха! Пашка попросил меня... – Я рассказала маме все.

– Но это и в самом деле странно. У меня было ощущение, что она... просто нездорова. Может, у нее климакс так проходит? Я говорила с ней, мне показалось, что тон у нее несколько аффектированный, ну, думаю, может, с Сергеем поссорилась, и, чтобы ее отвлечь, сказала про тебя, а она...

– Мама, я боюсь за нее. Я смотрела в Интернете... Этот Велемир Вайцеховский вроде бы добропорядочный гражданин, но я не понимаю, почему надо во что бы то ни стало женить Пашку на его дочери...

Уже произнося эту фразу, я вдруг ясно поняла, в чем тут дело.

– Ой, мама, я, кажется, догадалась...

– Что? О чем ты догадалась?

– Все просто, мамочка! Ксюха элементарно влюбилась в этого

Велемира!

– И решила таким образом с ним породниться?

– Во всяком случае быть к нему максимально близко, а тут я вмешалась... К тому же Сергей вроде бы завел кого-то, и все это на фоне климакса или, по крайней мере, менопаузы...

– А этот Велемир, он женат?

– Нет, он вдовец.

Мама глубоко задумалась.

– Возможно, ты и права, но что же нам-то делать? Как ей помочь?

– Честно говоря, я не знаю.

– Но ты же умеешь помогать людям с психологическими проблемами.

– Тоже не всегда получается. Это удастся в тех случаях, когда пациент верит мне. А Ксюха меня, похоже, просто возненавидела.

– Боже мой, Ладошка, что ты такое говоришь!

– Кстати, мама, помочь ей сможешь ты.

– Каким образом?

– Ты к этой истории с Пашкиной женитьбой отношения не имеешь, Ксюха тебя обожает, ей явно сейчас хреново, она чувствует себя одинокой и непонятой, а ты могла бы попытаться вызвать ее на откровенность. Посочувствовать ей, пожалеть... Может, с профессиональной точки зрения это не очень правильно, но с общечеловеческой вполне может сработать. Кстати, дам тебе один совет, чтобы подобраться к ней, попробуй наехать на меня. Не сообщать радостно, что Ладошка выходит замуж за красавца генерала, а поделиться со старшей дочерью своими опасениями по поводу неосмотрительности младшей...

– Ладошка, ты с ума сошла!

– Я-то нет, а вот Ксюха... И потом, это будет как бы интродукция, повод для душевной беседы. Она сейчас зациклена на себе и своих горестях, и твои волнения по моему поводу могут показаться ей недостойными ее великой печали. Ксюха вообще склонна жалеть себя, а тут... Короче, я разрешаю тебе ругать меня вместе с ней как угодно! Лишь бы привести ее в чувство!

– Ну, мне это не слишком нравится, но, похоже, это и впрямь выход. Но я должна собраться с духом.

Восьмого марта, когда мы с мамой завтракали, раздался звонок домофона.

– А это не твой генерал?

– Без звонка? Вряд ли!

Я крикнула в трубку домофона:

– Кто?

– Мне нужна госпожа Гудилина, Лада Владимировна!

– Это я! А вы кто?

– Мне приказано доставить вам подарки!

Я нажала на кнопку. Приказано? Значит, это от генерала! Я даже подпрыгнула от радости. И выбежала на площадку. Подъехал лифт. Оттуда вышел молодой человек в военной форме. Он держал в руках какие-то пакеты и длинную коробку.

– Вы Лада Владимировна?

– Да. А вы от генерала Столетова?

– Так точно!

– А генерал когда возвращается?

– Не могу знать!

– Ладно! Спасибо вам большое!

– Разрешите идти?

– Разрешаю!

Я забрала у него подарки и помчалась в квартиру.

– Ладно, кто это был?

– Мама! Этой мой генерал прислал подарки к Восьмому марта!
Иди скорее, будем потрошить!

Мама тут же примчалась.

– Ой! Что это? Ну, в коробке, скорее всего, цветы. Открывай!

В коробке действительно лежали изумительные светло-красные розы.
Крупные, свежие.

– Ох, красота! – воскликнула мама. – А в пакетах что?

– Даже не глядя скажу! – заявила я.

– Ну?

– В одном конфеты, а в другом шампанское!

– Нормальный набор, – засмеялась мама. – Но с одним пакетом ты ошиблась. Тут не шампанское, а «Бейлис»! А тут и впрямь конфеты. Ты ему говорила, что я обожаю «Бейлис»?

– Да вроде нет... А может, и говорила. Мам, давай по рюмашке «Бейлиса» за здоровье моего генерала!

– А лед у нас есть?

– Вроде был.

– Ты прежде всего напишешь своему генералу, что подарки получила и мы обе пьем «Бейлис» за его здоровье! Немедленно!

Я так и сделала.

Однако мое сообщение зависло.

– Не проходит, – сказала я маме.

– Наверное, он в самолете. Но как бы там ни было, а это очень мило с его стороны.

– Ага! Мам, а принес молоденький парнишка в военной форме, краснел, бледнел, говорил все эти «так точно!», «не могу знать!». Так забавно!

– Наверное, адъютант его превосходительства. У него есть адъютант?

– Понятия не имею.

– Ну, должен быть... У меня была ученица, дочь генерала, и там точно был адъютант.

– Значит, говоришь, его превосходительство? Ну надо же! Кто бы мог подумать, – счастливо засмеялась я.

Опять зазвонил домофон.

– Кто?

– Лада Владимировна, извините, я забыл отдать вам конверт!

– Поднимайтесь! Там еще какой-то конверт!

Я почему-то встревожилась.

Выскочила на площадку. Молодой человек, весь пунцовый от смущения, сунул мне в руки конверт и отдал честь.

– Ладошка, что там?

Я открыла конверт, там лежала бумага, отпечатанная на компьютере.

– «Госпожа Гудилина! Вас просят десятого марта сего года прибыть к десяти тридцати по адресу... Форма одежды парадная! Генерал-майор Столетов».

– И что ж это значит, мама?

– Дитя компьютеров, проверь, что находится по этому адресу, хотя я, кажется, и так знаю.

– И что?

– Элементарно! ЗАГС!

– погоди, я проверю! Черт, и вправду ЗАГС! Дикая идея!

– Да почему? Очень красиво и романтично. Скорее всего, он прилетит ночью или рано утром, как раз успеет к этому часу. Он же занятой человек. Подадите заявление, и он помчится на свою службу.

– Но почему форма одежды парадная? Зачем подавать заявление в парадной форме?

– А в самом деле? Нет, Ладка, тут что-то другое!

– Что?

– Я полагаю, что вас прямо там сразу и распишут.

- Ой!
- Что? Испугалась?
- Нет! Просто мне в голову не пришло! А вообще очень похоже на него... Отдал приказ, добавил для непонятливых «это не обсуждается», и все!
- Чему ты радуешься, чудачка? – смеялась мама.
- Мам, а ты считаешь, он сперва должен был просить моей руки у тебя?
- Что за чепуха! Вы более чем взрослые люди. Знаешь, я думаю, он боится...
- Что ты его не одобришь и станешь меня отговаривать?
- Может быть.
- Мам, а давай ты десятого пойдешь со мной.
- Господи помилуй! Зачем?
- Ну... Как без мамы в такой день...
- Нет! Это абсурд! Вот после ЗАГСа, пожалуй, вам надо бы приехать сюда. Ой, я же не смогу, у меня занятия. Тогда вечером.
- Ох, мама, я подозреваю, что предстоит какое-нибудь свадебное путешествие...
- А тебя и спросить не надо?
- Не надо! Мне все равно куда, лишь бы с ним, мамочка!
- Так влюбилась?
- Нет. Так полюбила. И знаешь, мне его иной раз даже жалко бывает... Он ужасающе одинокий человек. Не доверяет женщинам. Боится быть откровенным. Он очень ранимый, настрадавшийся в жизни. Невероятно честный...
- Ладка! Ты тут нарисовала портрет просто идеального героя. Так не бывает. А недостатки у него есть?
- Боюсь, что он очень ревнивый.
- Это тяжело!
- Понимаю. И все равно...
- Так! Значит, послезавтра ты выходишь замуж?
- Да, если мы правильно поняли замысел генерала, – рассмеялась я.
- А вот что ты по такому случаю наденешь?
- Я знаю!
- И что же?
- Красный костюм!
- Очень провокативная идея! Но он тебе идет. Это чтобы наповал?
- Конечно!

– Господи, Ладوشка, конечно, это, как говорил папа, «со всей дури», но я счастлива видеть тебя такой...

Восьмого и девятого я пыталась связаться с Иваном, но он был вне доступа. Из Интернета я знала, что погода на пути его следования весьма неблагоприятная. И лишь в половине двенадцатого девятого числа пришло сообщение. Всего одно слово: «Буду!»

– Мам, смотри!

– Немного словно. Но выразительно!

Ночь я спала плохо. Но утром выглядела так, как надо. И красный костюм смотрелся просто сногшибательно! Узкая юбка-карандаш с очень пикантным разрезом и изящный короткий жакетик.

– Хорошо! – одобрила мама. – А на ноги что?

– Красные туфли.

– Но там же высоченные каблуки, а погода...

– А погода, кстати, хорошая! И на улице чисто. Мам, закажи такси!

– Да уж заказала. Надень какие-нибудь украшения.

– А это будет не слишком?

– Нитка жемчуга и маленькие сережки. Вот, теперь вид законченный.

А знаешь что? Я все-таки поеду с тобой. Из машины вылезать не буду. Просто гляну, какой у меня будет зять. И поеду себе на занятия.

– Мамулечка, ты у меня самая лучшая мамулька в мире!

– Просто иначе я умру от любопытства.

Сверху я надела жакет из светло-бежевого каракуля, купленный два года назад в Греции.

– Ладка, такой женщине не то что генерал-майор, ей маршал нужен!

– Ни фиги! Мне нужен именно генерал-майор Иван Тимофеевич Столетов! Хотя нет, вру! Мне нужен просто Иван Тимофеевич Столетов. Да будь он хоть просто майор...

– Вот это меня по-настоящему радует, Ладوشка! Да, а ты сегодня не пойдешь на работу?

– Какая работа, мама! Я заранее взяла неделю за свой счет.

– Ох, и шустрая ты! – покачала головой мама.

Когда мы уже подъезжали к ЗАГСу, у меня сердце выскакивало из груди.

– Интересно, он будет в форме? – шепнула мама.

И тут я увидела его. Он стоял у входа в ЗАГС с небольшим букетом, завернутым в бумагу. В штатском. Но выглядел безупречно элегантно.

– Это он?
– Он! – выдохнула я.
– Дай тебе Бог счастья!
Я открыла дверцу, и тут он заметил меня. Бросился ко мне.
– Приехала! Любимая моя! Ты не обиделась на меня?
– Ванечка, я так скучала...
– Господи, ты такая красивая... В тебе что-то изменилось... Ты покрасилась? Тебе страшно идет... Пошли, нам на одиннадцать назначено. Ой, как ты на таких каблуках? Держись за меня.
– Ваня, нас что, прямо сейчас и распишут, да?
– Да! А ты против?
– Я за!
– Но как ты догадалась?
– Форма одежды парадная.
– Ох, черт, какой костюм! Ты просто кинозвезда! Я тебя такой еще не видел. Аж глазам больно! Садись, я сейчас сообщу тебе программу на ближайшие четыре дня.
– Внимательно слушаю!
– Сейчас мы расписываемся и едем на вокзал.
– Так!
– Три с половиной часа, и мы в Питере!
– А там что?
– Там? Все, что ты захочешь! Но главное, мы там будем просто вдвоем.
А по возвращении мы переезжаем.
– Куда?
– Я пока снял отличную квартиру. На год. А за год мы разберемся с жильем. План принимается?
– В общем и целом да! Но есть одна частность.
– Какая частность? – нахмурился он.
– Мне нужно собрать кое-какие вещи с собой. И тебе тоже.
– Мои вещи в машине. Да, я маху дал... Слушай, мы там все купим!
– Нет, товарищ генерал, я так не согласна!
– Сколько времени тебе нужно на сборы?
– Двадцать минут.
– А если попросить маму?
– Мама на работе.
– Ладно, заедем. Слушай, девчуха, а мама... она не обиделась, а?
– Нет! Она сказала, зачем просить у меня твоей руки, если ты сама уже все ему отдала.

Он просиял.

– Кажется, я уже люблю свою тещу.

– Самое смешное, что когда ты прислал свою фотку с рыбой, мама сказала: «кажется, я уже люблю своего зятя».

– Знаешь, я...

Но тут нас позвали. И через десять минут мы уже были мужем и женой.

– Пошли скорее, – поторопил он меня, – надо же собрать вещи...

Мы сели в машину и поехали. Даже не поцеловались, так он спешил. К счастью, добрались быстро, без пробок.

– Иди одна, – сказал он смущенно, – а то я за себя не ручаюсь и мы никуда не уедем.

– Знаешь, генерал, я так хочу уже приехать в Питер и добраться до гостиницы...

– Я заказал номер в «Астории».

– Круто, генерал!

Он вдруг схватил мою руку и прижал к своей щеке.

– Я понял.

– Что ты понял?

– Зачем ты хочешь поскорее попасть в гостиницу. И оценил. Но три с половиной часа в поезде... Мы хотя бы сможем нормально поговорить.

– Ну да, – засмеялась я, – мы с тобой поженились со всей дури, надо ж хоть что-то узнать друг о друге. Вань, отпусти мою руку и держи руль, я хочу добраться до вокзала живой!

– Какой же красивый этот «Сапсан», правда, Ванечка?

– Правда. Знаешь, когда-то Туполев говорил, что некрасивые самолеты не летают. Пошли скорее, у нас не так много времени. Хорошо, что ты переобулась. Я вообще не понимаю, как вы ходите на таких каблуках, но это красиво... А ты взяла с собой красный костюм?

– Конечно!

Мы вошли в вагон первого класса.

Он снял с меня жакет, с себя теплый плащ и аккуратно повесил на вешалку. Пригладил волосы.

– Ой, Ваня, я только сейчас сообразила, что первый раз вижу тебя в галстук!

– Так хотелось бы надеяться, что и в последний! Но увы...

Он сел, обнял меня за плечи и шепнул:

– Все! Моя!

– И это не обсуждается?

– Никак нет! Любимая, сними с меня эту удавку, пожалуйста!

– Развязать?

– Да. Я умею завязывать.

Я сняла с него галстук.

– Сунь его мне в карман.

– Ой, а что это тут у тебя?

– Боже, я от счастья совсем забыл! Девчуха, это тебе подарок... на Восьмое марта... ну и свадебный, как оказалось...

Я чуть помедлила. Конечно же, это кольцо. Стереотип, мелькнуло у меня в голове. Но когда я открыла футляр, то обалдела. Это было невероятно изящное колечко из белого золота, а с него на двух тонюсеньких цепочках свисал сверкающий камушек. Бриллиант.

– Боже, как красиво! И как необычно!

– Ты примерь, впору ли.

Кольцо было впору. Я поцеловала его в щеку.

– Правда нравится?

– Ты сам выбирал?

– Если честно, то нет. Мне консультант в магазине посоветовала. Такая пожилая якутка. Знаешь, она спросила, есть ли у меня твоя фотография. Я показал, а она кивнула и принесла вот это... Оно не слишком скромное, нет?

– Оно изумительное! Только его надо носить без перчаток.

– Почему?

– Легко можно потерять камушек. Но сейчас я его ни за что не сниму.

Напротив нас сели две женщины за сорок. И я заметила, с каким восхищением они посмотрели на моего мужа. Кажется, ревновать придется мне.

– Ты сегодня что-нибудь ела?

– Нет. Не смогла... Я так нервничала...

– И я! Но нас тут покормят.

– Вань, а Надежда Мартыновна в курсе, что ты уже женился?

– Да.

– И как она к этому факту отнеслась?

– Не поняла. Как это так – без свадьбы, без платья, без пьянки в ресторане...

– Считает это моей блажью?

– Наверное.

В сумке у меня запищал телефон. Эсэмэс. От мамы. Я открыла.

«Счастья тебе, моя девочка! Твой генерал – супер! Я тебя понимаю!»

– От кого это?

– От мамы! Желает счастья. И пишет, она меня понимает и мой генерал – супер!

Он непонимающе на меня уставился.

– Ну что ты так смотришь? Мама приехала со мной на такси, хотела на тебя взглянуть и сразу поехала на работу.

Нас и в самом деле покормили очень даже неплохо, и более того, дали коньяку и мы наконец обмыли нашу женитьбу. Шампанское в ЗАГСе мы пить не стали, слишком спешили.

После обеда Иван взял мою руку, поцеловал и спросил:

– Скажи мне, это все... правда?

– Правда.

– Невероятно! Никогда даже не думал, что со мной такое может быть.

– Ваня, ты мне тоже скажи... У тебя до встречи со мной была какая-то постоянная женщина?

– Нет! Я не заводил постоянных связей. Боялся как огня!

– Почему?

– Понимаешь... Когда жена меня с Лидкой бросила... Это был настоящий шок. Предательство. А в моих представлениях нет хуже вины, чем предательство.

– Понимаю. Тебе казалось, что уж если жена предала...

– Именно! Ну, правда, года через три мама сватала мне одну... Красивая была и вроде бы неплохая. Но Лидка ей не нравилась, да и глупая она была. Я встречался с ней год или полтора, а потом меня перевели в другой округ и я сказал ей, чтобы не рассчитывала. И решил – хватит с меня. Буду встречаться так... по мере необходимости.

– Перешел на подножный корм?

– Именно! Ты умница. Так и жил, пока тебя не встретил.

– А почему ты решил прийти ко мне с цветами, мог бы послать своего адъютанта.

– У меня нет адъютанта, это раз, – засмеялся он. – И потом, меня поразила одна вещь... То, что ты после рабочего дня сама отвезла Лидку в магазин и в салон красоты, а не просто дала ей адрес и рекомендацию. И мне захотелось взглянуть на эту женщину. Я ничего такого не думал. Представил себе добрую уютную тетушку. А тут вдруг... Ну я умом и тронулся. Все время видел перед собой твое лицо. Но когда потом ты согласилась сесть ко мне в машину и поехать ужинать... У меня крышу

напрочь снесло. Я вдруг понял – вот она, та, которая мне нужна, без которой жизнь будет пустая, никчемная. А уж совсем голову потерял, когда ты сказала, что даже двести грамм не помешают мне доставить тебя домой в целости и сохранности.

– И тебя не смутило, что я вот так, со всей дури, с тобой сошлась?

Он засмеялся.

– Я разве что-то смешное спросила?

– Очень! Очень смешное! Я все-таки опытный мужик и в людях разбираюсь. Я прекрасно понял, что сошлась ты со всей дури именно со мной! И был абсолютно счастлив. Вот как-то так...

– Вань, а скажи... Нам не грозит, что в один прекрасный день явится какая-нибудь бабенка и скажет: здравствуйте, у меня вот от вас, товарищ генерал, сыночек растет или дочка...

– Не думаю. С моим одним товарищем такое было, давно, тогда еще эти экспертизы так легко не делались. Ему пришлось признать пацана... А потом эта баба начала бззить, заявила, что это не его сын, сделали-таки экспертизу, и выяснилось, что сын и вправду не его. А он уже успел к пацану привязаться. Так вот, когда она только к нему первый раз заявила, я решил: всем женщинам, с которыми буду спать, говорить, что я бесплодный после ранения.

– И бедные доверчивые женщины расслаблялись...

– Но я-то не расслаблялся...

– Да, товарищ генерал, нелегкая половая жизнь у вас была, ох нелегкая!

– Это правда, – засмеялся он.

– Вань, а у тебя друзья есть?

– Есть. С одним познакомлю тебя, когда вернемся. Миша Устюжанин, мы с ним вместе служим. Хороший мужик, обожает свою жену, с которой живет уже двадцать пять лет, и вообще женщин обожает, но не бабник. Как-то у него все это нежно получается. Ненавидит похабные мужские разговоры...

– А ты?

– Что я?

– А ты ведешь такие похабные мужские разговоры?

Он слегка озадаченно взглянул на меня.

– Бывает! А куда денешься?

– Я обожаю тебя, мон женераль!

– Но это не единственный мой недостаток.

– Я вся внимание!

– Я ни хрена не смыслю в литературе и искусстве. В театре дохну с тоски. Иногда, не часто, могу напиться вдребодан. Ну, если с горя...

– Вань, пока это все не страшно. А вот скажи, почему ты решил повезти меня именно в Питер, а, скажем, не в Сочи?

– А ты хотела бы в Сочи?

– С тобой хоть в Тмутаракань! Но ты все же мне ответь!

– Ну так красивый же город, просто охренительно красивый!

– А говоришь, ни хрена в искусстве не смыслишь! Красота Питера – это искусство, Ванечка!

– Да? Я как-то не подумал...

– погоди, вот пообщаешься с моей мамой, еще оперу полюбишь.

– Ну, это вряд ли.

– А спорим? Ты хоть раз был в опере?

– Ага. Когда в академии учился. В Большом!

– И что?

– Чуть не сдох.

– А что за опера была?

– Ой, я не помню, но там мужик такой толстый на какой-то штуке в виде лебедя выезжал...

– А, «Лоэнгрин»!

– Я там вообще ничего не понял. Вроде они по-русски пели, а слов не разобрать...

– Суду все ясно!

– И каков будет приговор?

– Пока рано. Предстоит еще дознание и, главное, следственный эксперимент.

– Ты о чем?

– Ты поговоришь с мамой, и она тебя обратит в свою веру. Сто пудов!

– И две женщины будут так измываться над российским генералом? – засмеялся он.

– Да, генерал, ты еще не знаешь, во что ты влип со всей дури!

– Ох, грехи наши тяжкие! Извини, я сейчас!

Он встал и направился в туалет. Боже, до чего он хорош! Высокий, стройный, костюм сидит на нем идеально. Но, главное, он... уже родной.

– Какой у вас красивый муж! – заметила одна из сидевших напротив женщин.

– Спасибо!

– Вы, похоже, только поженились?

– Да, сегодня утром.

– Тогда счастья вам! – улыбнулась она.

– Спасибо!

– И всего доброго, мы сейчас выходим.

– А что сейчас?

– Бологое!

– Всех вам благ!

Они ушли.

– А где дамы? – спросил вернувшийся муж.

– Сходят в Бологом. Они, между прочим, сказали, что у меня удивительно красивый муж. И пожелали нам счастья!

– Очень мило с их стороны, – улыбнулся он. – Ладка, я так счастлив, просто как идиот! Мою руки, смотрю на себя в зеркало, а там – идиот! Улыбка до ушей!

– Дай-ка я профессиональным взглядом на тебя посмотрю! Да, некоторые признаки идиотизма есть, но если б ты знал, как я люблю этого идиота! И с каждой минутой все больше!

– И тебя не смущает, что я не люблю оперу?

– Меня не смущает даже то, что ты терпеть не можешь балет!

– А про балет я вроде не говорил... Но это вообще тихий ужас!

– А спорим, я сейчас сумею тебя переубедить?

– Сейчас? Ты тут плясать вздумала?

– О нет! Попробую сейчас найти... – я достала из сумки айпэд, пошукала на Ютубе. – Нашла! Вот, глянь!

Это было мое любимое – вариации Китри из «Дон Кихота» в исполнении молодой Майи Плисецкой. Это зрелище не могло оставить равнодушным ни одного нормального мужчину, да и женщину тоже. Съемка была еще черно-белой.

Я поставила айпэд перед ним. А сама смотрела не на экран, а на генерала. Сперва лицо его было хмурым – зачем, мол, мне смотреть это старье. Потом во взгляде появилось изумление, и он уже не отрывался от экрана.

– Обалдеть! – только и смог выговорить он. – Это кто вообще?

– Майя Плисецкая, слышал про такую?

– Слышал, конечно. Невероятно! Секс-бомба... посильнее той, с «Энолы Гей»!

– Кто такая Энола Гей?

– Мать американского пилота, который сбросил атомную бомбу на Хиросиму. Он назвал свой самолет в ее честь.

– Это называется – обмен информацией! Так что сам видишь, какой

бывает балет!

– Не балет, а балерина! И женщина! Я думаю, это штучный товар – Майя Плисецкая!

– Это точно! Знаешь, у мамы есть подружка, в прошлом балерина Большого театра, из кордебалета, вот она рассказывала, что когда Плисецкая танцевала Китри, в кулисах просто стон стоял...

– Мужики?

– Да!

Он закрыл айпэд, взял мои руки, поцеловал одну, вторую, посмотрел мне в глаза.

– Знаешь, ты не просто удивительная, любимая, единственная женщина, ты еще явно высокий профессионал!

– Здравсьте! Приехали! А при чем тут...

– Ты видишь человека насквозь, понимаешь, чем его зацепить... И не разводишь канитель с объяснениями, а сразу бьешь промеж глаз!

– Опа!

– Да, и с Лидкой ты именно так действовала – сразу промеж глаз! И какой результат! Мама говорит, у нее уже завелся кто-то... И со мной тоже... промеж глаз! Я вот гляжу на тебя и сам себе не верю: неужели эта женщина – моя? И не просто моя, а моя жена! И при этом я твердо знаю, что тебе в общем-то наплевать – генерал-майор я или просто майор...

– Именно это я вчера сказала маме. Вань, а за что ты получил «Героя Россия»?

– Да ну...

– Ванечка, пожалуйста...

– Да в сущности за авантюру. Надо было выручить одну нашу группу в горах Таджикистана. Погода была нелетная. Отдать приказ о вылете я не имел права, ну сам и полетел. Чудом не грохнулся. Но справился... В этой группе был один ну очень важный человек... не по должности, просто было чрезвычайно важно доставить его живым в Россию. Ну и вот...

– Ванечка, а где тебя ранило? Обещаю, это последний вопрос о твоей военной деятельности!

– Хорошо. Первый раз в Афгане. Я еще совсем сопляк был. Попал в заваруху, еле посадил машину. А второй раз в первую чеченскую. Все, закрыли тему. Это больше не обсуждается. А вот ты мне скажи... Ты сколько лет с мужем прожила?

– Восемь.

– Ты его любила?

– Любила, как мне казалось. Только теперь понимаю, это была... как бы объяснить... Знаешь, у Пушкина есть такие строки: «Как беззаконная комета в кругу расчисленном светил». Это было расчисленное светило... А с тобой беззаконная комета, понимаешь?

– Понимаю, – очень серьезно кивнул он. – Ты тоже как комета ворвалась в мою жизнь... А красивые стихи...

– Ванечка, ты и балет полюбишь, и оперу, и стихи.

– Девчуха моя, я совсем еще мало знаю тебя, но понимаю, какой бедной жизнью я жил. Чудовищно бедной! Не знаю, смогу ли я соответствовать...

– Ванечка, родной, не надо соответствовать! Ты удивительный! Чуткий, тонкий, добрый... Я о таком и не мечтала никогда...

– И тебе не запахло быть с таким... солдафоном?

– Не-а, не запахло! Тем более, что ты вовсе не солдафон!

И все в таком роде. Идиллия!

Часть пятая

Чудо в перьях

Я проснулась с ощущением какого-то невероятного счастья. Рядом спал мой муж, мой любимый! Окна роскошного номера выходили на Исаакиевский собор, и, как ни странно, день обещал быть солнечным. В марте в Питере! Я тихонечко встала и побежала в душ. И тут вспомнила о волшебном китайском халате. Иван его еще не видел. Сказано – сделано! И вдруг я ощутила просто зверский голод! Надо скорее идти завтракать, а если Иван увидит меня в этом халате, мы еще не скоро будем завтракать. Ладно, халат я еще успею ему продемонстрировать. Я быстренько оделась, привела себя в порядок.

– Товарищ генерал, подъем!

– А? Что?

– Вставай, муж, а то жена сейчас сдохнет с голоду!

– А давай в номер все закажем!

– Нет! Там солнце, Ваня! Питер в солнечный день! Это сказка! Вставай, лежебока!

– Нет, иди ко мне!

– Даже не подумаю! Вставай!

– Ты изуверка! Тиранша!

– Да, я такая! Я хочу есть и гулять!

– Ох, грехи наши тяжкие!

– Единственная поблажка, которую я могу тебе сделать, – разрешаю не бриться.

Он посмотрел на меня с искренним изумлением.

– Нет, моя дорогая! Я всегда бреюсь, иначе чувствую себя неопрятным. Это не обсуждается!

– И в отпуске?

– Всегда!

– Поняла! И мне это нравится.

А ведь мне все в нем нравится. Но так ведь не бывает. Должны быть какие-то недостатки. Но какими они будут?

Через десять минут он был готов. Я никогда еще не видела его в джинсах. Тонкий шерстяной пуловер светло-синего цвета так красиво облегал его фигуру. Я в который раз залюбовалась им.

Мы спустились в ресторан.

Все было роскошно и очень вкусно.

– Как хорошо, что я бросил курить, – вдруг заявил он.

– Ты курил?

– Еще как! Но пять лет назад бросил. А теперь рад! Раньше сидел бы здесь и мучился, что за кофе без сигареты...

Мне пришла эсэмэска. От Пашки.

«Поздравляю с законным браком! Но это нечестно! Настоящие индейцы так не поступают!»

– Что там?

– Пашка поздравляет!

– Можно взглянуть?

– Конечно!

– Что-то я не понял насчет индейцев?

– Это из одной старой песенки. У нас с Пашкой это что-то вроде пароля или девиза.

– Скажи... я тут не должен ревновать?

– Ревновать? К Пашке? Ты с ума сошел! Это просто бред! – взвилась я.

– Ну все, все. Сморозил глупость. Скажи, а ты с сестрой помирилась?

– Нет. Но мама попробует с ней поговорить.

Евгения Петровна позвонила старшей дочери.

– Ксюня, ты сейчас не занята?

– А в чем дело? – не слишком радостно спросила Ксения Владимировна.

– Надо бы нам повидаться, я тут привезла тебе чудесные гранатовые сережки.

– Спасибо, конечно, но ты же будешь требовать, чтобы я простила Ладку, а я не могу!

– Ну, во-первых, я ничего требовать не собираюсь, но вы же всегда были такими дружными сестрами, это просто абсурд. Твоя любимая младшая сестра вышла замуж, она счастлива, а ты и знать об этом не хочешь!

– Да! Я не желаю об этом знать! Это, наконец, даже неприлично – высказывать замуж меньше чем через полгода...

– Ксюня, побойся Бога! Ты же знаешь все обстоятельства. Могла бы порадоваться за сестру...

– Не хочу я за нее радоваться! У меня у самой в жизни радости не осталось. А я не мать Тереза!

– Позволь, почему это у тебя радости в жизни не осталось? А сын? У тебя чудесный сын! И муж хороший! И мать еще жива и более или менее здорова. Есть хорошая работа, копейки считать тебе не нужно. Что за повод для уныния? Уныние – тяжкий грех, между прочим! – рассердилась Евгения Петровна.

– Ах, мама, ты ничего не понимаешь!

– Боюсь, я понимаю слишком многое. Я никогда не поверю, что ты так озлобилась на весь мир из-за того, что твой сын не женился на зачем-то нужной тебе девчонке. За этим кроется что-то другое...

– Ничего не кроется, это всё выдумки нашего домашнего душеведа. А что касается мужа, то он... он явно смотрит на сторону, сын вообще от рук отбился... Мне впору в петлю лезть, а ты хочешь, чтобы я радовалась за эту...

– Знаешь, я бы еще могла понять, если бы Ладошка у тебя мужика отбила, но так... Больше всего это похоже на истерику климактерички! Сходи к врачу, пусть выпишет тебе успокоительное!

– Мама, как ты можешь!

– Могу! Я дам тебе один совет. Заведи себе молодого любовника, очень помогает в таких случаях.

– Мама! О чем ты говоришь! Я замужняя женщина!

– Значит, почаще спи с мужем!

– Он давно не спит со мной... – еле слышно проговорила Ксения Владимировна. – И слава Богу! Я люблю совсем другого человека.

– А он тебя любит?

– Мне кажется, да, но...

– Ну вот что, детка, приезжай сейчас ко мне, мы поговорим, ты все мне расскажешь, кому и рассказать, если не маме, правда?

– Да? Но ты обещаешь не рассказывать об этом Ладке?

– Обещаю, тем более что ей сейчас ни до кого.

– Нет, мама, я не поеду.

– Ну, хочешь, я к тебе приеду или посидим в каком-нибудь кафе?

– Нет. Я не хочу. Людям всегда интересно раскорябивать чужие болячки. А потом идут разговоры и...

– Чужие? – ахнула Евгения Петровна. – Твои болячки для меня чужие? Ты больна, моя девочка, в твоём возрасте такое бывает, но с этим нужно бороться!

– При чем тут мой возраст? – не своим голосом заорала Ксения Владимировна. – И у меня нет никакого климакса! Мне всего сорок шесть! И вообще, у тебя есть вторая дочь, она молодая, вышла замуж за душку-

военного, вот и радуйся, а меня оставь в покое!

И она швырнула трубку.

Евгения Петровна попыталась перезвонить дочери, но та не брала трубку. И по мобильному тоже не отвечала.

Состояние старшей дочери не на шутку встревожило Евгению Петровну. Она растерялась. И позвонила зятю.

– Сережа, я сейчас говорила с Ксюшей...

– И вам показалось, что ей пора в дурку? – раздраженно бросил в ответ зять. – Так я с вами полностью согласен. Жить в доме стало невыносимо! Хотел сказать – попробуйте на нее повлиять, но понимаю, что именно это вы и пытались сделать.

– Да, но...

– Евгения Петровна, я к вам прекрасно отношусь, с вами у нас никаких недоразумений никогда не было... Можно я через полчаса к вам заеду? Не по телефону же это обсуждать. Простите меня за хамское начало разговора.

– Конечно, приезжай!

Господи, как мне сейчас не хватает Ладоски... Но хоть она там счастлива!

Погода для этого времени года в Питере была просто сказочной. Мы бродили по городу, шли куда глаза глядят. Говорили, молчали, опять говорили...

– Вань, я замерзла! Пошли кофе выпьем, согреемся?

– С радостью!

Мы зашли в первое попавшееся кафе.

– Я хочу айриш!

– А что это такое?

– Ты никогда не пил айриш?

– Может, и пил, но названия не знал... так что это?

– Это кофе с виски и взбитыми сливками.

– Нет, не пробовал. Интересно!

– Я хочу штрудель, а ты?

– Я насчет сладкого не очень. А вот тут есть пирожки с мясом. Я тебя не шокирую, если их возьму?

– Нет. А знаешь, я лучше тоже возьму пирожки! Айриш с пирожками – это должно быть неплохо.

– А официантка не удивится?

– Да пусть удивляется! Знаешь, я была несколько лет назад

в Амстердаме, жутко замерзла и зашла в кафе. Было часов одиннадцать утра. Я заказала айриш, так там такое было удивление!

– А с кем ты была в Амстердаме?

– С мужем.

– А!

Я видела, ему это было неприятно. Чудак!

Айриш ему очень понравился.

– Надо же... Здорово! А давай еще по стаканчику?

– Давай!

Мне так нравилось сидеть с ним тут, никуда не спешить, смотреть на него... Женщина за соседним столиком не сводила с него восхищенных глаз. А я заметила у него на груди крошки от пирожка. Протянула руку, чтобы смахнуть. Он поймал ее и прижал к сердцу.

– Ванечка...

Сними ладонь с моей груди,
Мы провода под током.
Друг к другу вновь, того гляди,
Нас бросит ненароком.^[2]

Он как-то даже испуганно выпустил мою руку.

– Что это? Стихи? Чьи?

– Пастернака.

– Правда? Как хорошо... Это про любовь, про нас?

– Конечно. Это про нас.

– А можно еще? Про нас?

– Извольте, мой генерал.

Мы охвачены тою же самою
Оробелою верностью тайне,
Как раскинувшийся панорамою
Петербург за Невою бескрайней.^[3]

Он смотрел на меня, подперев рукой щеку, слегка затуманенным взглядом. Потом вдруг словно очнулся.

– Слышишь? Капель!

Эти ночи, эти дни и ночи!
Дробь капелей в середине дня.
Кровельных сосуллек худосочье,
Ручейков бессонных болтовня!^[4]

- Это тоже Пастернак?
- Он самый!
- Ты столько стихов знаешь наизусть? Он твой любимый поэт?
- Пожалуй, да.

Когда мы вновь вышли на улицу, он взял меня под руку и еле слышно произнес:

- Как страшно!
- Страшно? Что, Ванечка?
- Мне даже сейчас, когда ты уже моя жена, страшно, что я мог тебя не встретить.

У меня комок подступил к горлу.

- А ты... ты сможешь... еще почитать мне стихи?
- Сейчас?
- Можно и сейчас. Хотя нет, еще горло застудишь, да и вообще... тут прохожие, а я хочу, чтобы это было только для меня.

А вечером мы чуть не поссорились. Я вышла из ванной комнаты в китайском халате на голое тело. Он уже лежал в постели.

- Это что? – спросил он.
- Что? – не поняла я.
- Это что? Платье?
- Нет. Это пеньюар. Красиво, правда?
- Он новый?
- Да, я не понимаю...
- Откуда он?
- Из Китая, а в чем дело?
- Он неприличный! И ты не будешь его носить.
- Вань, ты с ума не сошел? Я ж его только для тебя надела. О каких приличиях речь? По-моему, все, что мы с тобой делаем в постели, достаточно неприлично, но кого это касается?

Он вдруг вскочил, содрал с меня халат и разорвал пополам. Я опешила.

- Я чувствую, что за этим стоит какой-то мужик. Ты это носить не будешь. Не обсуждается!

– Какой мужик! Что за бред? Я купила это... для тебя!

– Врешь! Ты врешь! Я так тебя чувствую, что точно знаю... Все! Он подобрал обрывки халата и вышвырнул в мусорную корзину.

– Инцидент исчерпан! Иди ко мне скорее и не злись! Впредь такие штуки будешь покупать вместе со мной, поняла?

Кто бы мог подумать! Я сделала вид, что сержусь.

– Ну не злись, прости. Ты это в Москве купила? Тогда нет проблем, вернемся и купим новый.

– Не получится!

– Почему?

– Потому что этот халат мне привез из Шанхая Егор!

– Какой еще Егор? Значит, я был прав? Кто такой этот Егор? – вне себя прошипел генерал.

– Егор мой друг, вернее, друг моего покойного мужа, он работает в Китае.

Я решила ничего не скрывать. Одно вранье непременно повлечет за собой другое. Не хочу!

– Ты с ним спала?

– Нет. Никогда.

– Тогда с какой стати он дарит тебе такие вещи?

– Да какие такие?

– Интимные!

– Да не интимные, а просто очень красивые! Имей в виду, Ваня, если ты еще раз распустишь руки...

Он побелел.

– Я тебя и пальцем не тронул!

– Но ты порвал на мне вещь. Ты же мог сказать нормально. Я бы сняла и кому-нибудь передарила, или сшила бы из этого смертельно красивую блузку...

– Да, наверное. Но у меня, понимаешь ли, очень быстрая реакция...

– И невероятная интуиция, надо отдать тебе должное.

– Это правда. Без хорошей интуиции классного летчика быть не может. И хорошо, что ты не стала врать дальше... Ладка, я же люблю тебя как ненормальный, ты мне всю душу наизнанку вывернула. Пойми, я теперь как будто в другом измерении живу, я еще не привык... Слушай, а ты и на этот случай знаешь стихи Пастернака?

– Знаю, мой генерал!

То в избытке счастья

Слезы в три ручья,
То душа во власти
Сна и забытья.^[5]

– Еще!

Но сердца их бьются.
То она, то он
Сияются очнуться
И впадают в сон.
Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.^[6]

– Ух ты! И опять про нас, да?

– Да.

– Скажи, а у тебя есть книжки Пастернака?

– Конечно.

– Ты мне дашь?

– Дам.

– Понимаешь, я не хочу из Интернета. А книжка большая? Мне бы хотелось небольшой томик, чтобы с собой возить... – как-то смущенно проговорил он.

Господи, что за чудо в перьях мне досталось? И как я люблю это чудо в перьях!

– Евгения Петровна! Еще раз простите меня!

– Ладно, Сережа, что не скажешь сгоряча! Ты голоден?

– Нет, спасибо, я обедал на работе. А вот чаю бы выпил.

– Садись, я сейчас заварю.

– Евгения Петровна! Я не знаю, что у нас в доме творится. Ксения как с цепи сорвалась. За несколько месяцев жизнь в доме превратилась в ад, хорошо еще, Пашка живет отдельно.

– Сережа, но Ксюня мне сказала, что у тебя кто-то появился, какая-то женщина. Может, дело в этом?

– Нет, не в этом. Это было уже как следствие. Да и не всерьез...

Мы столько лет прожили на удивление хорошо... И вдруг... У них в издательстве решили напечатать труды какого-то не то профессора, не то просто ученого... некоего Вайцеховского. Я попробовал читать, на мой взгляд, чистая бредятина, но модная. Занимается им Ксюха. Ну и у нее поехала крыша. Может, она даже в него влюбилась. И решила во что бы то ни стало женить Пашку на его дочке. Девчонка, правда, красивая, но неприятная... на мой лично взгляд, эдакий таран... Пашка сперва увлекся, красивая ведь, а расчухал и взбрыкнул. И для подкрепления своей позиции познакомил девчонку с Ладой, а та ее забраквала. Ну, дальше вы все знаете. У Ксюхи явно с этим браком были связаны какие-то планы или мечты, не знаю.

– Ты думаешь, там роман?

– Да нет! Был бы роман, она бы вела себя иначе. Именно что романа-то нет, а, видно, очень хочется.

– А этот гуру, он женат?

– Вдовец.

– Ты его когда-нибудь видел?

– Один раз. Он весь такой якобы просветленный, якобы нездешний!

– Фу! Терпеть таких не могу! – скривилась Евгения Петровна. –

Но что делать-то будем?

– Я, Евгения Петровна, так жить не могу! Пашка зовет к себе. И скорее всего, я в ближайшие дни к нему переберусь. Она же никогда не была злой... А сейчас такая концентрация злобы! И почему-то главный объект – младшая сестра! Скажите, это правда, что Лада замуж вышла?

– Истинная правда!

– И кто он?

– Герой России! Летчик-испытатель в прошлом. Ныне генерал-майор! И абсолютный красавец!

– Вы с такой гордостью это сказали! – улыбнулся Сергей Вадимович. – Вы с ним знакомы?

– Нет еще. Все так скоропалительно...

И Евгения Петровна рассказала зятю, как все случилось.

– Ладошка влюблена по уши! И просто светится от счастья!

– Так, может, это у Ксюхи просто зависть?

– Да нет, они поссорились, когда еще и генерала-то не было.

– Господи, знали бы вы, что она говорила о сестре! Я однажды даже встряхнул ее маленько, чтобы очухалась. Невыносимо было слушать... И родного сына последними словами поносит.

– Скажи, а на работе у нее нет конфликтов?

– Откуда я знаю? Может, и есть. Она замкнулась, ничего не рассказывает. А подружка ее, Майя, ушла в другое издательство. И, кстати, объявлена предательницей.

– Даже так? Сережа, ее необходимо срочно показать психиатру.

– Я тоже думал. Но как это сделать? Она же ни за что не согласится.

– Знаешь, у одной моей ученицы мама психиатр, говорят, хороший, и очень приятная женщина. Я с ней поговорю. Может, она придумает, как им встретиться... Господи помилуй, вот не думала, что придется такое пережить...

– Евгения Петровна, сделайте это, буду вам бесконечно признателен.

– Только ты, Сереженька, пока не съезжай, потерпи немного, а то, боюсь, она может что-то с собой сделать...

– Вы думаете?

– К сожалению, так бывает. Останется одна, ни мужа, ни сына, и даже если задумает, так сказать, показательное выступление, может ведь заиграться. Такое нередко случается.

– Но я же не могу круглосуточно не спускать с нее глаз!

– Разумеется! Но если ты с работы будешь приходить домой... Скажи, а она тебя кормит?

– Да. Все так называемые домашние дела она делает.

– О! Это как раз неплохо. Я очень надеюсь на Марьяну Вячеславовну, психиатра. Может быть, она сможет поместить ее в клинику неврозов. Это не «дурка», как ты выражаешься, и там хорошо лечат. Скажи, а с этой женщиной... у тебя серьезно?

– Нет никакой «этой женщины», а бывают иногда просто женщины. Ну, вы же понимаете... Как говорится, с горя.

– Да, Сережа, это горе, настоящее горе.

– Кто бы спорил...

На другой день мы обедали в ресторане «Гоголь», сидели в небольшом зальчике на три столика. Кроме нас, там никого не было.

– Ваня, я знаю, что заметила...

– Что? – нежно улыбнулся он.

– Если ты видишь, что на меня кто-то смотрит, мужского пола, ты его просто убиваешь взглядом!

– Ну, взглядом – это не наказуемо.

– А я вот боюсь, что при такой идиотской ревности может пострадать обороноспособность России.

– Почему? – фыркнул он.

– Сам подумай! Ты, предположим, находишься на Дальнем Востоке, на крупных учениях, к примеру, а все твои мысли в этот момент заняты тем, что Ладка в Москве спит со всеми подряд... Ты зачем на мне женился, если...

– Нет, все не так! Я не подозреваю тебя. Я просто ненавижу всех мужиков. Они так на тебя смотрят, хотят тебя...

– Ну, хотеть-то невредно. И потом, в таком случае тебе надо было жениться на уродине. И, кстати, на тебя тоже женщины заглядываются. Да еще как! При чем красивых баб у нас прорва, а таких мужиков, как ты, – раз-два, и обчелся. Так что ж мне прикажешь делать? Я вот заметила, ты ревнуешь меня даже к моему мужу. Покойному, между прочим. А сколько у тебя было баб? Имя им легион?

– Так я ж их не любил!

– А я, по-твоему, люблю всех мужиков, которые на меня смотрят?

– Ладка, ты чего завелась?

– Потому что чувствую – у нас будут проблемы!

– Ну, жизни без проблем не бывает.

И в этот момент у него зазвонил телефон. Я испугалась.

– Мама! – сказал он, взглянув на дисплей. – Да, мама! Что? Погоди, говори толком... быть не может! Ты уверена? Бред какой-то! Погоди, мама, не шуми! Я приеду и разберусь! Попробую прямо сегодня, а нет, завтра! Все, мама! Жди!

– Что случилось?

– Какой-то бред!

– Ваня, что?

– Лидка! Сбрендил!

– Говори толком! Прошу тебя!

– Короче, Лидка бросила Анютку и сбежала с каким-то парнем. Дочь своей матери! Черт знает что! Мама в истерике.

– Надо возвращаться, хотя я уверена, это чепуха! Не тот Лида человек...

– Мне казалось, что ее мать...

– Это здесь ни при чем! Но ехать надо!

– Ну вот... Все и кончилось.

– Нет, Ванечка, ничего не кончилось, все еще только начинается. Но... Хорошенького понемножку. Пойдем, соберем вещи и попробуем уехать сегодня же.

Я достала айфон и выяснила, что есть билеты на поезд, отходящий через три с половиной часа.

В предотъездной спешке я плохо соображала, но когда наконец поезд тронулся, я вдруг подумала: если Лида и вправду сбежала, бросив дочку, то мы могли бы взять ее к себе. Надежде Мартыновне трудно будет одной с такой малышкой.

– Вот интересно, Лидка с работы тоже уволилась? – проговорил Иван.

– Не думаю. В наше время терять такую хорошую работу попросту глупо.

– Ну, если она совсем сбрендила... Дочку кинула...

– Вань, я вот подумала, давай возьмем Анютку к себе, а?

– Ты полагаешь, что все так серьезно?

– Не знаю. Мне кажется, это просто загул. Девушка влюбилась, а главное, почувствовала себя любимой. А уж если парень ласковый оказался... Ей этого явно не хватало.

– Чего ей не хватало?

– Ласки. Девочки очень в этом нуждаются. И мальчики, кстати, тоже.

– Да, мальчики тоже...

– Ваня, ты сейчас не о том думаешь.

– Права. Явно не о том...

Мы замолчали. И вдруг я совершенно отчетливо поняла: Надежда Мартыновна во всем обвинит меня. Я для нее первопричина этой беды. Я хотела уже поделиться этим соображением с мужем. Но вовремя прикусила язык. Не надо, чтобы такая мысль закралась ему в голову.

– Знаешь, девчуха моя, пусть мы даже не дожили свой срок в Питере, но я могу с уверенностью сказать – я никогда в жизни не был так счастлив. Никогда.

– Я тоже. Несмотря ни на что. Ванечка, давай поспим, боюсь, нам предстоит тяжелая ночь.

Я положила голову ему на плечо, он меня обнял, и вскоре я уснула.

– Просыпайся, девчуха, Москва!

Мы вышли на перрон. Было промозгло и зябко.

– Я отвезу тебя к маме?

– Нет! Я еду с тобой!

– А стоит?

– Это не обсуждается, мой генерал!

Я ужаснулась, увидев Надежду Мартыновну. Она постарела, осунулась, глаза красные, руки трясутся.

– Ванечка! – кинулась она к сыну. – Ванечка, что ж это такое делается?

Меня она не замечала.

– Мамочка, успокойся! Никуда Лидка не денется, погуляет и вернется. Она же хорошая девочка...

– Не вернется она! Как ее шалава-мать не вернулась...

– Мама, а где Анечка?

– Где ей быть? Спит уже. Не понимает, бедная, что совсем сиротой осталась.

– Мама, она что... позвонила, написала, что-то объяснила?

– Позвонила, потаскуха! Бабуля, говорит, прости, ко мне пришла любовь, я ее так долго ждала... И я уезжаю в Казань.

– В Казань? Он что, из Казани?

– Да откуда я знаю... Но она так сказала. С работы, говорит, увольняюсь и уезжаю с ним в Казань. Люблю-умираю. Когда устроюсь в Казани, Анютку заберу. Заберет она, как же... Еще хуже своей матери, сучка, оказалась. Та хоть ее на отца, молодого парня с нестарой матерью, бросила. А тут на совсем старую бабу! У меня уж сил нет с ней справляться! С Анькой-то... Она ж вертлявая, как не знаю кто, а возраст самый дурной... Нет у меня на нее силенок уже... – Надежда Мартыновна горько разрыдалась.

– Надежда Мартыновна, дорогая, не плачьте так. Я уверена, Лида скоро вернется. А Анечку мы с Ваней пока к себе возьмем. Все будет хо...

Я не успела даже договорить слово. Надежда Мартыновна вскочила и буквально с кулаками бросилась на меня. Ваня успел ее перехватить, но она вне себя кричала:

– Убирайся отсюда! Это ты, ты во всем виновата! (Я как в воду глядела!) Ты нарочно все задумала – сама бесплодная, хочешь одним махом все заграбастать – и сына моего...

– Мама! Прекрати!

– Нет уж, я все скажу! Ты, Ваня, умеешь сучек выбирать! Она специально Лидку нашу, дуру стоеросовую, прихорошила, знала, тварь такая, что девчонка с ума спятит, а она, гадина, отца ее и доченьку к рукам приберет! Не бывать такому! Не видать тебе ни сына моего, ни девчонки, как своих ушей! Пошла отсюда вон! Гадина! Гадина! – Она топала ногами и визжала.

Но тут Ваня вдруг стукнул кулаком по столу.

– Молчать! – тихо скомандовал он.

– Вот! Вот до чего дошло! Сын на мать кулаком стучит!

– Лада, накапай ей валерьянки! На кухне в левом шкафчике найдешь! Я метнулась на кухню. Ничего себе, попала под раздачу.

– Значит, так, мама! Если ты еще раз позволишь себе оскорблять мою жену, мою законную жену, прошу запомнить, ты меня больше не увидишь. Я буду по-прежнему тебя содержать, но...

– Ваня, Ванечка, как ты можешь?

– Могу, мама! Ты меня знаешь, я могу!

Она тихо всхлипывала.

Я поднесла ей валерьянку.

Но при виде меня она опять взвилась. Выхватила у меня из рук рюмку и швырнула на пол.

– Не буду! Ничего из твоих рук не возьму. Ваня, она меня отравить хочет! Ваня, спаси, Бога ради!

– Мама, приди в себя!

– Вызови «скорую»! – шепнула я ему.

– Зачем?

– Они сделают укол, успокоительное!

– Ваня. – Она вдруг бухнулась на колени перед ним. – Ванечка, Бога ради, не отправляй меня в психушку, Ванечка, Христом Богом прошу! Они ж там меня убьют! У этой гадины там небось все схвачено, они меня там насмерть заколют...

– Надежда Мартыновна! – ледяным голосом проговорила я. – Успокойтесь! Я сейчас уйду.

– Ты никуда не уйдешь! – произнес мой муж. – Мама сейчас успокоится...

– Ваня, поверь, я знаю, что говорю. Так вот, я сейчас уйду, вы успокойтесь, и я обещаю вам никогда впредь не переступить порога вашей квартиры.

– Лада! – загремел генерал.

– Ваня, ты останешься с мамой. Она придет в себя, вы разберетесь с вашими семейными проблемами. А завтра... Завтра будет видно!

– Да! Да! Пусть она уходит! Видеть ее не могу, – уже сбавила тон Надежда Мартыновна.

А я вышла в прихожую и надела пальто. Генерал выскочил за мной.

– Ты почему уходишь? Она старый человек, можно понять...

– Я все прекрасно понимаю. Пойми и ты – я сейчас для твоей мамы воплощаю все мировое зло. Зачем ее раздражать? Пусть очухается.

– Ты... Ты меня бросаешь?

– Не дождетесь, товарищ генерал! Просто впредь я действительно никогда не переступлю порог ее дома. У меня тоже есть гордость. И прошу тебя в дальнейшем иметь это в виду! И если тебя до утра не убедят в том,

что я во всем виновата, милости прошу ко мне. Я буду у мамы.

– Лада! – как-то беспомощно воскликнул он.

А я выскочила на площадку и побежала вниз, не дожидаясь лифта. Вот так эффектно завершилось мое свадебное путешествие.

– Ладоска? – ахнула мама, открыв на мой звонок. – Что случилось? На тебе лица нет! Что-то с Иваном? Умер?

– Мама! Типун тебе на язык!

– Слава Богу! Поссорились?

– Да нет!

И я рассказала маме все, что сегодня произошло.

– Фу ты... Ну ничего, эта женщина угомонится, девушка вернется. Все еще будет прекрасно. В конце концов, свекровь не обязательно любить и быть ею любимой тоже. Свекровь – дурная кровь, классика жанра. И дело вовсе не в этой истории, поверь мне. Просто это материнская ревность, и даже не столько к тебе, а скорее к тому неведомому миру, в который попал ее сын. Непонятному, а значит, враждебному. Эта ваша свадьба... Ну как ей это понять? В этом дело... и с этим ей невозможно примириться.

– Да, наверное, ты права, мамочка. Но все равно это было ужасно! Такая концентрированная ненависть...

– Да Бог с ней, с этой несчастной женщиной. Ее можно только пожалеть. Ну а в остальном как?

– А в остальном, мама, он чудо! И знаешь, ты права. Я сейчас вспомнила, что он мне сказал – я с тобой попал в другое измерение.

– Да? И прекрасно! Он сознает это. Все у вас будет хорошо, моя девочка! Поверь своей маме.

– Мамуля, он такой чуткий... И тонкий. И удивительно восприимчивый к искусству!

– Ты успела это заметить?

– Успела, мамочка!

И я рассказала маме и про Плисецкую, и про Пастернака, и еще про китайский халат.

– С ума сойти! Понятно, он сейчас влюблен безумно, все чувства обострены...

– А еще он говорит, что классного летчика-испытателя без хорошей интуиции быть не может.

– Плохо только, что он такой ревнивый. Это очень тяжело. Но все-таки как быть с этой малышкой? Твоей Надежде Мартыновне и в самом деле трудно с ней. А девочка ходит в сад?

- Да.
- Надо найти няню. Мне на днях кто-то говорил...
- Да она скорее удавится, чем возьмет в дом кого-то. Может, Ваня ее уговорит отдать Аню нам.
- А ты бы хотела, да?
- В какой-то момент мне безумно этого захотелось, но я поняла, что в данном случае это было бы адом для всех, и прежде всего для ребенка.
- Ну, если быть совсем честными, то ты и в самом деле явилась первопричиной всех несчастий этой твоей свекрови.
- Ну, тогда уж не я, а Пашка! Это он привел Лиду ко мне. Ой, да пусть меня ненавидит эта несчастная Надежда, лишь бы Ваня меня любил. А я так его люблю, мамочка! Да, а что там у Ксюхи?

Я почти не спала и утром встала в состоянии, близком к помешательству. Мне было дико страшно. Вдруг Иван не придет? И не позвонит? Мне показалось, что земля уходит из-под ног.

- Ладоска, иди завтракать.
- Я побрела на кухню.
- Омлет сделать?
 - Нет, мамочка, не хочется. Мама, он не придет!
 - Да что за чепуха! Куда он денется, твой Ваня? Он же любит тебя.
 - А если... она ему скажет: или мы с Анюткой, или она?
- Мама рассмеялась.
- Дурочка, ты про ночную кукушку слыхала? И в данном случае, ты вне всяких сомнений, перекукуешь мамашу. О, а вон и герой твой нарисовался! – Мама в этот момент смотрела в окно. – До чего ж эффектен!
- Я кинулась к окну. Это и в самом деле был Иван.
- Мама, открой ему!
- Я бросилась в ванную. Приехал! Перекуковала! Я пустила воду, а сама прислушалась у приоткрытой двери ванной.
- Здравствуйте, Евгения Петровна!
 - С добрым утром, Иван Тимофеевич! Проходите! Будем знакомы. Лада сейчас в ванной! Вы завтракали?
 - Если честно, то нет. Я спешил. Маму увезли в больницу, ей стало совсем плохо. Но врачи говорят, что это обратимо... У нее гипертонический криз.
 - Простите, а с кем же ребенок?
 - Я отвез ее в садик. Скажите, Лада... она очень сердится?

– Господь с вами! Она не сердится, она просто очень огорчена, очень. И мама что-то добавила шепотом.

Иван рассмеялся, но как-то горько.

– Она могла такое подумать? Немыслимо!

– Иван Тимофеевич, хотите омлет?

– Хочу! Лада говорила, что ее мама делает лучший в мире омлет!

Идиотка, сказала я себе, стоишь тут, подслушиваешь, а он здесь, рядом... Я судорожно ополоснулась, привела в порядок лицо, и, накинув халат, побежала в кухню.

– Ваня!

Он вскочил, прижал меня к себе.

– Я так соскучился! Чуть не помер с тоски!

– Ладошка, достань из холодильника сыр...

– Ладошка? Как хорошо! Боже, я сроду не ел такого омлета! Восторг!

Спасибо, Евгения Петровна.

– Вот, Ванечка, это твоя теща!

– Я надеюсь, что с тещей все будет значительно проще, чем со свекровью... – горько проговорил он.

– Ничего, все еще образуется, – сказала мама.

– Я не уверен. Но ведь мы сможем это пережить, да?

– Маму Ивана Тимофеевича отвезли в больницу. Малышка сейчас в саду, но вечером, я полагаю, нам надо ее забрать?

– Нет, – отрезала я. – Этого делать нельзя!

– Почему? – в один голос воскликнули мама и муж.

– Это только усугубит ситуацию.

– Но как же быть с ребенком, Ладошка?

– Насколько мне известно, у Надежды Мартыновны есть соседка, они дружат. Анечку заберет из сада Иван, он останется с ней до завтра, а соседка с радостью поможет беспомощному генералу.

Я говорила достаточно жестко, а они смотрели на меня с недоуменным осуждением.

– Да поймите вы, если Надежда Мартыновна узнает, что девочка со мной, ее состояние может усугубиться. А так и сын будет при деле и не со мной, и девочка у ее подружки... Она быстрее успокоится, придет в себя. И скоренько запросится домой.

– Нет, это чепуха, в таком случае она, то есть мама... Она нарочно будет затягивать... чтобы я был не с тобой. Я знаю, что делать!

– И что?

– Я попрошу жену Миши Устюжанина. Она хорошая женщина,

воспитала двоих детей, обожает маленьких, с удовольствием будет возиться с Анюткой, и мама будет спокойна.

– А эта женщина не работает?

– Нет. Она домашняя хозяйка. Я ей сейчас позвоню. Вот только кофе допью...

– Иван Тимофеевич, попробуйте этот сыр. Аргентинский, ничуть не хуже французского...

– Спасибо, только не зовите меня по имени-отчеству, пожалуйста. Лучше просто Иван...

– Попробую. Нет, я буду вас звать Иванко. Когда-то у моей мамы была подружка, она своего мужа всегда звала Иванко!

– Да хоть горшком! – улыбнулся мой генерал. – Спасибо, все очень вкусно! Разрешите, я пойду позвоню.

– Да-да, идите в комнату.

Он вышел.

– Ладочка, я тебя понимаю! Хорош невероятно. Сумасшедшее обаяние. Чудесные манеры.

Словом...

– Словом, чудо в перьях!

– О да! Но две проблемы уже есть, и это только начало, моя девочка!

– Ты имеешь в виду ревность и свекровь?

– Именно. И где вы будете жить?

– Он снял квартиру.

– А. Это правильно. А как ты думаешь, его дочка вернется?

– Вернется, в ближайшее время.

– А ты пробовала с ней связаться?

– Сколько раз. Глухо.

Тут на кухню вернулся генерал.

– Все отлично. Маруся с радостью согласилась приютить Анютку, практически на любой срок, только с тем, чтобы она пока не ходила в сад. Далеко от них. А я не смогу каждый день возить.

– Вань, только когда будешь сегодня забирать ее из сада, предупреди, что она не совсем уходит, чтобы место сохранили...

– Господи, Ладка, какая ты бываешь рациональная, просто диву даешься. А еще Маруся мне поставила одно условие, – как-то хитро улыбнулся генерал.

– Какое? Меня, что ли, продемонстрировать?

– Евгения Петровна, вам не страшно иметь такую умную дочь?

– Ну, я когда ее рожала, об этом не подозревала, а вот вы женились

на ней, вам хуже.

– Да мы с ним оба сдурели, мамочка!

– Ладно, шутки в сторону. Ты поедешь со мной к Устюжаниным?

– Поеду, а куда я денусь? Мне ведь тоже любопытно, какие у тебя друзья.

– Они хорошие люди. Такие, как надо.

– Ладно, ты прибери со стола, а я пойду одеваться. Студенты ждут.

– Евгения Петровна, я вас отвезу!

– Не стоит, Иванко!

– Стоит, стоит.

– Ну если вы настаиваете!

Мама ушла к себе.

– Какая у тебя чудесная мама!

– Не говори гоп! Мне твоя мама сперва тоже понравилась.

– А теперь... окончательно разонравилась?

– Ну, я не знаю, но впечатление здорово подпорчено, должна тебе признаться. Небось, когда я ушла, ты еще много чего обо мне наслушался?

– О да! Более чем достаточно. Но ты должна иметь в виду, я никогда, слышишь, никогда тебя не сдам! Не знаю, как я умею любить, опыта маловато, но дружить я точно умею. И друзей не сдаю. А ты не только моя женщина, от которой у меня крыша едет, но и мой друг, да?

– Ох, Ванечка, Иванко мой, да ты же, ты же... настоящий индеец! И я люблю тебя, и я твой друг... Черт, а не скрепить ли нам нашу дружбу кровью, как Том Сойер?

– А кто из нас будет Гекльберри?

– Конечно, я!

– Нет, там самый выдумщик был Том Сойер! Так что Геком буду я!

– А ты песню про индейцев не знаешь!

– А ты спой!

– О, я та еще певица!

– Меня твои вокальные данные не волнуют.

– Ладно, один куплет потяну!

Если ты, чувак, индеец,
Ты найдешь себе оттяг!
Настоящему индейцу
Завсегда везде ништяк!

– Заводит, надо сказать! Но на Пастернака все же не тянет!

На кухню вернулась мама.

– О! Я слышу, вас уже посвящают в индейцы? – со смехом сказала она. – Считайте, приняли в семью! Ну, вы не раздумали меня везти?

– Я готов!

– Ты отсюда куда?

– Сюда! Заберу тебя и поедem посмотреть квартиру.

– Принимается!

Минут через пять после их ухода зазвонил телефон. Лида!

– Алло! Лида, ты где?

– Лада Владимировна, я такая дура... – Она рыдала. – Я не знаю, что мне делать...

– погоди, ты сейчас где?

– В Казани пока. Лада Владимировна, пожалуйста, мне нужно с вами увидеться... А вы-то сами уже в Москве?

– Да! Из-за тебя вернулись раньше, а бабушка попала в больницу.

Она зарыдала еще пуще.

– Лида, что стряслось? Ты хочешь вернуться?

– Да! Но мне так стыдно... Я такая дура... Лада Владимировна, я не понимаю, что мне делать... Пожалуйста, помогите мне!

– Я готова, но...

– А папа... Он сейчас с вами?

– Нет! Он вернется в лучшем случае через час.

– А с кем Анютка?

– Не волнуйся! Она в саду, а вечером Иван отвезет ее на несколько дней к Устюжаниным. Но ты намерена возвращаться?

– Господи, да я бы уже вернулась... Но у меня денег нет.

– А где ты сейчас?

– На вокзале.

– Послушай, у тебя есть карточка?

– Банковская? Есть, но пустая.

– Я сию минуту тебе скину деньги. И первым же поездом выезжай в Москву. А лучше попробуй самолетом. Скажи, ты с работы уволилась?

– Господи, какая же я дура!

– Не волнуйся, я завтра поговорю с Яншиным. Он тебя ценит. А папе я пока ничего не скажу. А то он...

– Да-да! Не говорите ему! А то он... Понимаете, я не смогу в ближайшие дни никому на глаза показаться...

– Он тебя избил?

– Да.

– Понятно! Значит, так! Слушай меня! Ты сейчас сбросишь мне данные, я переведу тебе деньги, ты первым делом пойдешь в салон красоты, и там тебя приведут в божеский вид. Потом ты поешь и езжай в аэропорт. Тебе есть где приткнуться на ближайшие дни? У подружки какой-нибудь?

– Ну да, можно...

– Ты сообщи номер рейса, попрошу Пашку тебя встретить.

– Нет, пожалуйста, не надо! Я не хочу! Я сама доберусь до Маринки.

– Да, пожалуй, лучше, чтобы никто не знал. А как синяки пройдут, ты и вернешься. Поплачешь, скажешь, что раскаялась, опомнилась. Скажи, а этот твой... он не примчится за тобой?

– Да нет... Не примчится, – очень горько проговорила она.

Мне стало ее ужасно жалко. Бедная девочка. Придется с ней поработать, она была еще морально не готова к таким эскападам.

– Лидочка, ничего страшного, все утрясется. И папе я ничего не скажу.

– А он... он меня не возненавидит?

– Да что ты! Он все поймет. Если ты вернешься. И, кстати, лучше, чтобы ты вернулась не сразу, не сегодня, а то уж совсем дурь получается, а так... Подумала, опомнилась и с повинной головой назад... А повинную голову меч не сечет!

– А бабушка не простит, я ее знаю!

– Да простит, куда денется!

– Ой, вы ее не знаете!

– Ну, там видно будет. Ты, главное, возьми себя в руки! Ну все, сбрось данные, я отправлю деньги! И будь умницей! А с работой я попробую уладить!

– Как же папе повезло!

– Все! На связи!

Едва я успела отправить ей деньги, как вернулся Иван.

– Ладка моя! Как я соскучился! Какая у тебя мама! Чудо просто! А что это ты какая-то взбудораженная?

– Да чепуха! Просто я рада.

– Чему?

– Тебе! Я когда тебя вижу, всегда радуюсь.

И я стала целовать его, и в результате смотреть квартиру мы поехали только через два часа.

Квартира мне страшно понравилась. Это была очень просторная студия на седьмом этаже дома-новостройки. Хорошо обставленная, со всей бытовой техникой, словом, можно переезжать только с одеждой и личными вещами.

– Ой, Ванечка, какая прелесть!

– Нравится, да?

– Не то слово! И тут так красиво, светло.

– Знаешь, мне показалось, что тебе такое жилье больше подходит, чем обычные квартиры... Я дурак, да?

– О нет! Ты совсем не дурак, мой генерал!

– А давай сейчас поедem, где-нибудь пообедаем, а потом и за Анюткой двинем!

– Согласна!

Внизу у лифта нам встретилась мамина соседка.

– Ой, Ладочка! Какой у тебя красивый кавалер! – кокетливо проговорила она.

– Это не кавалер, Елена Федоровна, это муж!

– Быстро ты, однако...

– Ну не упускать же такой кадр! – засмеялась я.

И мы вышли на улицу.

– Ладка, ты чего задираешься? – засмеялся Иван.

– А чего она лезет не в свое дело?

– Тоже верно.

– Я хочу шашлык!

– Понял. Тебя узбекский вариант устроит?

– Абсолютно.

Шашлык в узбекском ресторане был неплохой, но не шел ни в какое сравнение с тем, которым кормил меня Егор.

– Ладка, ты чего смеешься?

– Да так...

– Нет, скажи! – потребовал он.

– Понимаешь, я какое-то время назад была в одном ресторане, там самые лучшие в Москве шашлыки. И возил меня туда Егор.

Генерал побелел.

– Ты зачем это сейчас сказала?

– Просто так. Я вспомнила, улыбнулась, а ты сразу – чего смеешься? А смеялась из-за истории с халатом.

– Ты меня дразнишь? Зачем?

– Ванечка, любимый, но ты был такой дурак тогда. Не сердись. Ну, я и вправду люблю дразниться... Но это не очень большой грех, согласишься?

– А ты вообще... грешница! И это... одна из главных твоих прелестей, и я буквально схожу с ума от тебя. Я все время тебя хочу! У меня таких женщин никогда не было.

– Зато теперь будет всю оставшуюся жизнь. Еще надоест.

– Ерунда! Такое надоест не может. Я вдруг на старости лет понял, что есть, как бы это сказать... два вида секса...

– На самом деле их гораздо больше, – засмеялась я.

– Ну вот, ты опять дразнишься! А я хотел сказать... есть просто секс, а есть секс с любимой женщиной. И это такая невероятная разница... Невероятная. И что ты так на меня смотришь? Я глупость сказал?

– Нет! О нет! Это истинная правда. Но я так на тебя смотрю, потому что не верю себе, что мне такое чудо досталось. Чудо в перьях... Нет! Чудо в генеральских погонах. Я, Ванечка, самая счастливая баба в мире!

И бла-бла-бла!

Часть шестая

Штаны с прорезами

– Деда! – закричала Анечка. – А почему мама не пришла?
– Мама в командировке, а бабуля в больнице. Анюта, эта тетя – моя жена.

– И моя бабушка? Да?

Генерал замешкался с ответом. Видно, язык не поворачивался назвать меня бабушкой.

– Да, Анечка, я твоя бабушка, раз я жена дедушки.

– А такие бабушки не бывают.

– Почему это?

– Вот бабушка Надя, она настоящая!

– Бабушка Надя твоя прабабушка.

– А ты умеешь сказки рассказывать?

– Умею.

– И оладушки жарить умеешь?

– Умею.

– И песенку на ночь спеть сможешь?

– Ну, если очень надо, и песенку спою.

– А мурлыкать?

– А мурлыкать... Мурлыкают кошки, а не бабушки!

Девочка хитро улыбнулась.

– Ладно, возьму тебя в бабушки!

Генерал фыркнул.

– Вот умница, Анечка! – сказал он.

– Это ты, деда, умница, что взял ее в бабушки. А как тебя зовут?

– Бабушка Лада.

– Деда, а куда мы едем?

– В гости. К тете Марусе и дяде Мише.

– Ой, здорово! У них такая киса! Ты их кису знаешь?

– Нет, я пока и их не знаю!

– Ой, они хорошие... Я их люблю.

Устюжанины жили напротив Дома Российской Армии. Едва лифт открылся на пятом этаже, как дверь одной из квартир распахнулась

и на площадку вышел мужчина с удивительно симпатичным и добродушным лицом.

– А вот и наши гости пожаловали! Ну, Ваня, какую красавицу отхватил! Здравствуйте, дорогая! Позвольте ручку поцеловать! Рад, страшно рад! И за Ваню рад! Ох, а это что за барышня?

– Это наша внучка! – сказала я.

– Ох ты господи! А я ведь не представился. Полковник Устюжанин! А вы Лада, я знаю! О, гляжу, колечко-то впору пришлось! Ну, проходите, проходите! Мать, иди сюда! Смотри, кто к нам пожаловал.

В прихожую, вытирая руки полотенчиком, выскочила женщина лет сорока. Она улыбнулась, и я поняла, что мы с ней явно найдем общий язык, а может, и подружимся. Красивая пышная блондинка.

– Привет, дорогие гости! Ох, Лада, добро пожаловать! Наконец-то Ваня наш остепенился. Да какую хорошую нашел! Можно я вас обниму?

– Конечно!

Мы обнялись. И я чувствовала, что это было искренне.

– Ну, поздравляю молодоженов! Ванька, ты помолодел лет на двадцать! Миш, займи пока Анютку! Ладочка, давай сразу без церемоний, на «ты»?

– Давай! – обрадовалась я. Мне сразу стало уютно, как будто я уже сто раз бывала в этом доме.

– А пошли на кухню?

– Пошли! Но мы...

– Да знаю, что вы обедали, Иван звонил. Но через часок-полтора уже можно будет слегка поужинать. Надо отметить вашу свадьбу-женитьбу! Знаешь, сколько раз я Ваньке пела: «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы!»! А вы все зажали.

– Да не говори! Я вообще приехала заявление в ЗАГС подавать, а нас сразу расписали и он меня в Питер увез, еле упростила за вещами заехать.

– Да ты что! Вот Ваньку-то накрыло! А свекровь твоя не говорила насчет собачьей свадьбы?

– Мне не успела, а Ване скорее всего...

– А ты вообще-то с ней знакома?

– Да. Ваня в первый же день привез меня к ней, и она мне в общем-то понравилась и приняла меня хорошо. И вдруг...

– Не бери в голову. Скажу по секрету – я ее не люблю. Очень себе на уме старушка. И недобрая. Ванька-то в отца пошел, добрейшей души человек был. А как она Лидку муштровала, страшное дело! Я сколько раз Ваньке говорила – изуродует девчонку. И вот... А ты молодчина. Даже я

не знала, какая Лидка красotka. Она к нам приехала, я ее и не узнала. Вся светится. Она золотая, Лидка, в отца. И где загуляла... С кем...

– Маруся, я кое-что знаю. Она скоро вернется.

– Да ты что!

В глазах у этой женщины было не любопытство, а искренне сочувствие. И я ей все рассказала.

– Не бойся, от меня никто ничего не узнает, даже Мишка. Ох, бедолага... Ну ничего... Ты же вроде бы психолог? Ты ей поможешь, правда?

– Постараюсь, во всяком случае. Знаешь, я как-то начала сомневаться в своих возможностях. Казалось, я разбираюсь в людях, а вот со свекровью дала маху...

– Так это от любви мозги отшибло, – засмеялась Маруся.

С каждой минутой она нравилась мне все больше и больше.

– Лада, знаешь, мне кажется, я тебя уже сто лет знаю, мне с тобой так легко!

– Мне тоже! А такие вещи всегда взаимны.

И мы снова обнялись.

– Ты не представляешь, как я рада за Ваньку. Такой мужик, красавец, Герой России, и все один да один! А ты, я вижу, любишь его до полусмерти?

– Люблю. Да не до полусмерти, а до смерти! Только он ревнивый жутко...

– Да ты что? Вот не думала.

– Ревнует меня даже к покойному мужу.

– А ты вдова, что ли?

– Да.

– И Ванька к нему ревнует?

– И к нему, и к любому прохожему.

– Любит без ума. А если б не ревновал, обидно было бы, разве нет?

– Да, наверно.

Мы вдвоем что-то резали, взбивали... Как старые добрые подружки.

– Ты, я гляжу, опытная хозяйка. Готовишь.

– У меня мама хорошо готовит.

– Понятно. Слушай, я знаю, чего боюсь? Что бабка не простит Лидку. Не даст ей жизни.

– Но Лида ведь живет отдельно.

– Неважно. Ей бы в другой город уехать...

– Да куда она одна с ребенком? Да после такой травмы. Да и что бабка

ей сделает?

– Ты ее не знаешь! Думаешь, почему Ванька с ней до сих пор жил? Сколько раз мы с Мишкой ему говорили, что надо отдельно жить, а она ни в какую: «Ой, сыночек, на кого ж ты меня старую-больную кинешь! Дочуру свою вот отселил, а сам уж тут поживи, а женишься, так тоже места хватит... И жене твоей я по хозяйству всегда помогу».

– Маруся, да у тебя талант! – засмеялась я. Она говорила голосом Надежды Мартыновны, с ее интонациями.

– Ага, мне в юности говорили, что талант! Я в самодеятельности участвовала. Но вышла замуж за Мишку, моталась с ним по гарнизонам... Но не жалею! У нас двое чудесных детей, и живем душа в душу. Ванька, кстати, помог перевести Мишку в Москву, теперь вместе служат... Одним словом, Ладочка, повезло тебе с мужиком.

– Сама понимаю.

– О детишках-то думаете?

– Увы! У меня не может быть детей.

– А чего? Первый аборт?

– Нет. Говорят, врожденное. Я уж смирилась. И, кстати, сразу Ваню предупредила. А он говорит, лишь бы я с ним была.

– Да и ладно. Если Бог не дает, значит, и не надо, я так считаю. А вообще от большой любви и чудеса случаются.

– Вот разве что...

– Девчонки, вы тут чего? – заглянул к нам Михаил.

– Мы? Мы тут сдружились! – объявила Маруся.

– Вот здорово! Знаешь, Лада, ой, ничего, что я на «ты»?

– Правильно! Будем на «ты». Мы же теперь друзья?

– Блин! Как Ваньке-то свезло! Ваня!

– Что случилось? – возник в дверях мой генерал.

– Знаешь, ты такую правильную бабу нашел!

– Знаю, Мишка!

– Да, Ванечка, ты себе правильную жену нашел, а мне правильную подружку. А то у меня в Москве с подружками напряженка! А Лада хоть младше меня, но мы с первого взгляда подружились, правда, Лада?

– Истинная правда!

Потом мы сидели за столом, уложив Анютку, ели, пили, Миша чудесно пел приятным тенорком старинные романсы, словом, мне было удивительно хорошо в этом доме и меня ничуть не смущала некоторая безвкусица обстановки, я даже находила в этом определенную прелесть и старомодный уют. А ведь в доме свекрови именно это показалось мне

почти нестерпимым. Просто я тогда не поняла, откуда это ощущение неуюта... И вправду от любви мозги отшибло. В какой-то момент мы решили на такси отправить Ваню за Анюткиным барахлишком. Он звал меня с собой, мол, он сам не разберется, что надо брать, но Маруся твердо заявила:

– Нет, Ваня, езжай один! В отсутствие твоей мамы Ладе лучше туда не ходить. А то потом не оберешься...

– Маруся, не выдумывай!

– Я не выдумываю!

– Ванька, я с тобой поеду! – вызвался Миша. – Я в детском шмотье прекрасно разбираюсь.

– Правильно, Мишка, езжай ты! – обрадовалась Маруся.

Они ушли.

– Лада, а ты не могла бы отвести меня к тому стилисту, ну, который Лидку... Я хочу новый имидж!

– Запросто! Только, по-моему, у тебя с имиджем все в порядке.

– Да просто хочется чего-то нового, я вот смотрю «Модный приговор»...

– Да без проблем! Маруся, пока они ездят, расскажи мне про Ваню.

– Здравые, приехали! Что ж тебе про него рассказать? Хороший он, добрый, честный до изумления, за что и пострадал. Чуть его не разжаловали. И сослали уже в Хабаровский край... Но тут, слава Богу, министра поменяли, а ему, видать, честные нужны.

– А с женщинами... Ну, неужели за все годы не было у него постоянной женщины?

– Насколько мне известно, нет. Он два раза обжегся...

– Два?

– Ну да. Несколько лет назад познакомился с одной... Красивая была, прям кинозвезда. И он ей здорово глянулся. И она вроде ему показалась... Было у них, только недолго. Тут как начали его гнобить, она и соскочила. Зачем ей опальный?

– Не любила, значит.

– Это точно.

– А он?

– Он не горевал. Пожал плечами, мол, все они такие. Никогда не женюсь, сказал.

– Мне он о ней даже не заикнулся.

– А о чем тут говорить? Я сколько раз ему говорила: Ванька, женись! И баб ему сватала. А он смеется: зачем? Проблем с женщинами у меня нет.

Выбор огромный, а жениться мне к чему? Чтобы она меня предала? Когда жена – это больно. И весь сказ.

– Надо же! А мне предложил замуж сразу, даже еще не переспав.

– Полюбил, видать. Мне Мишка говорил – кажется, Ванька влюбился. Они вместе на Дальний Восток летали, так Иван в нерабочее время такой задумчивый был... Скажи, – она понизила голос, – а как он... ну, в этом смысле?

– Ни в сказке сказать, ни пером описать! – засмеялась я.

– И ты ему быстро дала?

– Практически сразу. Понимаешь, я вдруг с ним почувствовала, что мне стало легко. Я после смерти мужа еще узнала, что он мне изменял с одной... И девка поганая была... Словом, я как будто броней обросла. И дышать в этой броне мне было тяжело. Я жила, работала, но в броне. А вот Ваня за мной приехал, повез ужинать... И от его слов, от его сумасшедших глаз я вдруг почувствовала, что мне стало легче дышать...

– Ну надо же... Но это так хорошо, Ладочка! Я уж поняла: самое главное – найти своего человека. Я вот Мишу совсем девчонкой встретила, он тогда еще лейтенантиком был и красотой вроде не блистал, а я поняла – мой человек! И прожили мы с ним двадцать пять годков, и всякое бывало, но я и теперь знаю – это мой человек!

– Маруся, я так рада, что попала в ваш дом! Мне так хорошо у вас!

– Здорово! А я, честно сказать, опасалась.

– Чего ты опасалась?

– Какая ты окажешься... Ученая, думала, фифа, гламур-тужур, и ведь с виду ты такая и есть, а вот глаза твои увидала, и все, своя баба! А давай за это дернем?

– Мне вообще-то завтра на работу!

– А мы по чуть-чуть! И не водки, а моей вишнепочки. Вкууусная! Сама делаю!

– А давай!

Она достала из буфета графинчик.

– Сейчас попробуешь, ахнешь! Но ее много нельзя. Вот, по рюмочке, и все! Наливаю и сразу убираю! И пей маленькими глоточками.

– Слушай, она пахнет вишней! Летом! Ой, какая роскошь, Маруся!

– Нравится?

– Не то слово! Давай за нас!

– Первый глоточек за нас! А второй...

– А второй за наших человекoв!

– Точно! За наших человекoв! Классная ты баба, Ладка! Свезло

Ваньке! Да нет, он заслужил!

Но тут вернулись «наши человеки».

– Так! – воскликнул Миша. – Что я тебе говорил, Ваня? Сидят, квасят!

И Маруся свою заветную вишнебочку достала!

– Да, Миша, угадал!

Иван сел рядом со мной, обнял за плечи, поцеловал в щеку.

– Ну все, девчуха, пора ехать! Завтра уже рабочий день. Маруся, смотри, женку-то мою от твоей вишневки развезло. Ох и коварный напиток! Ну, все, девчуха, вставай, пора и честь знать!

Меня и в самом деле вдруг развезло. Нестерпимо захотелось спать. Я встала, меня шатнуло. Иван подхватил меня.

– Вань, вызови такси, ты же пил, – посоветовал Миша.

– Я уж протрезвел. Доедем.

– Ну, гляди!

Мы вышли на улицу.

– Ванечка, мы куда сейчас?

– Может, на дачу?

– Нет, далеко, лучше к маме.

– Нет, вторую ночь без тебя я не выдержу.

– А ты со мной... Там хорошая кровать. И мы тихенько... Просто обнимемся и будем спать...

– Да ты уже спишь. А я утром должен побриться, надеть форму. Я отвезу тебя к маме, а вечером заберу с работы.

– Это не обсуждается, да?

– Вот именно!

– Господи, Иван Тимофеевич, Ладошка что, пьяная?

– Чуть-чуть. Выпила рюмку вишневки и поплыла. Я оставлю ее на вас.

– Вы можете остаться тоже.

– Спасибо, но у меня тут ничего нет. А утром я должен явиться в форме.

– И Ладошке тоже завтра на работу?

– В том-то и дело.

Иван опустил меня в кресло в прихожей, и я слышала их разговор сквозь дрему.

– Евгения Петровна, мы в конце недели переберемся на квартиру.

– Ну что ж, Иван Тимофеевич, молодоженам лучше жить отдельно.

– Спасибо!

Я не успела положить голову на подушку, как тут же уснула.

- ...– Ладощка, вставай! На работу опоздаешь!
- А Ваня где?
- Ладощка! Просыпайся! Ваня твой тоже собирается на работу.
- Ой, да...

Я примчалась на фирму за десять минут до начала рабочего дня.

– Лада Владимировна! – сказал охранник. – Вам тут просили передать! – И он протянул мне большой букет некрупных тюльпанов! Мои любимые цветы. – Они были разноцветные – красные, желтые, белые, розовые, лиловые. Красотища! Хорошее начало дня.

- А кто передал-то?
- Не велели говорить.
- Изотов?
- Да, он...

Пашка!

Я сразу набрала ему.

- Павел Сергеевич! Спасибо за цветы.
- Да на здоровье, генеральша. Счастья полные штаны?
- Да! Хотя в штанах есть прорехи!
- Уже?
- Пашка, не втягивай меня в треп! Работать надо! Не знаешь, Яншин тут?

- Понятия не имею. Ладно, я к тебе забегу!
- Может, пообедаем вместе?
- Годится.

Я позвонила в приемную Яншина.

- Юля, с добрым утром. Юрий Александрович на месте?
- Да, но он занят, – противным постным голосом проговорила она.

Тогда я позвонила ему напрямую.

- Привет, подруга! – откликнулся он сразу.
- Ты сейчас можешь меня принять? Очень важное дело!
- Поднимайся!
- Бегу!
- Я же вам сказала, что шеф занят!
- А он мне сказал, что ждет меня.

У нее вытянулось лицо. А я вошла в кабинет.

- Слушай, потрясающе выглядишь! Ты вправду замуж вышла?
- Вышла.
- Ты теперь, выходит, генеральша?

– Выходит, выходит. Слушай, Юра, скажи, ты уже подписало приказ об увольнении Зверевой?

– Нет еще. А что? Она передумала?

– Передумала. Это просто была истерика.

– Вообще-то я ненавижу истерики, мне их дома хватает.

– Юра, пожалуйста, ты же говорил, что она ценный сотрудник!

– В том-то и беда, что ценный. А так дал бы ей коленкой под зад. Что за дела!

– Я тебя понимаю. Но в данном случае... Не надо ее увольнять. У нее сейчас и так дела неважные.

– Ну да, очередной мужик кинул, так?

– Между нами – так. Но строго между нами. И Юле твоей об этом знать не нужно.

– Да что ты на нее взъелась?

– Юра, я первым делом решила соблюсти субординацию и позвонила ей. Она мне сказала, что ты занят. И еще пыталась не пустить меня в кабинет. Она испытывает ко мне глубокую личную неприязнь, как в известном фильме.

– Это в каком?

– В «Мимино».

– А... Ладно, ты всегда звони мне напрямую, когда возникнет необходимость. А вообще-то поздравляю с законным браком!

– Спасибо!

– У-у, тетка, цветешь и пахнешь! Поздравляю! Все-таки я большой молодец. Слушай, а что там с Лидкой? Говорят, она подала заявление об уходе.

– Нет. Просто у нее небольшая драмка, но она на днях выйдет на работу. А как мать?

– Да хреново! Отец уложил ее в клинику неврозов. Спасибо, не в психушку.

– Ты у нее был?

– Нет. Она никого не желает видеть. Даже бабулю. Вот скажи мне, неужели она это из-за меня?

– Нет. Эта история просто послужила как бы спусковым крючком, а на самом деле там давно зрело... Похоже, это возрастное.

– Климакс, что ли?

– Ну, может, еще не климакс... Это проходит, как правило.

– Но не всегда?

- Увы, не всегда. Не волнуйся, ты не виноват.
 - А почему у тебя штаны дырявые оказались?
 - Свекровь меня невзлюбила.
 - Постой, так сперва вроде бы взлюбила?
 - Разочаровалась. Такого мне наговорила... И потом еще Ване на меня... Да Бог с ней, переживу!
 - Да вроде она добродушная тетка.
 - Ревность!
 - Да, дела! Не зря я не хочу жениться! Боюсь, мама, даже если вылечится, будет вполне мегеристой свекровью.
 - Может быть, – улыбнулась я.
 - Но наш генерал тебя не разочаровывает?
 - Наоборот! Очаровывает с каждым днем все больше. Я до гроба твоя должница, Пашка!
 - Ладно, будешь отдавать долги по мере надобности.
 - Договорились.
- ...Во второй половине дня ко мне заглянул начальник отдела безопасности Виталий Игоревич Поздняков.
- Лада Владимировна, разрешите?
 - Садитесь, Виталий Игоревич. Что вас ко мне привело?
 - Да я так, по личному вопросу.
 - Слушаю вас!
 - Это правда, что вы вышли замуж за генерала Столетова?
 - Истинная правда.
 - За Ивана Тимофеевича Столетова?
- Мне вдруг стало нехорошо. С какой стати он меня расспрашивает о моем генерале?
- Да. А в чем, собственно, дело?
 - Блин! Как же я рад!
 - Виталий Игоревич, я ничего не понимаю!
 - Да я... Я же служил у него, когда он был командиром части в Волгоградской области. И он меня однажды буквально спас. Я был совсем салабоном и ушел в самоволку, любовь, знаете ли... А тут, как назло, проверка. Но Столетов считал, что я... надежды, словом, подавал, и он меня отмазал. Потом, правда, на губу посадил, но это ж семечки. Очень правильный был командир. А уж летчик от Бога! Я как услышал, что Гудилина замуж за Столетова вышла, обрадовался. Очень бы хотелось повидать его.
 - Да вот сегодня он обещал за мной после работы заехать.

– Клево!

– Но, Виталий Игоревич, я должна вам заметить, что у вас, как у начальника отдела безопасности, есть прокол!

Он побледнел.

– Вы о чем?

– Здесь уже два года работает дочка генерала Столетова, правда, под другой фамилией...

– Кто?

– Лидия Ивановна Зверева.

– Блин! Как я это проворонил! Видно, когда принимал дела, просматривал столько досье, что не обратил внимания. Неувязочка! Спасибо, что сказали. Надо будет еще раз просмотреть все личные дела, тем более, я тогда лично еще мало кого знал, а теперь вот... Да, прокол! Признаю! Спасибо! Спасибо вам! Скажите, а Иван Тимофеевич летает еще?

– Нет. По зрению.

– Но вас разглядел! Или это вы его разглядели? Хотя что его разглядывать... Такой бравый мужик был, все бабы в округе по нему сохли.

– Догадываюсь.

– Ох, Лада Владимировна, я ведь к вам вообще-то совсем по другому делу пришел.

– По какому?

– Скажите, что вы не поделили с Юлькой, секретаршей Яншина?

– А что, она на меня доносы строчит?

– Строчит.

– А вы как реагируете?

– А я проверил три ее сигнала, все туфтой оказалось. Вот я и решил у вас спросить. Очень бабская какая-то история. А девка, должен заметить, мутная. Я уж Яншину говорил, а он слушать не желает. Я вот подумал, может, вы что-то о ней знаете?

– Я не знаю ничего. Но согласна, что девица и впрямь какая-то мутная. Когда Яншин меня нанимал, я предложила ему сменить секретаря, на мой взгляд, таких хорошеньких девиц держать уже не престижно и попросту опасно, и не для личной жизни начальника, это меня совершенно не касается, но утечка информации с фирмы, любого свойства, в такой ситуации возможна. Боюсь, девушка подслушала разговор. Но, как говорится, не пойман – не вор. Вот вам исчерпывающий ответ на ваш вопрос.

Он очень задумчиво смотрел на меня.

– Да, значит, она подслушивает конфиденциальные разговоры начальника?

– Но это может быть вполне невинным опасением за свои отношения с начальником. Повторяю, не пойман – не вор.

– Ладно. Я понял. Простите, что отнял время. И привет мужу!

А у меня остался какой-то осадок от этого разговора. В конце концов, кроме взаимной неприязни, я ничего существенного не могу сказать о Юльке. Да я ведь и не сказала. А он не так прост, этот Виталий Игоревич. Сперва расслабил меня разговором о Ване... И, кстати, он вполне мог просто притвориться, что не знал о Лиде. Это мог быть просто предлог... А впрочем, да ну их всех! Главное, что через полтора часа я увижу моего генерала!

За полчаса до конца рабочего дня в дверь постучали. На пороге стоял охранник.

– Лада Владимировна, вам тут доставили...

Это была небольшая, но очень изящная корзина с белыми и синевато-фиолетовыми орхидеями. От кого бы это? Вероятно, от Яншина, подумала я. Так и оказалось.

А вскоре позвонил Иван.

– Девчуха, я подъехал.

– Бегу!

Я оделась, взяла цветы и вышла. У машины стояли Иван и Виталий Игоревич. Иван улыбался, а Поздняков что-то горячо ему говорил.

– А вот и моя жена! – воскликнул Иван. И тут же нахмурился. Я поняла – из-за цветов. Но промолчал при постороннем. – Видишь, встретил старого товарища. Теперь он отвечает не только за безопасность фирмы, но и за твою безопасность персонально!

– Ну еще бы, такой ценный кадр! Моральный климат в коллективе улучшился значительно! А я, если честно, был сперва против этой должности, блажью считал.

В этот момент раздался звонок. Я глянула на дисплей. Лида. Я извинилась и отошла в сторонку.

– Я уже в Москве, у подруги. Раньше не звонила, не хотела на работу. Вам сейчас удобно говорить?

– Не очень. Папа рядом.

– Ой!

– Я позвоню при первой же возможности. У тебя еще остались деньги?

– Да, спасибо. Буду ждать!

- С работой я уладила.
- Ой, как хорошо! Спасибо!
- Я вернулась к мужчинам.
- Нам пора ехать, Виталий!
- Да, да! Очень, очень рад за вас обоих, поздравляю!
- Он ушел.
- Кто звонил? – спросил генерал.
- Это по работе.
- А цветы от кого?
- Букет от Пашки. А корзина от Яншина.
- Это по какому же случаю?
- Ваня, это ревность?
- Да нет, скорее любопытство.
- Цветы, Ванечка, по случаю нашей с тобой свадьбы.
- Ну, Пашка – это понятно. А Яншин?
- Ну, он мой начальник. И мы с ним вообще старые приятели. Даже целовались когда-то...
- Когда?
- Ох, так давно, что при встрече даже не узнали друг друга.
- И все-таки?
- Что?
- Когда?
- Ну, мне было лет тринадцать или четырнадцать.
- А ему?
- А ему лет пятнадцать – шестнадцать.
- И вы только целовались?
- Вань, кончай эту фигню!
- А зачем ты мне сказала, что целовались?
- На всякий случай! Мало ли как сложится, вдруг вы с ним окажетесь в одной компании и он спьяну ляпнет, что, мол, целовались... Ты же мне мозг вынесешь за то, что я не сказала.
- Да, предусмотрительная дамочка! Ну здравствуй!
- Куда поедем?
- На квартиру. Я туда уже кое-что перевез. И купил постельное белье.
- Ни фиги себе! – обрадовалась я.
- Ну не могу я без тебя... Я еще твоей маме позвонил, попросил собрать кое-какие твои вещи. Чемодан в багажнике.
- Ванька, я тебя обожаю!
- Не сердись?

– Думаешь, я без тебя могу? Вань, а ты в больницу звонил?

– Звонил. Состояние удовлетворительное.

– Надо бы тебе заехать.

– Понимаю, но неохота. Я ей звонил... Говорит, у нее все есть.

– Нет, Ваня, так не годится. Мы сейчас туда поедem, я посижу в машине, а ты на четверть часа поднимешься к маме.

– Ладка!

– Вань, ты пойми, если ты этого не сделаешь, виновата буду я. Я теперь вообще во всем буду виновата. А зачем нам это?

– Ты и вправду так думаешь?

– Конечно!

– Может, ты и права.

– Надежда Мартыновна должна понять, что я вовсе не пытаюсь тебя у нее украсть.

– Да уж украла, – грустно засмеялся он.

– Ваня!

– Ладно!

– Кстати, отнесешь ей цветы.

– Твои? Нет. И потом, она не любит срезанные. А у нас в новой квартире будут цветы. Кстати, Евгения Петровна положила две вазочки. Говорит, Ладоска обожает цветы.

– Ну надо же! А вообще, Ваня, ты не думай, что положение мужа освобождает тебя от обязанности иногда дарить мне цветы.

Мы подъехали к больнице.

– Я быстро!

Он ушел, а я позвонила маме.

– Мамуля, ты уже спелась с зятем?

– Ладоска, он прелесть. Такой трогательный, в чем-то даже наивный... Я тебя понимаю. Только с ним надо осторожно. Очень ранимый.

– С ума сойти!

– А ты где сейчас?

– Сажу в машине, отправила его в больницу к матери, насилу уговорила.

– Это правильно! Ладоска, я там собрала тебе кое-что на два-три дня. И еще напекла ватрушек.

– Спасибо, мамочка! А ты в курсе, что Ксюха в клинике неврозов?

– Конечно, мне Сережа сообщил. Я хотела к ней поехать, но она никого видеть не желает. Думаю, через недельку очухается...

– А ты сама как, мамочка?

– Да хорошо! Пока ноги носят, голова варит, ученики ждут, а главное, дочка младшенькая счастлива... Чего еще хотеть?

– А Лена твоя как?

– Ой, не спрашивай.

– А что?

– Вещает! Слышит только себя. Раньше всегда очень живо интересовалась моими учениками, теперь как отрезало. Вообще ни о чем не спрашивает. Только вещает. А на каждое мое слово огрызается. Мне так хочется послать ее... Но я вспоминаю, сколько лет мы с ней дружили, радость и горе пополам, обидно!

– Понимаю, мамочка, но ты не огорчайся. Может, это у нее пройдет.

– Что-то я сомневаюсь. Ну да Бог с ней. Скажи мне лучше, где это ты вчера так наклюкалась?

– Ох, мама, Ваня меня повез к своим друзьям.

– К тем, что малышку взяли?

– Да! И это такие чудесные люди! Мы с женой Ваниного друга просто сразу подружились, мне так хорошо у них было, и они так любят Ваню, так о нем говорят... Искренние, гостеприимные люди, добрые... Ой, мамочка, Ваня идет! Представляешь, он в форме!

– Да видела уже. И впрямь загляденье.

Однако вид у генерала был хмурый.

– Что? Твоей маме стало хуже?

– Да нет.

– А, она меня поливала?

– Ага! Как из шланга...

– Терпи, Ваня, уж если женился на такой шалаве, которая у тебя что-нибудь непременно отныкает, а потом сбежит с молоденьким лейтенантом...

Он вытаращил глаза.

– А ты откуда это знаешь?

– Догадалась. Только вот не знаю, что я у тебя должна отныкать?

А, наверное, квартиру и дачу, так?

– Ладка, ты что, такая умная?

– Да тут особого ума не надо. Это же стереотип, Ванечка!

Он вдруг рассмеялся и обнял меня.

– Как же хорошо с такой догадливой женщиной! Можно не пересказывать всю эту пакость.

– Там еще что-то было?

– Да ладно, не хочу!

– Кажется, я знаю!

– Да вряд ли!

– Рискну предположить, что Надежда Мартыновна обозвала меня вшивой интеллигенткой, которая будет вас всех презирать, смеяться над тобой со своими интеллигентными родственниками? Так?

– Ошизеть! Как будто ты там была... Но я не хочу больше про это говорить. Я хочу домой, в нашу новую квартиру! Я купил еды, поужинаем вдвоем. Знаешь, я вот думал ночью... Я нашел тебя, как больное животное находит в лесу нужную травку. Я тобой лечусь.

– От чего лечишься, Ванечка?

– От всего. От мерзостей жизни... службы... И хотя ты частенько меня дразнишь, но я точно знаю – ты меня не предашь.

– То есть со мной можно идти в разведку?

– Сто процентов!

Господи, как я его люблю!

В новой квартире я быстро разобрала вещи, свои и его. Генерал же готовил ужин. Вернее, накрывал на стол и разбирал купленные продукты. А я решила постелить постель.

– Ваня, а где постельное белье?

– Ох, я забыл его в машине! Сейчас принесу!

– Я сама принесу!

– Еще чего! Я мигом!

Действительно, он очень быстро вернулся с шикарным пакетом из явно очень дорогого магазина.

– Вот, гляди, какая роскошь!

Белье оказалось черным, шелковым.

– Нравится?

– Вань, тебе кто посоветовал это купить?

– Никто! Я сам! Мне только посоветовали магазин. Там выбор был большой. А что? Не нравится? – вдруг испугался он.

И смех и грех!

– Я такое в кино видел... Это так эффектно и сексуально... Я представил себе, как ты, голенькая, лежишь на таком белье... Тебе не нравится?

– Да нравится, нравится!

– И потом, оно немаркое...

– Ванечка, ты самый лучший человек на свете! И я просто безумно

тебя люблю! Но если я сейчас не поем, то на этом роскошном белье будет лежать мой труп.

Уже за едой он вдруг спросил, глядя мне в глаза:

– Ладка, я опять что-то не то купил?

– Почему опять? Просто я не люблю спать на таком скользком белье. Только и всего. Впрочем, судя по сумасшедшей цене, может, я на нем и не буду скользить. Все чудесно, Ванечка.

– Ладно. Хорошо, что я купил только один комплект. Остальные сама покупай. Мне неважно, какое белье, лишь бы ты была рядом, а шелк или ситец – без разницы, если честно.

– А может, мне еще понравится...

А утром, когда я вышла из ванной, то увидела на полу возле кровати черный шелковый ком.

– Ваня, что это?

– Первый блин! Все, Ладка, больше я сам ничего не покупаю. Ты, конечно, красиво смотришься на этой черноте, но спать на ней мне не нравится! Как-то неуютно. Жалко, его нельзя вернуть.

– Ладно, Ванечка, я что-нибудь придумаю, а сегодня куплю нормальное белье.

– Я отвезу тебя сейчас, но вечером забрать не получится. Боюсь, я сегодня буду поздно. Послушай, а давай купим тебе машину. Что ты без колес?

– Нет, Ваня, я не хочу!

– Почему? Ты не водишь?

– Водила. Но после гибели Андрея у меня страх садиться за руль. И всяко на метро быстрее.

– Может, это пройдет?

– Если пройдет, я тебе скажу.

Войдя в свой кабинет, я сразу позвонила Лиде.

– Ну, как ты там? Как твои синяки?

– Дня через три все пройдет. Знаете, я была права. Ну, насчет бабушки. Я ей позвонила, сказала, что на днях вернусь, а она... – Лида всхлипнула, – она говорит, что знать меня не желает. И еще на вас наехала... И на папу.

– А что это ты мне все выкаешь? Мы же договорились.

– Не получается пока. Вы не обижайтесь.

– Да какие там обиды!

– Лада Владимировна, а Анютка с тетей Марусей, да?

– Да. Ей там нравится. Не волнуйся, Лидочка. Все будет хорошо. Только не вздумай возвращаться в свой прежний образ!

– Да что вы, Лада Владимировна! Просто я, видно, не привыкла еще быть такой... Вот уши и развесила, надо же, думаю, внимание на меня обратили... И поплыла. А он... он таким негодяем оказался... Только я не хочу больше о нем говорить.

– И не надо.

– И еще... Вы, если можно, папе про деньги не говорите. Я вам сама отдам. Пожалуйста, не надо!

– Не надо, так не надо! Хотя, по-моему, папу твоего меньше всего волнуют деньги.

– Это правда, – всхлипнула она. – Но я хочу вам сказать... Вы... вы папе очень, очень подходите! Но бабушка... она ни вас, ни меня не простит. Уж поверьте мне. И с ней вам будет трудно.

– Понимаю. Но должен же быть хоть какой-то недостаток у твоего папы.

– Я не знаю, по мне, так нет у него никаких недостатков.

– Ну, я пока один все-таки обнаружила. Ревнивый жутко.

– Да? Значит, любит...

– Все, Лидочка, завтра еще позвоню.

– Лада Владимировна, можно?

Это пришла Александра Ивановна, главный маркетолог.

– Прошу, Александра Ивановна!

– Вот, Лада Владимировна. Зашла поздравить вас с замужеством и еще сказать вам большое спасибо! Я выгнала мужа. И мне стало настолько легче! Как будто из тюрьмы вырвалась! И как будто крылья у меня выросли. Поняла вдруг, что я еще нестарая, что у меня, собственно, все хорошо, что вовсе я не толстая и... Короче, спасибо вам! Я вот вам тут конфеты чудесные принесла! И дай вам Бог счастья в браке!

– Спасибо, спасибо, Александра Ивановна! Я страшно рада, что мои советы вамгодились!

День начался приятно.

А во второй половине дня я отпросилась с работы. Мне необходимо было сделать покупки. В новой квартире не было даже стирального порошка, не говоря уж о постельном белье. Я решила не мотаться из магазина в магазин, а поехать в большой торговый центр, закупить там все необходимое и на такси отвезти домой. Первым делом я отправилась

в кафе, заказала себе кофе и мороженое и решила составить список необходимого. Полезла в сумку за блокнотиком и ручкой. Блокнотик попался сразу, а вот ручка куда-то запропастилась. Ага, вот она! А что это за конверт? Незапечатанный толстый конверт. Деньги! А на конверте надпись: «Свои не трать!» Ну надо же! Я моталась по торговому центру не зря. Два раза сходила в камеру хранения. Позвонил генерал.

– Девчуха, я сегодня вернусь совсем поздно. Я за городом. А ты чем занимаешься?

– Закупаю все необходимое! Кстати, на твои! Спасибо!

– А ты как думала? Свои денежки трать на себя, а жить будем на мои. И это не обсуждается!

– Есть, товарищ генерал!

– Вот так-то лучше, рядовой Гудилина!

– Ну и нахал же вы, генерал! Почему это я рядовой? Я, если хочешь знать, маршал!

Он рассмеялся.

– Права. Для меня ты даже не маршал, а Верховный Главнокомандующий! Но это сугубо между нами! Все, девчуха, мне пора! Сто раз целую! И ты меня не жди, ложись спать! А я изо всех сил буду к тебе стремиться! Пока!

Неужели бывает такое счастье? Я вдруг подумала о Ксюхе. Ей сейчас, похоже, совсем плохо! Она валяется в клинике, одна, никого к себе не подпускает. Лежит, лелеет свои беды, в основном надуманные. Отталкивает самых-самых близких, мужа, сына, маму... Мне даже стало стыдно своего счастья. И я решила: завтра суббота, поеду к ней в клинику, попробую поговорить с ней, попросить прощения, что ли... А что, от меня разве убудет? А Ваня пусть к своей маме едет.

Я решила напоследок заглянуть в бельевого бутик. Выбор тут был очень неплохой. Я купила два прелестных гарнитура: один телесного цвета, а второй сиреневый. И вдруг мой взгляд упал на дивной красоты пеньюар. Снежно-белый, весь в кружевах. Увидев, что я им заинтересовалась, продавщица предложила мне еще два – один розовый, а второй лиловый.

– Примерьте лиловый, вам очень пойдет!

– Я еще и белый примерю, очень уж красивый!

Белый оказался каким-то неудобным, зато лиловый был просто мечта. И права оказалась Элька – лиловый необыкновенно мне шел. Но тут я вспомнила о муже. И сделав селфи в лиловом пеньюаре, отправила его генералу с вопросом: «Я имею право это купить в твое отсутствие?» Ответ пришел мгновенно: «Молодец! Да! Да! Да! Как дожить?»

Ну все, теперь заказать такси, забрать покупки в камере хранения и домой! Ух, как я устала. Пожалуй, я заслужила еще чашку кофе!

Я вошла в другое кафе. Села, заказала айриш. Я ощущала невероятный подъем, несмотря на то, что ноги уже гудели. И вдруг я почувствовала на себе чей-то взгляд. Огляделась. За одним из столиков сидела... экзотка! И смотрела на меня с ненавистью. Только ее мне сейчас не хватало! Она стремительно поднялась, подошла к моему столику и села напротив. Наглая девка!

– Вам что еще от меня надо? – спросила я.

– Да вот, хочу поближе разглядеть вдовицу безутешную.

– Ну, благодаря вам я утешилась куда быстрее... Да и вы я смотрю, тоже не убиты горем, хотя у вас оснований-то убиваться куда больше... Вы вроде бы великую любовь потеряли, а я неверного мужа. Есть разница?

Она не сводила глаз с моей руки.

– Это вы что, опять замуж вышли?

– Представьте себе, вышла!

– И кто ваш муж?

– Это вас не касается. А вы все горюете по Андрею в социальных сетях? Должна заметить, совершенно бесполезное занятие. Или вы так новую жертву ищете, как раньше ловили женихов на кладбищах?

– Ну вы и сука!

– Да! Я сука! Но породистая! А вы мелкая злобная шавка! И уйдите от моего столика. Я вас не звала. Если бы не подошли, я б вам слова не сказала. Охота была вязаться!

Я швырнула на стол деньги и вышла из кафе. Меня трясло. Эта встреча показалась мне вдруг дурным предзнаменованием. И еще я презирала себя за то, что потеряла над собой контроль, унизилась до разговора с этой... Фу, как стыдно! А чего мне, собственно, стыдиться? С какой стати? Я высказала ей все, что о ней думаю! А зачем? Она что, устыдится своего поведения? Да никогда! Просто я облегчила душу, и ладно. Но никакого облегчения я не чувствовала.

Однако дома я с упоением занялась обустройством нашего гнездышка. И в половине одиннадцатого, мертвая от усталости, легла в постель и мгновенно уснула. Проснулась среди ночи и сразу увидела спящего мужа. И задохнулась от счастья. Было темно. Я лежала и слушала его дыхание. Ко всем его бесчисленным достоинствам он еще и не храпит. Чудо в перьях!

В больнице меня к сестре не пустили. Сказали, что она внесла меня

в список тех, кого не нужно пускать. Ну что ж, им виднее.

А в воскресенье утром сказала Ивану, что Лида вернулась.

– Да ты что! Слава Богу! Одумалась, бедная дурочка! Надо маме поскорее сообщить.

– Не надо! Твоя мама знает и не желает иметь с внучкой никаких дел.

– Да ты что! Ну ничего, это поправимо.

– А вот Лида думает иначе.

– Да ерунда! Мама ее обожает!

– А ты в курсе, что твоя мама ставила Лиду в угол на горох?

– Что?

– Да, мне Лида в слезах рассказала, что ей было уже шестнадцать, а бабуля за двойку ее на горох ставила.

– Я не знал... – совершенно растерялся Иван. – Что за ужас! Почему ж она мне не сказала? Я бы пресек!

– Потому что бабка ее запугала. Хотя, бесспорно, по-своему любила внуку, она, видимо, считала, что внучка должна во всем соответствовать папе-герою. Правда, когда Лида поступила в институт, Надежда Мартыновна успокоилась. Да и чего бы не успокоиться, девочка уже была изуродована.

– Господи помилуй!

– Ваня, Лида же красотка и на редкость хорошая добрая девочка. И без ума тебе благодарна, что ты купил ей квартиру. Но вот замуж вышла именно так, как выходят такие вот изуродованные девочки. Им в высшей степени присуща виктимность.

– Виктимность? Что это?

– Они потенциальные жертвы. Этот ее муженек всю этим пользовался. Издевался над ней и, слава Богу, бросил.

– Ладка, какие ужасы ты мне рассказываешь! Я, выходит, проворонил собственную дочь?

– Проворонил. И ведь парень, с которым она удрала, оказался таким же... Но у нее хватило ума от него быстренько слинять. Она умная, наша Лида. И на работе ее очень ценят. Но мы с ней договорились, что теперь потенциальных кавалеров она будет предъявлять мне.

– Это мудро! – засмеялся генерал.

Часть седьмая

Ненависть

Дашу колотило от ненависти. Подумать только, она уже замуж выскочила! И Андрей ее бросать не хотел, и вот еще какой-то мужик поспешил на ней жениться! И что в ней такое есть? Да я в сто раз лучше! И красивее, и моложе, а замуж никак не выйду. В чем дело? Может, дело в том, что она психолог? Хотя какой там психолог? Андрюша говорил, что она сперва филфак МГУ окончила, а вовсе не психфак, а потом только ускоренный курс по психологии прошла, вроде бы она прирожденный психолог... И надо же, заносчивая какая: «Я сука, но зато породистая»! погоди, ты у меня дождешься! Уж я тебе, породистой суке, жизнь-то попорчу! Времени не пожалею, все о тебе разужнаю, и мало тебе не покажется! Вот гадина! Интересно, кого она теперь окрутила? Судя по пакетам, с которыми она сюда заявила, с деньгами у нее все в порядке. С Андрюшей она вроде не работала. А теперь? Все узнаю! И придумаю для тебя, гадины, наказание! Кто это сказал, что месть – блюдо, которое надо подавать холодным? Умный, видать, человек был. А то поспешишь – людей насмешишь... Даша достала планшет и углубилась в социальные сети. Знаю, она там не светится, но я и без того нарою инфу...

Вот уже третий месяц мы живем в съемной квартире. И оба счастливы. Ксюха вышла из больницы, и Сергей увез ее в Крым, где живут его старенькие родители. Со мной она как будто бы примирилась, но я чувствую, что прежних отношений у нас нет и вряд ли будут. Что-то сломалось. При виде моего мужа она заявила: «Роскошный кобель, но старый уже для Ладки. И вообще... военные... в нашей стране это дурной тон»! А мама, уже обожающая нового зятя, так обиделась, что рассказала мне.

– Ладочка, ну что это? Она мозгами тронулась?
– Не без того, мамочка, хотя она всегда была страшной снобкой.
– Знаешь, раньше меня это даже забавляло, а теперь стало раздражать.
– Не надо себя накручивать, мамочка!
– Понимаешь, когда она заявляла, что в Москве не умеют варить кофе, я только смеялась. Но сказать такое про Ивана... Абсурд! Это один из самых нежных и тонких людей. Да, он малообразован в каких-то

областях, но удивительно восприимчив ко всему...

– Мамуля, но ведь снобы видят все в свете своих каких-то застарелых представлений. А сейчас все это у Ксюхи обострилось. Погоди, я думаю, она очухается, – утешала я маму, хотя сама в это не верила.

Лида тоже очень привязалась к моей маме. А вот свекровь словно удила закусилась. Иван попытался было пригласить ее к нам на обед и познакомить с моей мамой, но та ему прямым текстом заявила: «Нет уж, сыночек, я не то что за один стол, я с ними даже срать на одном поле не сяду! Вот тебе весь мой сказ!» Лиду она тоже видеть не желала. Та было привезла к ней Анечку, но бабушка сказала: «Приму, только если поклянешься не видаться с этой отцовой шлюхой!» Лида обиделась, разрыдалась и примчалась к нам.

– Лада, скажи, что это? – рыдала она. – Что ты ей сделала?

– Я? Я отобрала у нее главное сокровище ее жизни, сыночка Ванечку.

– Но она же сначала обрадовалась тебе...

– Со всей дури, – улыбнулась я.

– То есть?

– Да ведь у нас с твоим отцом все как-то сразу, со всей дури. Ночку переночевали, и он уже объявил меня женой, потащил знакомить с мамой, тоже со всей дури. Она и опомниться не успела. И, как мне показалось, приняла меня вполне душевно. А потом Надежда Мартыновна поразмыслила, с подружками покалякала, все меня осудили, видимо, а тут еще и ты сбежала... А кто виноват? Ясное дело, Лада! Но я все же дам тебе совет. Ты ей хотя бы звони, спрашивай, что ей надо, как здоровье, все-таки старуха. Я и папе тоже внушаю. А то он, понимаешь ли, решил посылать ей деньги с водителем. Неправильно это. Пусть хоть на пять минут, но сам заходит. А меня от этого не убудет.

– Ладочка, знаешь, как мне важно, что ты у меня есть. Ты такая умная, все понимаешь.

И еще мы здорово сдружились с Марусей, чему наши мужья несказанно радовались.

Однажды на работе я совершенно случайно подслушала разговор Юльки с одной девушкой из бухгалтерии. Девушка спросила:

– Юль, ты видала, какой вчера на Гудилиной костюмчик был? Зашибись!

– Да ну, я вообще стараюсь на нее не смотреть!

– Почему? – удивилась девушка.

– Ненавижу! Я, Валька, никогда еще никого так не ненавидела!

– Господи, почему? У нас о ней вообще-то хорошо отзываются. Что она тебе сделала?

– Понимаешь, она как пришла... Мне показалось, она меня насквозь видит, я перед ней как будто голая...

– Так ей по штату положено насквозь видеть. А тебе что, есть что скрывать?

– А ты думала?

– И что же это?

– Ну, ты же знаешь...

– Что ты с Яншиным спишь? Так про это все на фирме знают. Или еще что-то есть?

– Да нет. Просто не люблю!

– «Просто не люблю» – это одно, а «люто ненавижу» – это другое! Или она с Яншиным тоже спит?

– Не засекала! Но она на него влияние имеет!

– Ну, если он тебя не бросил, значит, не такое уж большое влияние.

А кстати, ты ее мужа видала?

– Ну, видала. И что?

– Говорят, красавец!

– Да ну... старый уже. Стоп, Валька! Вот говорю тебе... Я не я буду, если Гудилина скоро отсюда не уйдет!

– Зачем тебе?

– Хочу!

– Ты чего задумала?

– Неважно!

В голосе Юльки слышались ликующие нотки. А я, приехав домой, передала этот разговор генералу.

– Так что, Ваня, готовься, скоро тебе начнут поступать сведения о том, что я сплю с Яншиным, а так как ты у меня мужичок ревнивый и чересчур горячий, то я заранее тебя предупреждаю – это выдумки секретутки!

– Скажи, а ты...

– Ваня!

– Ну все, все!

– Ванечка, я хочу объяснить тебе одну штуку. Ты знаешь, почему женщины изменяют своим мужьям?

– Почему?

– Причин бывает много, но чаще всего от неудовлетворенности, сексуальной, моральной... и даже материальной. У меня с этим все в порядке.

– Вот ты сказала – сексуальной, моральной и материальной...

– Да. Именно.

– Ну, сексуальной и материальной более или менее понятно. А вот моральной? Что имеется в виду?

– Ну, если мужчина не любит женщину, не говорит ей хороших слов, женщинам это страшно важно, не уважает ее, не считается с ней...

– Понятно. Но у нас, по-моему, с этим нет проблем? А материально... я же не богатый...

– Но ты и не бедный, кроме того, я тоже зарабатываю, и вообще для меня это не главное.

– И сексуально тоже?

– Вань, побойся Бога! Я из-под тебя еле живая выползаю...
Мой генерал покраснел. С ума сойти!

– Так что спать с Яншиным мне нет ни малейшего резона, заруби себе это на носу, Ванечка!

И действительно, через несколько дней мой прогноз оправдался. Но я даже отдаленно не могла себе представить, в какой форме будет этот донос!

Как-то вечером мы ужинали втроем – к нам приехала мама. Они с Иваном весело болтали.

– Евгения Петровна, вот вы меня по стольким позициям просвещаете, я вам страшно благодарен и чувствую себя обязанным как-то вам ответить...

– Ответить? Не понимаю!

– Ну, как бы это объяснить... Вы вот открыли для меня оперу. Я и в страшном сне не мог подумать, что смогу целый вечер слушать оперу, а ведь смог и даже ловлю жуткий кайф. И вот я решил вас приобщить к совершенно другому кайфу! Я взял билеты на воскресенье... на хоккей! Поверьте, это тоже кайф!

– Ванечка, дорогой вы мой! Я к этому кайфу приобщилась еще в ранней юности!

– Быть не может! Вы никогда не говорили...

– Знаете, какая я была болельщица!

– И за кого же вы болели?

– За «Спартак», понятное дело!

– Да вы что!

– Я, друг мой, помню еще братьев Майоровых и Старшинова! Ах, какие это были хоккеисты! А вы их уже не застали... А Зингер! Какой вратарь! Знаете, когда появился Третьяк, мы не могли не признать, что он гений, но очень страдали из-за Зингера, который уж тогда сходил...

- Ну, Евгения Петровна, не ожидал!
- А вы небось за «Крылья Советов» болели?
- Нет. За ЦСКА!
- Конюшня! – объявила мама, а Иван чуть не лопнул от смеха.

И тут в дверь позвонили.

- Ты кого-то ждешь? – спросила я.

- Нет. Но... Я открою!

Он вышел в прихожую. Оттуда донесся громкий женский голос:

- Вы генерал Столетов?

- Я. А в чем дело?

- А в том, что ваша женушка путается с моим мужем!

- Что? – мгновенно охрип генерал.

- Да, представьте себе!

Я выскочила в прихожую.

Там стояла жена Яншина, совершенно разъяренная.

- А! Вот и ты, сучка! Вон у тебя свой кобель есть, так мой тебе зачем?

Или этот старый, недотраховывает?

- Ваня, не бледней! Это жена Яншина! Я тебя на днях предупреждала, что... Я только не думала, что Юлька будет действовать так сложно!

– Да уж конечно! Предупреждала она! Я вот вам скажу... она моего мужа в койке перевоспитывает! Вы ее уймите, товарищ генерал! Она такая... Всем дает! И даже с племянником своим спит!

- Ты что несешь, задрыга! – крикнула я.

Но тут случилось нечто неожиданное! В дверях прихожей возникла моя мама... со скалкой в руках!

– А ну заткнись, гнида! – не своим голосом заорала мама. – Пошла вон, а то я тебя огрею! И никто мне не помешает! Пошла, пошла! Ладка, звони ее мужу!

Генерал в полном ошалении опустился в кресло. Мадам Яншина при виде мамы со скалкой стала пятиться к двери, а мама все наступала на нее.

А я и в самом деле позвонила Яншину.

– Ну вот что, Юра! Если ты не уймешь своих баб, я подаю заявление об уходе!

- Лада, что случилось?

– А твоя супружница сейчас ворвалась в мой дом, стала обвинять меня во всех смертных грехах, но, главное, в романе с тобой! И все это она кричала в лицо моему мужу!

- Быть не может!

– Еще как может!

– И он ее не пришиб?

– Это, Юра, твоя прерогатива! Но моя мама скалкой ее выгнала.

– Скалкой? – истерически захохотал Яншин. – Наконец-то! Ладка, прости, давай поговорим завтра на работе. Прямо с утра ко мне!

– Не забудь предупредить свою секретутку. Все!

И вдруг мой генерал начал хохотать.

– Вань, ты чего?

– Евгения Петровна, я умирать буду, не забуду, как вы со скалкой на нее кинулись! Красота! Знаете, что мне это напомнило? Я когда-то в тундре видел, как полярная гусыня кинулась на песца, который хотел уволочь ее гусенка. Я вас обожаю, Евгения Петровна!

– А вы, генерал, сплеховали! Вы вели себя не как полярный гусь, а как страус!

– Виноват! Но я как-то не умею участвовать в женских разборках. В мужских я понимаю – надо бить морду, но с женщинами...

– А я вас научу, Иванко! Если еще какая-то тварь посмеет в вашем присутствии оскорблять вашу жену, вы обязаны непререкаемым тоном заявить, что не желаете слушать гадости о жене, и выгнать скандалистку вон, при этом не теряя хладнокровия! А уж потом наедине разбирайтесь с женой! Вот это будет нормально, по-мужски. И тогда вашей теще не придется изображать полярную гусыню! Ладка, ты чего? Ваня, она сейчас упадет!

Генерал кинулся ко мне. И вовремя, я ухватилась за него, чтобы не упасть.

– Девчуха, что с тобой? Я вызову «скорую»!

– Не надо! Дай мне рюмку водки! И все пройдет!

– Евгения Петровна!

– Дайте ей водки! – распорядилась мама.

Я одним глотком выпила водку, и мне стало легче.

– А вообще-то, Евгения Петровна, если б вы со скалкой не выскочили, я бы и сам ее вышвырнул...

– Да ладно, ты растерялся, Ванечка.

– Растерялся, факт, но в другой раз уже не растеряюсь, будьте уверены. И знаете, что мне нужно? Я сейчас сфотографирую вас со скалкой, на память!

Он взял телефон, а мама приняла весьма воинственную позу, и он ее сфотографировал.

– Ну вот что, давайте пить чай! Нам всем надо успокоиться, – заявила

мама.

– Лада, ты больше в этой конторе работать не будешь! И это не обсуждается!

– Нет, Ваня, это обсуждается! Ты предлагаешь мне сдать? Отступить под натиском злобных идиотов? Юлька задалась целью меня выжить, и я допущу, чтобы она победила? Ты меня не знаешь, Ванечка! Я настоящий индеец, запомни это!

– Что вы, бабы, со мной делаете! – рассмеялся он. – Первый раз в жизни кто-то решился сказать мне – это обсуждается! Обалдеть! Вот взяли власть над российским генералом!

– Иван Тимофеевич, я надеюсь, этот бред насчет Павлушки вы всерьез не приняли?

– Да нет, конечно. Я, Евгения Петровна, так люблю вашу дочь, что чувствую ее... любую маленькую ложь... Она вам не рассказывала насчет китайского халата?

– Рассказывала, как же... Да, это впечатляет! Ох, дети мои, дай Бог, чтобы все ваши неприятности кончались так, как эта. Фу, но я от этого танца полярной гусыни так устала... Ваня, вызовите мне такси!

Иван проводил маму до машины.

– Ну и женушка у твоего шефа, улет! Девчуха, а ты чего это нос повесила? Я тебя разочаровал?

– Что ты, Ванечка, я так тебя люблю! Но что-то в последнее время вокруг меня столько ненависти...

– Ну, сейчас такое тревожное время вообще...

– Нет, я имела в виду ненависть, направленную на меня лично. Юлька, эта задрыга, твоя мать, а еще я недавно столкнулась в торговом центре с девицей, которая отбивала у меня мужа.

– Так это ты вроде должна была бы ее ненавидеть?

– Да нет у меня ненависти. У меня, Ваня, такая любовь... Видно, за это они меня и ненавидят. Хотя Юлька и эта... они меня возненавидели еще до твоего появления.

– Да забей ты на них! Подумаешь! Их трое, а сколько людей тебя любят!

– О, я еще сестру забыла...

– Но с сестрой вроде все наладилось?

– Нет. Это вооруженный нейтралитет. Причем вооруженный только с одной стороны. У меня нет к ней никаких дурных чувств.

– И ты завтра пойдешь на работу?

– Конечно! А как же! Такого подарка я им не сделаю!

– Ну да. Ты же... – он погладил меня по голове. – Ты моя... Шашин Маленькое Перо!

– Шашин Маленькое Перо? Это откуда?

– Понимаешь, я когда валялся в госпитале первый раз, там была уйма каких-то старых журналов. И я вычитал, что Марлон Брандо отказался от «Оскара» из-за притеснения индейцев и вместо себя прислал на церемонию индейскую девушку. Ее звали Шашин Маленькое Перо. И я запомнил. Почему-то запомнил.

– Надо же!

...При виде меня Юлька побледнела, потом залилась краской.

– Шеф вас ждет!

– Ладка, ты прости. Все! Я развожусь! Не могу больше! Слушай, а как она узнала твой адрес?

– Спроси у нее или у секретарши.

– Секретаршу я тоже предупредил, чтобы подала по собственному. Ко мне вчера явился Поздняков.

– И что?

– Ты как в воду глядела. Она тут шпионила. Сообщала конкурентам, с кем мы собираемся заключать контракты, и в последнее время у нас сорвалось несколько выгодных сделок. Поздняков копнул в этом направлении и обнаружил... Я, Ладка, самый большой идиот в мире! По крайней мере в том, что касается баб.

– А почему ж она еще тут?

– Так надо же новую найти, ну и чтоб отработала положенные две недели. Хотя мне уже тошно на нее глядеть.

– Так возмести ей материальный урон, и пусть гуляет. Может ведь напакостить на прощание.

– А работать пока тут кто будет?

– А кто у тебя работал, когда она брала отпуск?

– Да тетка одна из финансового отдела. А это хорошая мысль. У меня совсем мозги стухли.

– Сколько лет тетке?

– Лет пятьдесят.

– Толковая?

– Вполне! Ладка, тебе цены нет! Ты ж в первый день меня предупреждала... А я, идиот, не повелся. И потерял кучу бабок!

– Зато спал с красоткой! Это всегда стоит денег, если без любви.

– Да где она, любовь? Не бывает ее.

– Бывает, поверь мне, Юра!
– Это типа у тебя с генералом любовь?
– Любовь, еще какая. Только, Юра, эта любовь почему-то возбудила вокруг столько ненависти... Хотя нет, вру. Это я, моя персона возбуждает какую-то дикую ненависть, и я не понимаю, почему. Я никому не желаю зла.

– А я, кажется, понимаю, почему.
– И почему же?
– Потому что ты... очень независимая, самодостаточная, всегда со своим мнением, людям это, как правило, не нравится. И ты сильная. Ну и красивая, конечно. Все вместе вызывает жгучую зависть и даже страх.

– Страх? Почему?
– Это-то как раз понятнее всего. Ты же проницательная, людей насквозь видишь. Это многим не нравится.

– Да ну... насквозь я не вижу. Знаешь, какого маху со свекровью дала?
– И на старушку бывает прорушка! А я вот тебя сильно уважаю, Ладка! Ты подумай, я ведь Юльку защищал еще... А она спала со мной и за моей спиной с моей супружницей козни строила. Что это за люди? Да это нелюдь!

Я молча развела руками.
– А тобой я доволен! От тебя на фирме много толку.
– А мой муж вчера потребовал, чтобы я уволилась.
– Не вздумай! Слушай, а познакомь меня с мужем! Я ему предметно разьясню, какой ты для нас ценный кадр. Ну и вообще, у меня на фирме его жена и дочка трудятся, пусть знает, что я нормальный.
– Хорошо, мне эта идея нравится. Обязательно устроим что-нибудь.
– Он у тебя выпить может?
– Вполне!
– Вот и славненько!

А вечером вдруг выяснилось, что объявлена внезапная проверка боеготовности вооруженных сил, и моему генералу пришлось срочно отбыть. Куда, мне не сказали.

– Ванечка, это надолго?
– Минимум на неделю. И не волнуйся, если вдруг пропаду на день-два. Это в порядке вещей.
– А Миша с тобой?
– Да куда он денется!
– Здорово! Вот мы с Марусей оторвемся!

Я даже не думала, что буду так скучать по нему! С Марусей мы сходили в театр, в кафе, потом в кино. Она замечательно на меня действовала. Я как-то успокаивалась рядом с ней. И мы столько смеялись!

Как-то вечером мне вдруг позвонил Егор.

– Привет! Ты уже настоящая генеральша?

– Самая настоящая! – обрадовалась я.

– Где живешь теперь? Квартиру купила?

– Да нет пока. Снимаем!

– А генерал что, свою квартиру экс-генеральше оставил?

– Нет. Маме своей.

– Не срослось со свекровью?

– Категорически!

– А с Марией Афанасьевной тогда как прошло?

– Там все спокойно. Хорошо поговорили и расстались вполне мирно.

А с квартирой твоя риелторша все никак не справляется. По-моему, она какая-то отмороженная.

– О нет! Просто она супер осторожная. Проверяет все сверхдосконально. Ладка, а давай шашлыков поедим? Завтра выходной, а?

– А генерала не боишься?

– А он разве не на маневрах?

– А ты почему знаешь?

– Я не знаю. Я просто предположил. Ну так как?

– Давай! Только днем.

Даша уже решила, что ее затея провалилась. Эта гнусная Лада, похоже, никак не проколется. Генерал уехал, а она встречалась только с мамашей и еще с какой-то теткой. Театр, кино, кафешка, и никаких мужиков. Придется, видно, что-то придумать. Вот послежу за ней еще сегодня, и все! От бесплодности ожиданий она еще пуще ненавидела Ладу. И вдруг! Дашу словно что-то толкнуло! К подъезду подкатил темно-синий джип «Субару». Из него вылез просто роскошный мужик. Красивый, высокий, молодой. И тут же из подъезда выскочила эта сучка, нарядная, веселая. А мужик схватил ее, поднял, она его обняла, чмокнула, он подкинул ее со смехом и осторожненько поставил на землю. Потом они сели в машину. Причем он так галантно открыл ей дверцу, посадил, пристегнул ремнем безопасности, захлопнул дверцу. Даша все это снимала на видеокамеру. Кажется, тут будет пожива! Интересно, куда они поедут? Джип вырулил

со двора, и малютка «Мицубиси» Даши двинулась за ним.

Они подъехали к ресторану. Даша видела, что мужик подошел к паркомату с телефоном в руках. А Лада куда-то делась. Вероятно, вошла в ресторан. Этот момент Даша пропустила. И вдруг кто-то постучал ей в стекло. Она вздрогнула. Лада! Даша открыла окно.

– Ну, чего смотришь? – спросила Лада. – Думаешь, я не заметила, что ты за мной следишь? Зачем, интересно? Хочешь добыть компромат? Не выйдет!

– Я уже добыла! – пролепетала Даша.

– Да твоему компромату грош цена! Мой муж сейчас вне зоны доступа. К тому же он в курсе, что я встречаюсь сегодня со старым другом. Так что ты зря столько сил и времени угробила! И не лень тебе? Неужто отпуск взяла, чтобы за мной следить? До чего же ты наглая и самоуверенная! Брось ты эту затею и оставь меня в покое! Ничего у тебя не выйдет! Займись лучше своей личной жизнью, авось найдешь дурака, пока твоя гнусная сущность на рожу не вылезла. С годами это все вылезет! И злоба, и зависть. Прислушайся к совету, и желаю счастья!

Лада повернулась на каблуках и пошла к ресторану. Даша сидела, онемев от злости. Эта баба говорила с ней так спокойно, так презрительно и... но, главное, спокойно! Это больше всего взбесило Дашу. Ах, гадина, ну погоди, ты у меня дождешься! Я тебя достану! Мало не покажется! Но мы пойдем другим путем!

И она уехала.

– Лада, в чем дело? Что с тобой? – спросил Егор, когда она села за столик.

– Да я уж сколько дней замечаю, что эта Андрюшина девка меня выслеживает.

– Господи! Зачем ей это?

– А зачем она приперлась на сороковины? От злости и глупости! И как Андрей мог с такой связаться? Хотя она, конечно, здорово красивая.

– И все-таки я не понимаю...

– Чего ты не понимаешь?

– Зачем ей это?

– Да ну ее к черту! Не хочу я в этом копаться, противно.

– Правда! А скажи... Я, наверное, глупость спрошу. Ты счастлива со своим генералом?

– Счастлива, Егорушка, как последняя дура. Я даже не думала, что способна на такое... Я всегда терпеть не могла гладить.

– И вдруг любила? – засмеялся он.

– Да! Я тут на днях глажу его рубашки и вдруг ловлю себя на том, что мне это доставляет удовольствие. И глажу я не кое-как, а стараюсь как ненормальная. Видал дуру?

– А в прачечную отдать не пробовала?

– Даже подумать об этом не могу!

– Да, это круто! Скажи, а как мой халатик, впечатлил твоего любимого?

– Еще как! В клочья порвал! Чую, говорит, за этим мужика!

– Обалдеть! Да, Ладка, кажется, у вас и впрямь любовь. Надо же... Даже завидно! С ума сойти, передо мной абсолютно счастливая женщина?

– Нет, Егорушка, не абсолютно. Видимо, для поддержания равновесия в природе, вокруг меня вдруг образовалось такое количество ненависти...

– Ненависти? И кто кого ненавидит?

– Меня! На работе была одна девица, а еще жена моего начальника. Свекровь люто меня ненавидит, эта экзотка, сестра... Вероятно, есть еще кто-то... И знаешь, когда я сегодня вдруг это поняла, мне стало как-то очень хреново. Когда Иван со мной, я это не ощущаю, а когда его нет... На меня это давит. И как бы не раздавило совсем.

– Ладка, тебе надо выпить! Я за рулем, а ты выпей.

– Не поможет! Проверено!

– Тогда проведи калькуляцию! Ты же психолог!

– Какую калькуляцию?

– Ты тут перечислила всех, кто тебя не любит! А теперь перечисли всех, кто тебя, наоборот, любит! Начни со своего генерала, его дочки, меня тоже посчитай.

– Да, еще его друзья, Миша и Маруся, они меня полюбили. Мама! Это все так, но...

– Признайся, ты боишься, что эта, как ты ее называешь, экзотка сообщит генералу о нашей встрече?

– Нет. Я ему сама расскажу. Просто мне как-то нехорошо...

– Физически?

– Да нет. Морально. Я никогда не сталкивалась с таким количеством ненависти.

– Я думаю, тут дело в другом. Просто в обществе сейчас так все накалено, и вокруг столько ненависти вообще, что это на тебя действует вкуче с твоими личными переживаниями.

– О, Егор, это мудро! Может быть... Я подумаю над этим... Спасибо, друг!

Слежки за собой я больше не замечала.

Генерал вернулся, пробыл в Москве три дня, и его снова вызвали.

– Девчуха, я так скучаю! Вроде и некогда, а червячок точит...

– Скучаешь или ревнуешь?

– А как тут различить? Есть и этот момент! Хотя Мишка мне как-то вечером сказал: «Дурак ты, Ваня, твоя Лада любит тебя без ума!» И мне так захотелось поверить. Хотя было трудно. Я тут получил один ролик...

– Это с Егором? – насторожилась я.

– Ну, я не знаю... – побледнел Иван.

– Я все тебе объясню.

И объяснила.

– Знаешь, девчуха, я в первый момент просто озверел...

– А во второй?

– Попытался рассуждать здраво. И подумал: если кто-то шлет мне такое... значит, хочет меня с моей девчухой поссорить. И еще... в этих кадрах, собственно, нет никакого криминала. Ты ж сама мне рассказывала, что этот Егор всегда тебя поднимает вверх, чтобы ты его чмокнула, а ты ему говоришь: «Приземли меня!»

– Ванечка, любимый, какой прогресс! Я обожаю тебя.

– Ну, подожди меня хвалить, ночь-то я все равно промучился.

Господи, как ребенок малый!

– И вот я еще что придумал – у тебя скоро день рождения!

– И что?

– Давай отметим это событие. Позовем гостей и в том числе этого Егора. Я с ним познакомлюсь...

– Прекрасная идея! Мне очень нравится!

– Только отмечать будем в ресторане, не хочу, чтобы ты возилась в свой праздник!

– Ванечка, мне очень нравится эта история! А кого еще позовем?

– Ну, прежде всего твою маму, Пашку, Мишку с Марусей, Лидушку, Егора... Ну и кого ты сочтешь нужным...

– А как быть с твоей мамой?

– Да она же не захочет. Вон, даже с Лидой не желает общаться. Скажи, а ты чего такая бледная?

– Да не знаю.

– Ты нормально себя чувствуешь?

– Абсолютно! А вот скажи, не может так случиться, что вас с Мишей опять куда-то ушлют как раз в день рождения?

– Надеюсь, нет. Ну, в крайнем случае, перенесем. Все-таки не свадьба.

И он снова улетел.

А я позвонила маме – обсудить предстоящий праздник. Меня почему-то очень грела эта идея.

– Мамочка, а как быть с Ксюхой?

– Так она же в Крыму. А Сережу позови. Пусть он ей потом расскажет. Он ведь к ней раз в две недели мотается. С ним она примирилась. Дай Бог и с тобой примирится. В отрыве от своего гуру она мало-помалу приходит в себя. И, знаешь что, я бы на твоём месте все-таки попыталась пригласить свекровь.

– Ох, мама!

– Ладочка, детка моя, ну она же старая, одинокая и наверняка очень несчастная. Сделай хотя бы попытку. Позвони ей сегодня, предупреди, пусть подумает.

Я растерялась. И решила позвонить Марусе, она все-таки лучше знает мою свекровь. И не любит ее. Что она скажет? Маруся мудрая женщина.

– Знаешь, Ладка, для очистки совести я бы все же позвонила. Ну а на нет и суда нет. Я-то уверена, что она тебя пошлет далеко и надолго, но твоя совесть будет чиста.

– А может, лучше, чтобы Ваня позвонил?

– Нет. Твой день рождения. И вот что – давай подваливай ко мне, от меня и позвонишь, тебе легче будет, если тебя пошлют.

– Маруся, какая ты мудрая! Еду!

Маруся сперва напоила меня чаем с кизилковым вареньем, которого я до нее как-то никогда не пробовала, а теперь полюбила со страстью.

– Ну вот, а теперь звони! – потребовала она.

Свекровь мгновенно сняла трубку.

– Слушаю!

– Надежда Мартыновна, здравствуйте, это Лада!

– Чего звонишь, потаскуха?

– Я хотела пригласить вас на свой день рождения, он будет в следующую субботу. Приходите, познакомьтесь с моей мамой. И вообще, будет хорошо. Миша с Марусей тоже будут.

Она молчала. Мне показалось это добрым предзнаменованием.

– Да пошла ты на... Знать не желаю ни тебя, ни твою мамашу! Никогда с вами за один стол не сяду! Будьте вы прокляты, паскуды!

И она швырнула трубку. Телефон был включен на громкую связь, и Маруся все слышала.

– Все, Ладка, забудь! Совесть твоя чиста, хочет она упиваться своей злобой, пусть!

– Ну да... Но все равно неприятно!

– Плюнь и разотри! Как говорится, была бы честь предложена. Слушай, у меня есть клевый диск «Хора Турецкого». Такой кайф! Давай посмотрим?

– А давай!

Мало-помалу я успокоилась. Моя совесть и впрямь чиста.

Иван сообщил, что они с Мишей вернутся в пятницу поздно вечером или, на худой конец, в субботу рано утром. Спрашивал, заказала ли я ресторан, написал, как он меня любит. И просит надеть красный костюм. Я ответила: «Ванечка, я хочу на своем дне рождения потанцевать, а в красном костюме слишком узкая юбка!» Он в ответ: «Согласен! Первый танец мой, хотя я не умею танцевать! А платьице пусть будет любое. Я мечтаю поскорее его с тебя снять!»

Накануне мы с Марусей, наконец, выбрались к Эльке в салон. И Элька сотворила свое очередное чудо. Маруся помолодела лет на десять и невероятно похорошела.

– Ой, мамочки! Что ж это делается! Это что, я, Маруська Устюжанина? Мать двоих взрослых детей? Быть такого не может! Да муж меня просто не узнает! Эля, вы волшебница! Нет, ну бывает же такое!

Я тоже была довольна, впрочем, как всегда.

– Вот что, дамы! У вас там свободного полковника или на крайняк подполковника не заваялось? – со смехом спросила Элька. – Я уже Ладке говорила...

Маруся задумалась.

– Я попробую, есть на примете один вдовец...

– В каком чине? – деловито осведомилась Элька.

– Полковник.

– Не очень страшный?

– Да вполне. Я пошурую...

– Вот-вот, пошуруйте!

– Эль, а может, придешь завтра на день рождения?

– Завтра? Нет, не смогу! В театр пригласили. Один штатский! В смысле гражданский!

– Поняла! И спасибо тебе!

Когда мы вышли от Эльки, Маруся была как пьяная.

– Ладка, я хочу новое платье! Ты мне поможешь выбрать?

– Не вопрос! Я, пожалуй, тоже куплю себе обновку. Сегодня обнаружила в кармане сумки конвертик от Вани. С надписью «На новое платье!». Он почему-то всегда говорит «платьице». А мне нравится! Мне еще жутко нравится смотреть, как он бреется опасной бритвой. Это так сексуально.

– Да тебе все в нем нравится!

– Это правда! Я каждую морщинку его люблю!

Маруся была за рулем, и мы долго мотались по магазинам. В результате Марусе купили роскошное черное платье, а мне цвета спелой сливы.

– Ладка, какие мы с тобой шикарные стали! Ты-то всегда шикарная, но и я сейчас не хуже! Скажи, а?

– Да мы с тобой просто зашибись! Пошли по этому случаю мороженого поедим!

– И кофейку выпьем, и про наших мужиков поговорим!

– Годится!

После мороженого мы слопали еще по куску шоколадного торта.

– Во разврат! – веселилась Маруся. – Знаешь, как мне еще с Мишкой повезло? Он мне всегда говорит, когда я начинаю дергаться по поводу лишних килограммов: «Лишний килограмм моей Маруси – это на один килограмм больше счастья!» Вот!

Я начала хохотать.

– Ты чего?

– А мне Ваня недавно сказал: «Любимая, хорошо бы тебе немножко поправиться. Чтобы моего счастья было на несколько килограммов побольше!» Наверное, у Миши подслушал!

– Мог и сам сообразить, невелика премудрость! – хохотала Маруся. – Как же я рада, Ладка, что Иван на тебе женился и у меня такая подружка появилась! А то как детки-то разлетелись, мне в Москве скучновато стало. А с такой подружкой совсем другая жизнь. Погоди, эсэмэска пришла. – Она достала свой смартфон. – От Мишки. Задерживаются они. Будут только утром.

Тут и мне пришло аналогичное сообщение.

...Я проснулась в шесть утра, словно от толчка. И тут же услышала, как открывается входная дверь. Прилетел! Я притворилась, что сплю. Он на цыпочках подошел к кровати, поставил на пол какой-то красивый пакет. Подарок, наверное. Потом замер, глядя на меня. В его взгляде читалась такая любовь... Но тут он наклонился и поцеловал большой палец на ноге, которую я вечно выпрастываю из-под одеяла. Я задохнулась

от любви.

– Ванечка! Приехал!

Я рванулась к нему, но он меня отстранил.

– Я сперва в душ! Поздравляю, любимая. Посмотри в пакете подарки!

И он побежал в ванную. А я схватила пакет. Там была какая-то коробка и что-то мягкое. Первым делом я вытащила это мягкое... Господи ты боже мой! Это был... китайский халат, такой же, как тот, порванный, только немного другой расцветки! И где он его добыл? Пожалуй, эта расцветка нравилась мне даже больше... Я тут же напялила его на себя. Ну надо же! Интересно, а что в коробке? Это была шкатулка, тоже явно китайская, из черного лака с перламутром. На крышке были изображены камыши и стрекоза над ними. Фантастически красиво! А в шкатулке – нитка жемчуга.

– Ваня! – заорала я. – Кончай с гигиеной! Иди сюда немедленно!

– Что случилось?

Одна щека у него была уже выбрита, а вторая еще в пене. И в руках бритва.

– Ванечка! Любимый, как тебе это удалось?

– Постой, дай бритву хоть положу! Оценила?

– Ваня! У меня нет слов! Но как?

– Сейчас добреюсь и все расскажу. Это не обсуждается! А ты марш в постель!

– Есть!

Все объяснить он смог только часа через полтора.

– А теперь рассказывай!

– Понимаешь, я тогда... ну... в Питере еще, спрятал бирочку от того халата. На всякий случай! А тут как раз командировка в Китай! Я показал тамошним товарищам эту бирку, ну, меня и отвезли в тот магазин.

– Ты был в Шанхае?

– Нет. В Пекине. Но там оказался такой же магазин. Красота невероятная. И шкатулку я тоже там купил. Вместе с бусами... Мне сказали, что так правильно... Это жемчуг, вроде бы настоящий... Нравится?

– Ванечка, это чудо! Нет, чудо – это ты!

– А ты... ты немножко подстриглась, да?

– Да! Вот ты сегодня увидишь, что моя Элька с Марусей сотворила! Вань, а почему ты не сказал, что в Китай летишь?

– Военная тайна! – засмеялся он. – Ты разве не заметила, я редко говорю, куда именно лечу.

- Поняла. А тебе китайская кухня понравилась?
- Не очень. Не мое! Скажи, а к которому часу нам в ресторан?
- К шести. Гости званы к половине седьмого.
- Ох, хорошо! Девчуха, я посплю немножко. Вымотался страшно.

А ты полежи рядом. Хотя бы пока я не засну.

Он обнял меня, нашептывая что-то невнятно-нежное, и вскоре уснул.

А мне вдруг стало так страшно! Если с ним что-то случится, я не смогу жить. И появилось сосущее чувство тревоги. Что-то плохое будет. С нами. Но мы же с ним индейцы. Странно... Я ведь Андрея любила. Но никакого предчувствия беды у меня тогда не было. Может, просто обжегшись на молоке... Да, скорее всего. Нельзя, ни в коем случае нельзя поддаваться подобным настроениям. Еще накличешь, не дай Бог.

– Это новое платье?

– Да. Ты же оставил мне деньги. Я, правда, и сама бы купила. Но смотри, как сюда подошел жемчуг!

– У тебя очень... изысканный вид. Я тобой горжусь!

Первой в ресторан явилась Лида. Выглядела она очаровательно. В прелестном зеленом платье с пышной юбкой, умело подкрашенная, причесанная.

– Была сегодня у Эльки? – шепнула я.

– Конечно!

– Боже, какая у меня дочка красавица! – просиял Иван.

– Папа! Ты просто супер герой! Ты мне в штатском больше нравишься.

Я почему-то, когда ты в форме, тебя побаиваюсь.

– Господи, почему?

– Бабушка всегда твердила – твой отец большой человек, командир, а ты ведешь себя черт-те как! Что ты большой, я тогда понимала буквально, а вот слово «командир» меня ужасно пугало.

– Умывальников начальник и мочалок командир, да? – сообразила я.

– Да, наверное! – обрадовалась Лида. – Я выросла, а этот детский страх остался. Я сегодня звонила бабушке.

– И что?

– Матом ругалась. И вообще... Не то что меня, а даже Анютку знать не хочет.

– Ну куда это годится... – огорчился генерал. – Лад, что с этим делать?

– Ничего. Прежде всего, Лида, ты не вини себя. Ты взрослая женщина, мать, ты сама вправе распорядиться своей жизнью, а от ошибок никто не застрахован. А бабушка со временем одумается.

Лида вдруг обняла меня, поцеловала.

– Папочка, как нам с тобой повезло! О, а вот и Евгения Петровна с Пашкой!

Вместе с ними приехал и Сергей. И почти сразу возник Егор.

– Дорогие мои, позвольте вам представить, это Егор Иваницкий, мой старый друг!

Я видела, что Иван напрягся. Они обменялись рукопожатием. Посмотрели в глаза друг другу и улыбнулись.

– Поздравляю, Иван Тимофеевич.

– Так день рождения не у меня.

– Я вас поздравляю с тем, что вам очень крупно повезло с женой!

– Это правда! – просиял Иван.

В руках у Егора был уже знакомый пакет. Китайский! Заметив это, Иван улыбнулся.

– Надеюсь, это не халат? – спросил он тихо.

– На грабли наступать не люблю! – заявил Егор со смехом. – Ладочка, достань!

И я достала оттуда... черную лаковую шкатулку с перламутром. Только эта была чуть побольше и на ней были цветы и бабочка. Иван расхохотался.

– Похоже, Егор, у нас с вами очень совпадают вкусы! Дело в том, что я привез жене такую же, только там стрекозка летает, а у вас бабочка.

И оба начали хохотать как сумасшедшие.

– Супер, господин генерал. Я так полагаю, что и халатик вы восстановили, а?

– А как же!

– Согласитесь, Иван Тимофеевич, что в данном случае я первым проложил маршрут? Берете меня в штурманы, командир? Ох, а это что за красавица?

– А это моя дочь, Лида.

Надо было видеть, как вспыхнула и просияла Лида!

– Господин генерал, а вы позволите мне поухаживать за вашей дочерью?

– Моя дочь уже большая девочка. Ухаживайте, если она не возражает!

Она не возражала, только страшно смутилась.

– Тетка, родная! – пробился ко мне Пашка. – Поздравляю тебя, ну и все такое... И вот тебе мой индейский подарок! От индейца индейцу!

– Что это?

– Погляди!

Я заглянула в пакет. Там был... индейский головной убор из перьев.

– Пашка! Дай я тебя поцелую! Прелесть какая!
Тут явились Устюжанины. Миша сиял как начищенный самовар!
– Это что, Маруська? – закричал Иван. – С ума сойти!
– Тетя Маруся! Вы у Эли побывали? – воскликнула Лида. –
Как здорово! Я предлагаю первым делом выпить за Элю. Ведь если бы
не ее искусство, сегодняшнего праздника могло бы и не быть!
– Кто такая Эля? – поинтересовался Сергей.
Ему объяснили.
– Лидка, твое логическое построение не выдерживает критики! –
со смехом заявил Пашка. – Первопричиной всего этого была вовсе не Лада,
а я! Посему предлагаю сначала выпить за меня!
Было так хорошо, так уютно и весело!
– Ладоска, ты счастлива?
– Кажется, да. Ой, мама, ты знаешь, Ваня повесил над дверью твою
фотографию со скалкой! В рамочке!
– Зачем это? – рассмеялась мама.
– Говорит, чтобы всегда помнить, как надо кидаться на защиту
близких!
– С ума сойти!
В этот момент зазвонил мой телефон. Номер был незнакомый.
– Алло!
– Лада?
Я сразу узнала голос свекрови.
– Да, Надежда Мартыновна!
Неужто одумалась? Иван вопросительно взглянул на меня.
– Будь ты проклята, окаянная! Все у меня отняла, сына, внучку,
правнучку! Не будет тебе от меня прощения! И скорее бы ты сдохла!
Мне стало дурно.
– Что? Что она тебе сказала?
– Пожелала скорее сдохнуть. И прокляла. Ванечка, что же это?
– Быть не может!
– Разве я такое придумаю?
– Девчуха, не бери в голову! Чепуха все это! Старая она, плохо ей,
одинок, вот и лепит невесть что. Забудь, ты же умница, все понимаешь.
Забудь! У нас тут так хорошо, все тебя любят, все тебе добра желают.
Его ласковый голос всегда действует на меня как мощный
транквилизатор. Через несколько минут я пришла в себя.
– Потанцуем? Ты же мечтала танцевать?
Генерал танцевал из рук вон плохо, но мне все равно было приятно

топтаться с ним под музыку.

– Вань, а в академии, вас что, танцевать не учили?

– Нет, – улыбнулся он, – не до того тогда было. Ну, хватит, я тебе еще не все ноги оттоптал?

– Ни разу даже не наступил! Ты способный, Ванечка!

Мы вернулись к столу. Я выпила, и меня отпустило. В конце концов, я же настоящий индеец!

И вдруг я увидела, что к нашему столу направляется... экзотка! Потрясающе красивая, нарядная, с победительной улыбкой на устах. Что еще она затеяла?

– Простите, генерал, – обратилась она к Ивану. – Могу я пригласить вас на танец?

Иван растерялся.

– Извините, девушка, но...

– Ваня, российский офицер не может отказать даме в таком пустяке! – Я сама слышала, как у меня звенит голос. – Потанцуй с девушкой! Она обожает за мной подъедать!

Экзотка вспыхнула.

– Ты еще об этом пожалеешь! – прошипела она и исчезла.

– Что это? Кто она?

– Это что, Андреева девка? – догадалась мама.

– Да! Это она, Ванечка, прислала тебе ролик. Она следила за мной...

– Но ты зря так сказала. Понимаю, тебя захлестнуло... Бедная моя девочка... Ох, как ты побледнела! – встревожилась мама.

– Девчуха, успокойся! Я не дам тебя в обиду!

Я вдруг не сдержалась и заревела, уткнувшись носом ему в грудь.

– Ванечка, они меня ненавидят... И мне плохо, мне так плохо...

Ко мне подскочила Маруся.

– Пошли, умоешься холодной водичкой, сразу легче станет, пошли-пошли, а может, проблюешься, совсем хорошо.

Она обняла меня за плечи.

– Ваня, скоро верну тебе жену!

В туалете Маруся поставила меня у раковины, пустила холодную воду.

– Ой, как вода зажурчала, мне приспичило! Давай сама!

И она скрылась в кабинке. Едва я успела плеснуть себе в лицо холодной водой, как вдруг из второй кабинки выскочила разъяренная экзотка. Она схватила меня за горло и принялась душить. И больше я ничего не помню.

Эпилог

Я очнулась в больничной палате. Рядом сидела заплаканная мама.

– Очнулась? Ну слава Богу! Девочка моя, как ты?

– Да вроде ничего? А что со мной случилось, мамочка?

– На тебя напала эта девушка Андрея. Она была совсем пьяная. Если бы не Маруся, не знаю, что бы и было... Ну, она тебе сама расскажет. Она тут дежурит. Ты два дня была без сознания.

– А Ваня где?

– Везде! Всех на уши поставил. Ты, моя дорогая, не где-нибудь лежишь, а в военном госпитале. Тут замечательные врачи, говорят. И какой-то Ванин друг заведует отделением.

– Мама, а почему у меня на голове повязка?

– Ты головой ударилась, когда упала. Надо Марусе сказать, что ты очнулась.

Мама вышла из палаты и тут же вернулась с Марусей. Та была вся зареванная.

– Ладка, очнулась! Ну слава Богу! – Она мелко-мелко крестила меня. – Ну и напугались мы! А Ваня... Вот что значит настоящий командир! Не растерялся, подхватил тебя на руки, Пашкин папа был за рулем, и они повезли тебя сюда! Я за ними увязалась. А Евгению Петровну Пашка на такси доставил.

– Да скажи мне толком, что там случилось?

– А ты не помнишь?

– Вроде она меня стала душить...

– Ага! А там же все слышно! Ты захрипела. Я вылетела со спущенными трусами, как была! Гляжу, а эта тебя душит, я ее за волосы схватила, а она, тварь такая, вцепилась мертвой хваткой, ну я ее за руку укусила! Она взвизгнула и выпустила тебя, а ты уже, видно, без сознания была, упала и головой стукнулась, а она еще тебя ногой изо всех сил двинула... А я в трусах своих запуталась, не успела ее схватить! Только заорала что было мочи! Ее и заловили.

– А трусы-то подобрала?

– Да где там! Так без трусов сюда и мотанула! Не до того было! А эта тварюга в полиции.

Мама смотрела на Марусю с такой нежностью.

– А где все-таки Ваня?

– К врачу пошел, тот ему собирался что-то сказать. Ты ж в себя не приходила... Ой, Ладка, а ты есть хочешь?

– Нет. Меня тошнит.

– Ну так сотрясение мозга все ж таки! Ой, надо ж Ване сообщить, что ты очухалась!

– Куда ты несешься без порток?

– Обижаешь! Уже в портках, Мишка привез! Надо ж Ване сообщить!

– Так позвони ему, заполошная!

– Вот, Евгения Петровна, не успела очухаться, а уже самая умная! Алло, Вань, очнулась! Он сказал: «Бегу!»

И тут в палату буквально ворвался мой генерал!

Мама и Маруся отскочили в сторону. Он бухнулся на колени рядом с кроватью.

– Господи, господи, счастье-то какое, Ладка моя, девчуха... – Он целовал меня как безумный. И все твердил: – какое счастье, какое счастье...

– Ваня, ты что думал, я помру? Ты забыл, что я настоящий индеец!

– Да к черту индейцев! Ты знала, скажи, ты знала? Почему же мне не сказала?

– Вань, ты о чем?

– Как о чем? Ты знала, что ты... беременна?

– Что?

– У нас ребеночек будет, девчуха!

– Ты с ума сошел? Какой ребеночек? Откуда?

– Откуда? – засмеялся он. – Оттуда, откуда у всех! Значит, не знала...

Ох, как же я счастлив, девушки мои дорогие!

– Ваня, кто вам сказал?

– Да Николай! Зав. отделением. Поздравляю, говорит, папаша! К счастью, плод не пострадал. Я обалдел. Какой еще плод? А он говорит, жена твоя на третьем месяце. Я говорю, не может быть такого, ей сказали, что она никогда... А он говорит: я смотрю, Ваня, у тебя любовь. А от любви еще и не такие чудеса в медицине случаются. А тут Маруся звонит до кучи!

– Вань, отпусти ее, она сейчас опять сознание потеряет, нельзя ее так трясти!

– Ой, да, я идиот! От радости совсем ополоумел! Девчуха, а ты-то рада? Я не пойму...

– Еще как! Но я боюсь.

– Будешь наблюдаться у самых лучших врачей! Уж я прослежу!

– Нет. Не в том дело. Ванечка, умоляю, и Лиде скажи... Я не хочу, чтобы твоя мама знала. Пока не родится...

– Да ты что! Думаешь, мама и впрямь ведьма какая-то?

– Я не знаю! Но она прокляла меня, и буквально через час со мной это случилось...

– Ну, если разобраться, виновата в этом не столько твоя свекровь, сколько твой язычок... – заметила мама. – Но все-таки, Ваня, лучше держать эту новость в секрете. На всякий случай!

– И вот я еще что придумал! Мы назовем его...

– А что, уже известно, кто у нас будет?

– Нет, пока. Но в любом случае ребенка будут звать Женей. В честь моей любимой тещи!

– Ваня, знаешь, пусть эту экзотку выпустят. Я не хочу...

– Как скажешь, любимая!

– Это что здесь происходит? Господа, вы в своем уме? – напустилась на них пожилая врачиха. – А ну марш отсюда все!

– И мне уйти? – спросил генерал.

– Вам в первую очередь! Вы так перевозбуждены!

Они покорно вышли из палаты.

– Доктор, скажите, это правда? Я беременна?

– Вне всяких сомнений!

– Невероятно! Мне все врачи говорили – никогда!

И тут в дверь просунулась голова... в индейском головном уборе.

– Генерал, вы в своем уме? – засмеялась врачиха. – Что это еще за дела!

– Настоящему индейцу завсегда везде ништяк! – прокричал он и изобразил какое-то па.

– Я распоряжусь вколоть вам успокоительное!

Он встал перед ней на колени, поцеловал одну руку, вторую.

– Делайте со мной что хотите!

– Девушка, а вы не боитесь рожать от такого психа?

– Нет! Не боюсь!

– Надо же! Я и не думала, что в наше время мужики в таких чинах от любви с ума сходят. А укольчик все же сделаем!

СНОСКИ

Авторы Ф. Чистяков и П. Струков.

Из стихотворения Б. Пастернака «Объяснение».

3

Из стихотворения Б. Пастернака «Белая ночь».

4

Из стихотворения Б. Пастернака «Март».

Из стихотворения Б. Пастернака «Сказка».

Из стихотворения Б. Пастернака «Сказка».